

2017 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Борисова С.Е.

Профессиональная деформация личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и ее профилактика 1-18

Ювенальная юридическая психология

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В.

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 2) 19-32

Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н.

Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы 33-45

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Бусарова О.Р.

Проблема формирования готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению 46-56

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н.

Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления) 57-70

Психология профессиональной деятельности

Ковальчишина С.В.

Комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций следователей в ходе их профессионального становления 71-80

Василенко Т.Г.

Личностные особенности сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения 81-90

Бовин Б.Г., Ирисханов А.А.

Профессионально важные качества руководителя среднего звена в уголовно-исполнительной системе России 91-105

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Вартанян Г.А., Горбатов С.В.

Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера 106-122

Ошевский Д.С.

Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность 123-132

Исаева И.В., Макушкин Е.В., Хан В.Ч., Горинов В.В.

К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ 133-144

Профессиональная деформация личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и ее профилактика

Борисова С.Е., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (ya.borisowa-svet2012@yandex.ru)

Представлены результаты тематического исследования сущности и специфических особенностей профессиональной деформации личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. С этой целью опрошены пятьдесят сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, из которых 54% являются лицами, занимающими соответствующие управленческие должности (заместители начальников полиции по оперативной работе и другие) и 52% имеют специальные звания старшего офицерского состава. Средний стаж службы респондентов в оперативных подразделениях органов внутренних дел составил 9,5 лет. Подробно характеризуется понимание сотрудниками профессиональной деформации личности, выделяются доминирующие факторы, вызывающие развитие данного феномена. Приводится перечень форм проявления профессиональной деформации личности и обсуждаются наиболее важные из них и типичные для работников указанной категории. Показатели анкетирования сопоставляются со сведениями иных научных изысканий, отраженных в публикациях. Отдельное значение отводится мерам профилактики профессиональной деформации личности, в том числе осуществляемой в образовательных организациях высшего образования. Рассматривается фрагмент методики проведения практического занятия как элемента психолого-педагогической профилактики профессиональной деформации личности руководителей подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональная деформация личности, «эмоциональное выгорание», обвинительный уклон, коммуникативная компетентность, повышение квалификации, профилактика профессиональной деформации.

Для цитаты:

Борисова С.Е. Профессиональная деформация личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и ее профилактика. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 1-18.

doi: 10.17759/psylaw.207070201

For citation:

Borisova S.E. Professional deformation of the personality of employees of operative divisions of Internal Affairs and its prevention. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.1-18
doi: 10.17759/psylaw.2017070201

В настоящее время сохраняют актуальность вопросы, связанные с повышением уровня профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел, остаются насущными проблемы, касающиеся соответствия сотрудников предъявляемым профессионально-этическим требованиям и реалиям современной действительности.

Профессиональная жизнь сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОП ОВД) имеет свою специфику, обусловленную наличием экстремальных ситуаций, личного риска и ответственности за судьбу некоторых субъектов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), высокой степенью поглощенности работой, ролевым и зачастую вынужденным характером делового общения, а также отрицательными социально-психологическими качествами объекта труда (проверяемых, разрабатываемых) [21].

Сотрудник ОП ОВД нередко лицом к лицу сталкивается с представителями криминальной среды, опасностью в отношении себя и своих близких, что неизбежно накладывает отпечаток на внутренний мир и поведение профессионала, приводит к возникновению нежелательных личностных образований, в том числе профессиональной деформации.

Цель работы: дать характеристику профессиональной деформации личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и определить пути профилактики изучаемого явления.

Одним из первых специалистов в области юридической психологии, разрабатывавших понятие профессиональной деформации и рассматривавших ее применительно к личности следователя, является А.Р. Ратинов [17].

Теоретические и эмпирические исследования профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов получили также отражение в трудах В.Л. Васильева, К.Р. Такасаевой, А.С. Свенцицкого, А.И. Папкина, Ю.С. Калягина, И.Н. Коноплевой и других авторов [5, 19, 18, 15, 6].

Наиболее подробному изучению профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел посвящены работы А.В. Буданова, в которых центральное место занимает рассмотрение трех основных групп факторов, ведущих к развитию данного явления: факторов, обусловленных спецификой профессиональной деятельности, детерминант личностного свойства и факторов социально-психологического характера. А.В. Буданов также указывает на проявления профессиональной деформации и предлагает систему мер, в том числе педагогического характера, направленных на ее профилактику [4].

Весомый вклад в исследование рассматриваемого феномена принадлежит С.П. Безносову, предложившему психологический портрет проявлений профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел [1].

Важным представляется подход В.С. Медведева, понимающего профессиональную деформацию как комплекс своеобразных, взаимосвязанных изменений отдельных качеств и личности в целом, возникающих вследствие исполнения правоохранительной деятельности; при этом на личностном уровне профессиональная деформация представляет собой отклонение от определенного социального ориентира, профессионального требования. Согласно данным В.С. Медведева наблюдаются различия в интенсивности влияния специфики деятельности на развитие указанного явления в разных службах. В частности, наиболее мощное влияние выявляется в уголовном розыске, средняя степень интенсивности – в патрульно-постовой службе и следствии, а низкая степень интенсивности – в паспортной службе и службе кадров [12].

Для эмпирического исследования профессиональной деформации нами предпринято анкетирование пятидесяти сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Они прибыли из разных субъектов Российской Федерации для участия во внутриведомственном круглом столе «Взаимодействие подразделений органов внутренних дел в выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений», проходившем в Орловском юридическом институте Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова (далее – ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова) в октябре 2014 года.

Анализируя произвольно сформулированные определения опрошенных, прежде всего, хотелось бы отметить следующий факт. В большинстве своем профессиональная деформация определяется ими как явление со знаком «минус», включающее трансформации в личностных и психических конструктах, обозначаемых респондентами в словах «искажение», «негативные изменения», «отрицательные качества – вспыльчивость, наглость, грубость».

Особое место среди личностных особенностей, выступающих проявлениями профессиональной деформации, отводится подозрительности, неоднократно упоминаемой в ходе формулировки определений рассматриваемого феномена сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел. При этом акцентируется, что она выражена излишне, сопряжена с нервными срывами, проявляется не только по отношению к объекту труда, но и ко всему происходящему в разных областях жизнедеятельности.

Вместе с тем, некоторая часть анкетированных не конкретизировала знак личностных изменений, предпочитая указать на образование качеств, приобретаемых в связи с выполняемой профессиональной деятельностью. Поэтому можно предположить: сотрудники допускают, что возникновение отдельных проявлений профессиональной деформации личности носит противоречивый характер, не всегда расценивается как однозначно негативная реалья, сосуществует с такими эффектами выполнения служебных обязанностей, как профессиональная адаптация и профессиональное мастерство.

Примечательно, что наряду с внутриличностными изменениями при определении профессиональной деформации анкетированные называют возникновение поведенческих особенностей, состоящих, прежде всего, в притуплении или отсутствии стремления выполнять свои функциональные обязанности на должном уровне.

По данным существующих исследований схожее понимание сущности профессиональной деформации личности встречается, в частности, у прокурорских работников, отождествляющих в ходе их опроса рассматриваемое явление со снижением активности, ответственности и мотивации труда, с безынициативностью, безразличием, равнодушием к работе, формализмом и нежеланием принимать на себя ответственность [8].

В определениях ассоциирование профессиональной деформации личности с переносом способов и принципов выполнения оперативно-розыскной деятельности в быт, семью и другие внеслужебные сферы наблюдается у 15,9% опрошенных нами респондентов, отметивших, что сотрудник ОП ОВД зачастую не может переключиться на непрофессиональные вопросы и рассматривает их через призму оперативно-служебной деятельности.

Существенной составляющей высказанных определений является понимание профессиональной деформации личности как феномена, присущего сфере делового общения и выражающегося в зарождении психологических (коммуникативных) барьеров, отсутствии жалости и сострадания к переживаниям других людей, возникновении «сухости к проблемам граждан».

Такая трактовка профессиональной деформации личности, на наш взгляд, наиболее близка к пониманию одного из ее типичных проявлений – «эмоционального выгорания». Наиболее тщательно данный феномен изучен зарубежными психологами, разработавшими разные модели описания этого явления. В последние годы и в отечественной психологии уделяется все большее внимание научному анализу «эмоционального выгорания».

Как отмечается в литературе, необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки специалистов придает особую актуальность работам по изучению соответствия человека требованиям профессиональной деятельности и его профессиональной стрессоустойчивости. Перемены, произошедшие в последние годы в социальной организации и жизнедеятельности общества, оказывают воздействие особенно на специалистов коммуникативных профессий. Становится более напряженным ритм жизни, возрастает конкурентность среди работников, повышаются требования к качеству жизни и труда, что в ряде случаев способствует сокращению профессионального долголетия и развитию психосоматических заболеваний. Несмотря на то, что в течение определенного времени эта проблема с осторожностью признавалась, понятие «выгорания» дало возможность для более открытого его обсуждения [10; 11].

Уместно сослаться на результаты эмпирического исследования, согласно которому склонные к выгоранию профессионалы социальной сферы деятельности не обладают навыками конструктивного разрешения конфликта, устойчиво используют стратегии поведения в конфликте, связанные с доминированием над реципиентами и отстранением от конфликтной ситуации. Также отмечается, что «невыгоревшим» профессионалам свойственны более широкий репертуар реагирования в конфликте и гибкость поведенческой сферы [20].

Отметим, что в действующем руководстве по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 11 февраля 2010 года № 80, одной из задач воспитательной работы является развитие коммуникативной компетентности

сотрудников, практических навыков и умений профессионально-грамотного общения с гражданами при исполнении служебных обязанностей и вне службы [14].

Достижение данной задачи видится возможным не только в ходе воспитательной работы с личным составом, но и в рамках образовательного процесса, а кроме того, выступает одной из мер психолого-педагогической профилактики профессиональной деформации личности.

Весьма важным в ответах участвующих в анкетировании сотрудников ОП ОВД является отмечаемое ими в сформулированных определениях нежелание профессионала самосовершенствоваться, повышать свою квалификацию и самообразовываться. На наш взгляд, такое понимание анализируемого феномена сочетается с ощущением застоя в развитии специалиста, слабом видении дальнейших перспектив карьерного и личностного роста в рамках ведомства. В то же время повышение квалификации, возможность обмена опытом при проведении разных форм воспитательной работы могут способствовать как профилактике, так и преодолению профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД.

Уместно сослаться на мнение известного исследователя профессиональной деформации С.П. Безносова, относящего стремление к дальнейшему самосовершенствованию и особую энергетическую одержимость в работе к перечню признаков настоящего профессионала [2].

Завершая обобщение определений профессиональной деформации личности, сформулированных респондентами, стоит сказать о том, что по сути, в них содержится указание на проявления изучаемого феномена, поэтому представляется целесообразным перейти к их более детальному анализу.

В качестве самостоятельного вопроса анкеты респондентам предлагался перечень различных проявлений профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД, из которых необходимо было выбрать три наиболее типичных и важных. Распределение всех ответов в процентах представлено ниже (рис. 1).

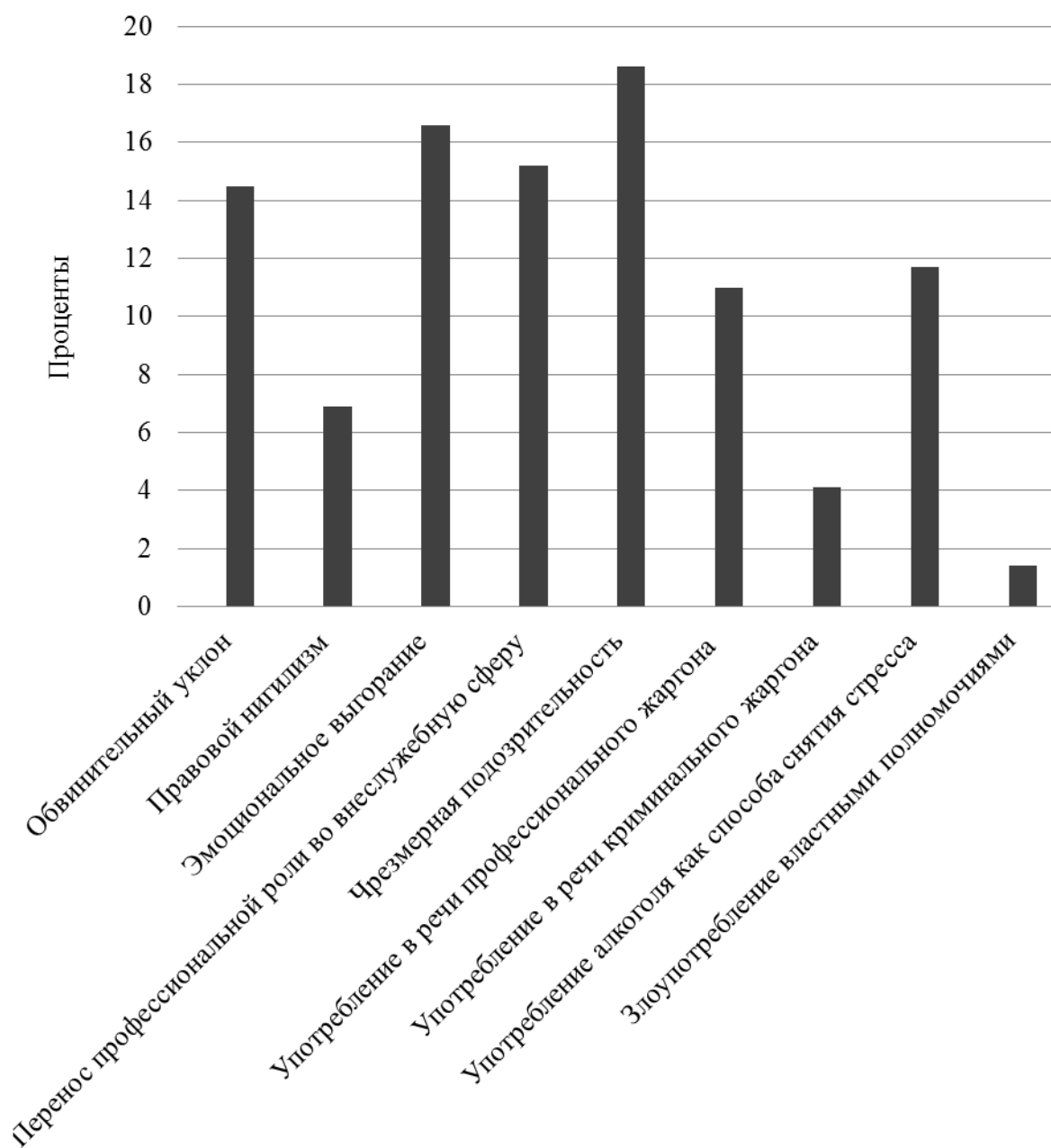

Рис. 1. Проявления профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД

В числе часто отмечаемых оказались чрезмерная подозрительность (18,6%), эмоциональное выгорание, понимаемое как эмоциональное истощение, усталость от работы и равнодушие к ней (16,6%), перенос профессиональной роли во внеслужебную сферу (15,5%) и обвинительный уклон (14,5%).

Поскольку первые три проявления нами в определенной степени уже раскрыты, остановимся на такой форме выражения рассматриваемого феномена как обвинительный уклон, наиболее изученный относительно субъектов уголовно-процессуальной, а не оперативно-розыскной деятельности.

Наиболее близким к сущности данного контекста представляется определение В.А. Лазаревой, согласно которому обвинительный уклон – предрасположенность сотрудника органов внутренних дел занимать обвиняющую позицию по отношению к людям, с которыми приходится сталкиваться в процессе выполнения служебных обязанностей [9].

Не увлекаясь подробностями предаваемых общественности обстоятельств, следует упомянуть резонансные факты неправомерного применения физической силы по отношению к объекту труда, допускаемой в отделениях полиции и приводящей к крайне отрицательным последствиям для всех участников данных ситуаций. Вместе с тем, подобные факты требуют своего самостоятельного изучения, так как неправомерные поступки сотрудников могут быть вызваны не столько их профессиональной деформацией (обвинительной установкой в сочетании с уверенностью в собственной непогрешимости), сколько изначальной профессиональной непригодностью к службе в оперативных подразделениях органов внутренних дел.

Не менее значимы в рамках проведенного нами исследования факторы профессиональной деформации личности, перечень которых предлагался респондентам для указания каждым опрошенным трех наиболее существенных. Распределение ответов в целом содержится в гистограмме (рис. 2).

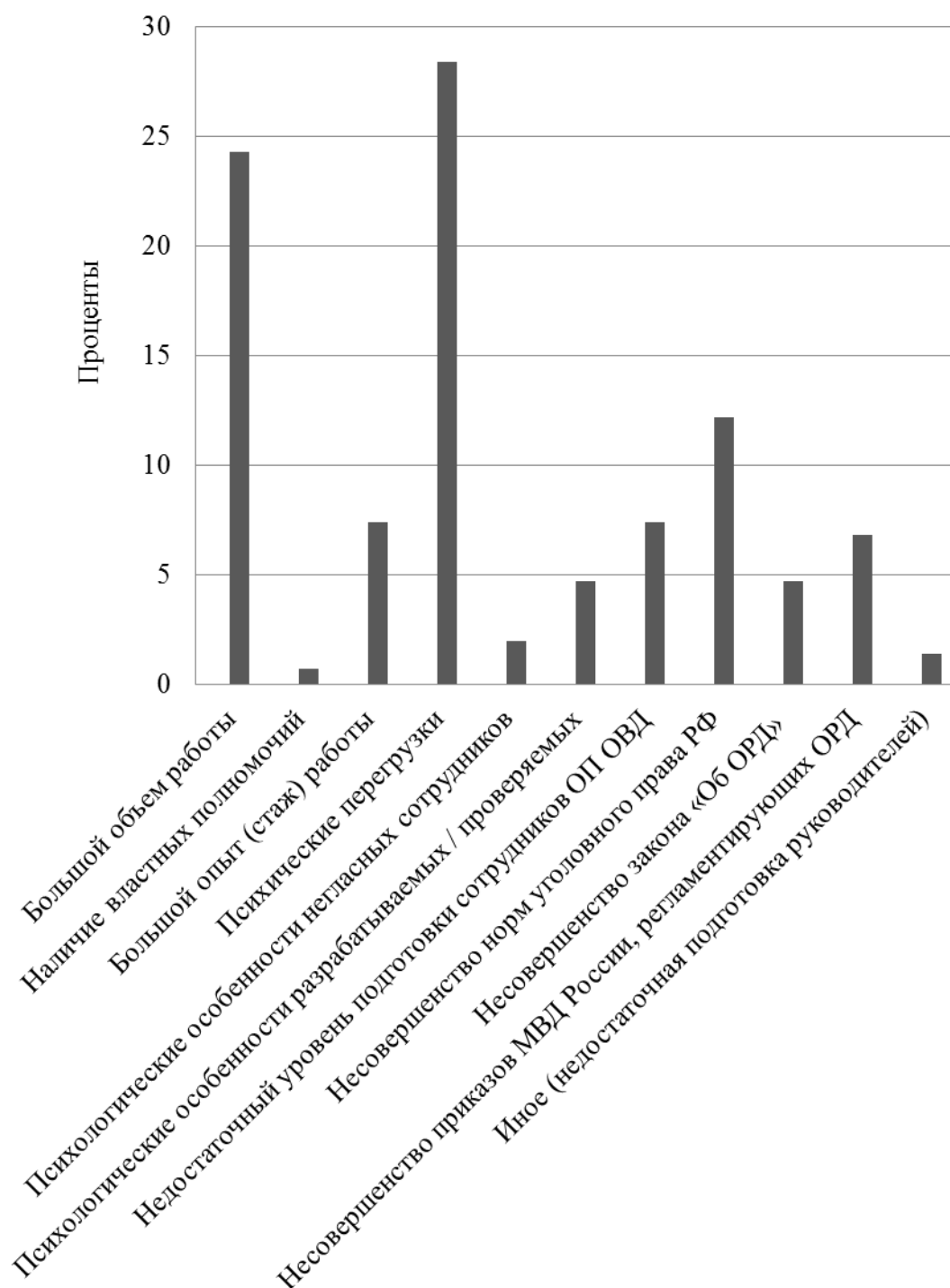

Рис. 2. Факторы профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД

С явным преимуществом наиболее часто отмечаемыми оказались психические перегрузки (28,4%) и большой объем работы (24,3%). Обращает на себя внимание и такой выделенный респондентами фактор развития профессиональной деформации личности, как несовершенство норм уголовного права Российской Федерации (12,2%).

Интересным обстоятельством здесь выступает то, что наиболее существенные с точки зрения респондентов факторы, вызывающие профессиональную деформацию

личности сотрудников ОП ОВД, следует скорее отнести к объективным детерминантам, а не субъективным причинам. То есть они обусловлены внешними обстоятельствами, спецификой и нормативной правовой регламентацией профессиональной деятельности специалистов.

В этой связи необходимо отметить важность совершенствования организационно-управленческой и правовой стороны функционирования ОП ОВД, создания современных условий выполнения ими оперативно-служебной деятельности, активизации воспитательной работы с сотрудниками со стороны всех ее субъектов и преодоления формализма психолого-педагогических воздействий.

Одновременно сами сотрудники, характеризуя меры профилактики профессиональной деформации, большую ценность придают собственному личностному и личному ресурсу. Так, среди наиболее эффективных мер профилактики, проиллюстрированных в гистограмме (рис. 3), отмечаются общение с близкими людьми вне работы (24%), занятия спортом (19%), самовоспитание (17%), профессиональное обучение и повышение квалификации (16,3%) (в подписях рис. 3 используется формулировка «Проф.обучение и повышение квалификации»).

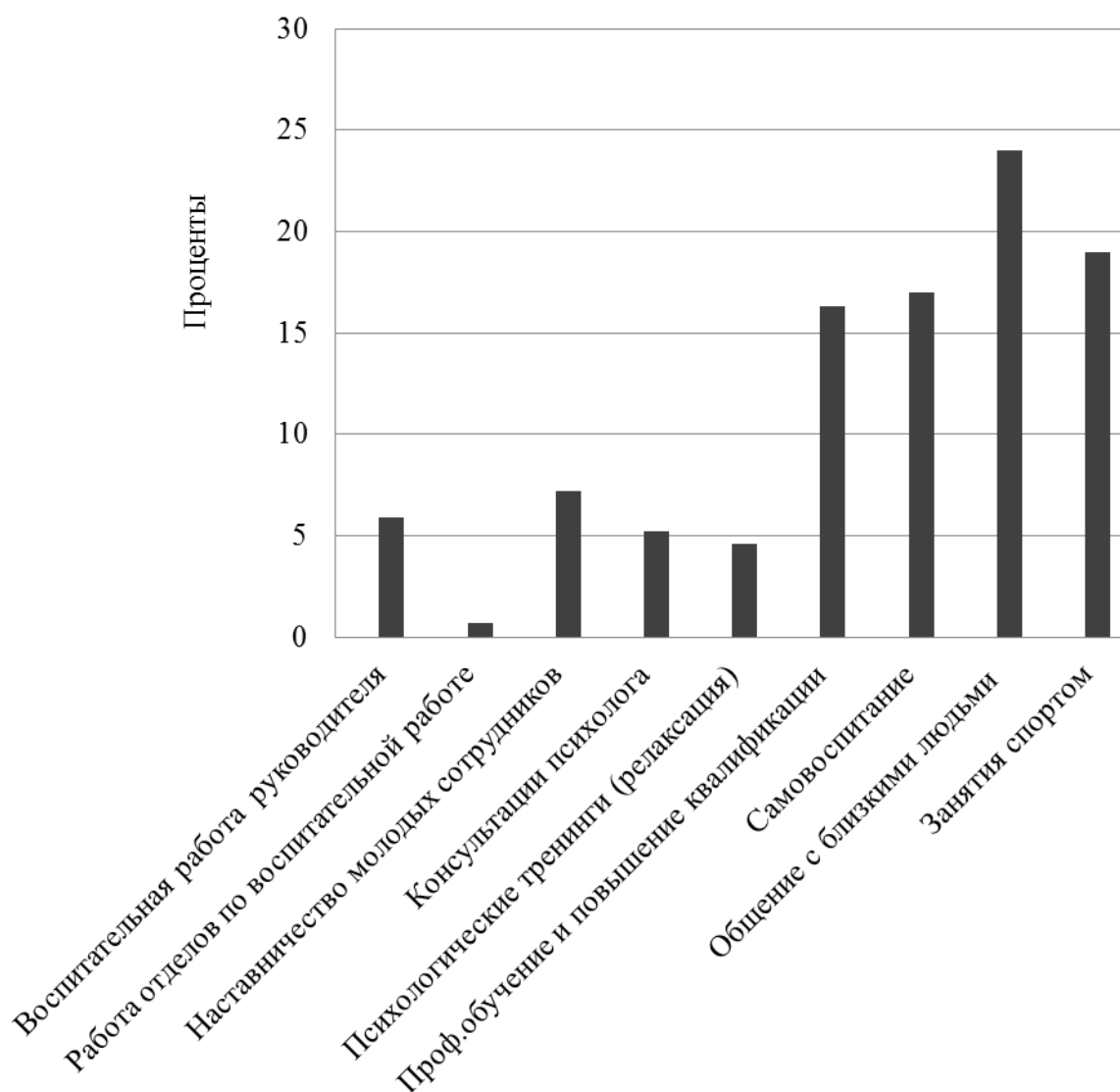

Рис. 3. Меры профилактики профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД

Стоит сказать, что первые две из наиболее эффективных мер являются весьма действенными социально одобряемыми способами снятия психической напряженности и стрессовых состояний человека, зачастую сопутствующих развитию профессиональной деформации.

Согласно мнению А.Р. Беренова, изучающего профессиональную деформацию личности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), большего успеха в работе добиваются те из них, кто ориентирован не только на профессиональную деятельность, но и на поддержание общения со значимым микросоциумом – семьей, друзьями. Эти же сотрудники, с точки зрения автора, в меньшей степени подвержены возникновению профессиональной деформации личности [3].

Обосновано утверждать, что вопросы профилактики профессиональной деформации насущны и для представителей иных силовых ведомств. Так, в Концепции развития

уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 года № 1772-р в разделе «Кадровое обеспечение и социальный статус работников уголовно-исполнительной системы» предполагается выработка требований к служебному поведению работников УИС. В том же документе говорится о необходимости развития сети региональных медико-реабилитационных центров для профилактики профессиональной деформации, психологической перегрузки и организации семейного отдыха работников УИС [13].

Самовоспитание, выступая с точки зрения респондентов мерой профилактики профессиональной деформации личности, на наш взгляд, во многом помогает планировать собственный труд, управлять его ходом, осуществлять саморегуляцию поведения в конфликтных ситуациях, провоцирующих отрицательные переживания и соответствующие поведенческие реакции специалиста.

Профессиональное обучение и повышение квалификации, как мера профилактики анализируемого явления, заслуживает особого рассмотрения.

Так, в числе современных публикаций последних лет все чаще говорится о целесообразности профилактики характеризуемого феномена в ходе обучения в образовательной организации, а именно, предлагаются соответствующие программы, реализуемые на разных этапах (курсах) обучения [7], разрабатывается и внедряется спецкурс «Профессиональные деформации личности» как элемент создания профессиональной образовательной среды и подготовки специалистов [16].

Целесообразно обратиться к опыту повышения квалификации руководителей подразделений органов внутренних дел в ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, с которыми проводится социально-психологический тренинг совершенствования коммуникативной компетентности. Задачами такого тренинга, реализуемого в течение четырехчасового практического занятия, выступают: расширение знаний о приемах и способах эффективного делового общения; совершенствование умения анализировать формы и ситуации деловой коммуникации, выбирая способы конструктивного управленческого и воспитательного воздействия на подчиненных; повышение уровня сформированности способности к самоанализу и профессиональному саморазвитию.

Для организации работы в составе малых групп занятие проводится в аудитории активного социально-психологического обучения, имеющейся в институте. Ее пространственная организация включает столы, позволяющие разделить учебную группу на игровые коллективы, каждый из которых состоит из четырех-пяти слушателей.

Не задерживаясь на детальном рассмотрении всех методов проведения социально-психологического тренинга, хотелось бы остановиться на такой составляющей основной части занятия, как обсуждение и моделирование форм деловой коммуникации.

Так, анализ категориального аппарата практического занятия осуществляется с использованием выпущенных издательством «Oh Verlag» метафорических ассоциативных карт «Persona» (тридцати трех карт-взаимодействий, изображающих схемы) (рис. 4).

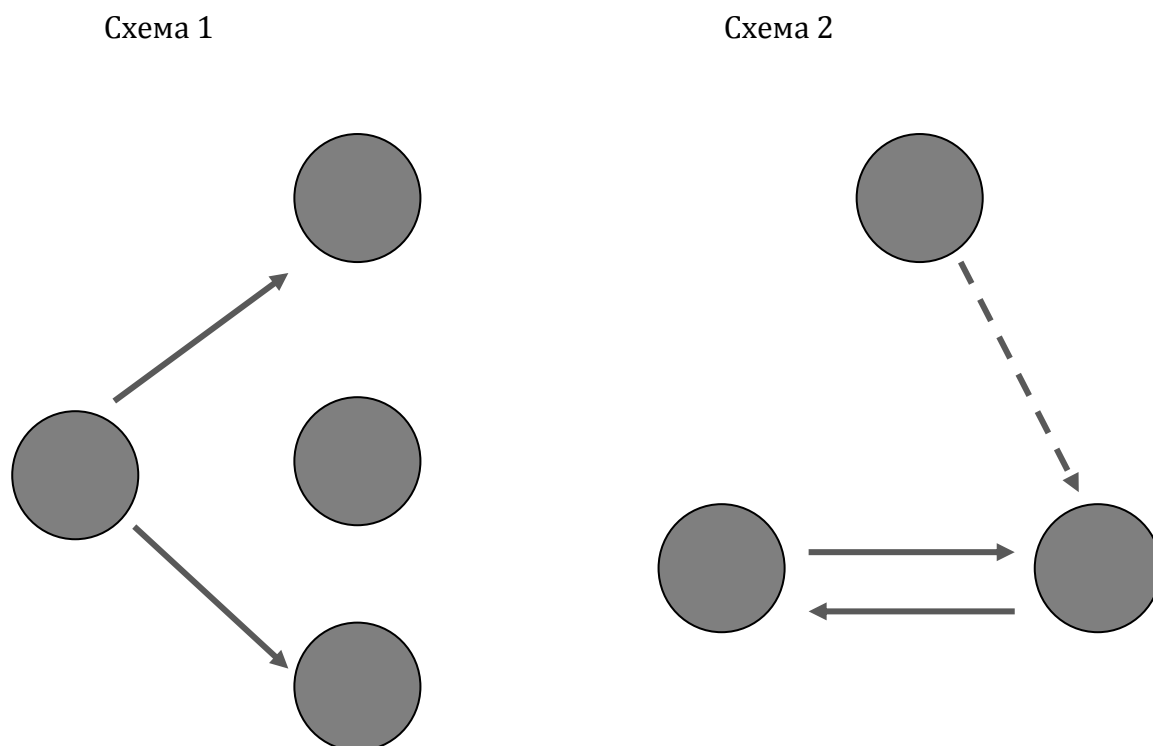

Рис. 4. Примеры схем, изображенных на метафорических ассоциативных картах-взаимодействиях

Слушателям предлагается следующая инструкция: «На слайде указаны разные формы деловой коммуникации, составляющие одновременно ключевые категории изучаемой темы. Нам предстоит проникнуть в сущность каждой из них, осознать их важность для личности и для совместной слаженной работы в коллективе. Выберите одно из предложенных понятий – названий формы деловой коммуникации – и сформулируйте его определение, выбрав подходящую карту-метафору».

Порядок работы: каждый слушатель выбирает по одной карте-схеме и формулирует развернутое определение. Примерный алгоритм ответа: «Деловая беседа – это ... Для ее метафорического изображения я выбрал (-а) эту карту, так как ...».

Преподаватель кратко фиксирует определения, чтобы после выступлений обобщить их и соотнести между собой, устанавливая причинно-следственные связи.

Обсуждаемые вопросы: Почему Вы выбрали эту схему? Приведите пример важности данной формы деловой коммуникации. Что общего в приведенных определениях? В чем сущность обсуждаемых феноменов? В чем их взаимосвязь? Каково их влияние на эффективность оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел? Какие методы управленческого воздействия используются в данной форме деловой коммуникации? Каким образом взаимосвязаны характер деловой коммуникации и профилактика профессиональной деформации личности и коллектива?

Затем происходит моделирование той или иной формы деловой коммуникации каждым игровым коллективом с использованием ролевой игры и диалога, завершающееся разбором продемонстрированной ситуации с участием всей учебной группы.

Несмотря на то, что в данном случае прямо и непосредственно не ставится задача профилактики профессиональной деформации личности, косвенно, на наш взгляд, она выполняется благодаря обеспечению обмена профессиональным и коммуникативным опытом, выработке наиболее оптимальных коллективных решений в моделируемых формах делового общения.

Стоит подчеркнуть определенную универсальность приведенной методики проведения практического занятия, так как она легко адаптируется к любой аудитории и категории руководителей правоохранительных органов и, соответственно, может использоваться в образовательных организациях силовых структур, а также при проведении занятий по морально-психологической подготовке личного состава в подразделениях.

Завершая рассмотрение профессиональной деформации личности сотрудников ОП ОВД, стоит отметить, что она характеризуется своими отличительными особенностями, выражающимися в определенных формах проявления, детерминированных спецификой оперативно-розыскной деятельности. Подчеркивая огромную роль профессиональной сферы как благоприятной среды для позитивного самоутверждения личности, справедливо признавать и ее деструктивное влияние, изучать факторы, вызывающие анализируемый нами феномен, причем с учетом своеобразия и неповторимости конкретного труда.

Научные исследования профессиональной деформации личности логично обуславливают разработку комплексного подхода к ее профилактике, включающего систему мер организационного, психологического и воспитательного характера. Особое место среди субъектов профилактики рассматриваемого явления призваны занимать образовательные организации, осуществляющие формирование разных видов компетенций обучающихся, совершенствование конструктивного служебного поведения сотрудников и способности противостоять негативным воздействиям профессии.

Литература

1. *Безносков С.П.* Профессиональные деформации личности: (подходы, концепции, метод): Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 1997. 35 с.
2. *Безносков С.П.* Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (55). С. 167-171.
3. *Беренов А.Р.* Способы предотвращения профессионально-нравственной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2014. № 3. С. 89-90.
4. *Буданов А.В.* Психолого-педагогические пути преодоления профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. М.: ГУК МВД России, 1994. 41 с.
5. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: учебник. СПб.: Питер Пресс, 1997. 656 с.

6. *Калягин Ю.С., Коноплева И.Н.* Личностные проявления профессиональной деформации субъектов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39942_full.shtml (дата обращения 12.02.2017).
7. *Крыжевская Н.Н.* Формирование профессионального правового сознания как условие профилактики профессиональной деформации у курсантов вузов системы МВД // Российский психологический журнал. 2012. Том 9. № 1. С. 77-83.
8. *Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Психологическое исследование профессиональной деформации прокурорских работников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 68-74.
9. *Лазарева В.А.* Психология следователя и вопросы профессиональной деформации // Реализация уголовной ответственности: уголовно-правовые и процессуальные проблемы: межвуз. сб. ст. / Отв. ред. С. А. Шейфер. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1987. С. 146-154.
10. *Ларенцова Л.И.* Феномен психологического выгорания специалиста и пути предотвращения появления феномена // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 52-70.
11. *Ларенцова Л.И., Терехина Н.В.* Феномен эмоционального выгорания: механизм формирования, симптомы и способы преодоления с точки зрения различных психологических подходов // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 37-48.
12. *Медведев В.С.* Психология профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Киев, 1999. 35 с.
13. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 177-р // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения 14.02.2017).
14. О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 11.02.2010 № 80 // Юридическая психология. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/9/02.htm> (дата обращения 14.02.2017).
15. *Папкин А.И.* Избранные труды. М.: РУДН, 2012. 519 с.
16. *Полякова О.Б.* Профессиональная образовательная среда на защите будущих специалистов от профессиональных деформаций // Мир психологии. 2013. № 4. С. 120-131.
17. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей: учебное пособие. М.: Изд-во

ВШ МООП РСФСР, 1967. 290 с.

18. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология: учебник. М.: Проспект, 2011. 336 с.
19. *Такасаева К.Р.* Морально-психологические факторы профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 26 с.
20. *Шевченко А.А.* Деформация межличностных отношений и жизненных целей у лиц с профессиональными деструкциями [Электронный ресурс] // Мир науки. 2016. Том 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/02PSMN416.pdf> (дата обращения 12.02.2017).
21. *Шевченко В.М.* Психология оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / В.М. Шевченко, Н.Д. Эриашвили, В.Л. Цветков, Н.Е. Шаматава, И.И. Аминов. 2-е изд., перераб. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 257 с.

Professional deformation of the personality of employees of operative divisions of Internal Affairs and its prevention

Borisova S.E., Ph.D., associate professor, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (ya.borisowa-svet2012@yandex.ru)

Presents results of a case study of the essence and specific features of professional deformation of employees of operative divisions of internal Affairs bodies. With this purpose, respondents fifty employees of operational units of internal Affairs bodies, of which 54% are persons holding relevant management posts (Deputy heads of police for operational work, and others), and 52% have special ranks of senior officers. The average length of service of respondents in operational units of internal Affairs bodies was 9.5 years. Detail is characterized by the commitment of staff to professional deformation of the personality, stand out the dominant factors causing the development of this phenomenon. Provides a list of the manifestations of professional deformation of the personality and discuss the most important ones and typical for workers in this category. The indicators of the survey are compared with data of other scientific research, reflected in publications. A separate value is given to the prevention of professional deformation of the personality, including those in educational institutions of higher education. Discusses a fragment of the methodology for the conduct of practical exercises as part of psychological-pedagogical prevention of professional deformation of the personality of the heads of divisions of internal Affairs bodies.

Key words: professional deformation of personality, "burnout", accusatory, communicative competence, professional development, prevention of professional deformation.

References

1. Beznosov S.P. Professional'nye deformatsii lichnosti: (podkhody, kontseptsii, metod). Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk [Professional deformation of the person: (approaches, concepts, method). Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 1997. 35 p.
2. Beznosov S.P. Professional'nye deformatsii lichnosti [Professional deformation of the personality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik Saint-Petersburg University of MIA of Russia]*, 2012, no. 3 (55), pp. 167-171. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Berenov A.R. Sposoby predotvrashcheniya professional'no-nravstvennoi deformatsii sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy [Ways to prevent the professional and

- moral deformation of employees of criminally-Executive system]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii [Bulletin of Voronezh Institute of the Federal penitentiary service of Russia]*, 2014, no. 3, pp. 89-90. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Budanov A.V. Psikhologo-pedagogicheskie puti preodoleniya professional'noi deformatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological and pedagogical ways of overcoming of professional deformation of employees of internal Affairs bodies]. Moscow: GUK MVD Rossii, 1994. 41 p.
  5. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik [Juridical psychology]. Saint-Petersburg: Piter Press, 1997. 656 p.
  6. Kalyagin Yu.S., Konopleva I.N. Lichnostnye proyavleniya professional'noi deformatsii sub"ektov operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] [Personal manifestations of professional deformation of the agents of the detective-search activity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2011, no 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39942_full.shtml (Accessed 12.02.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
  7. Kryzhevskaya N.N. Formirovanie professional'nogo pravovogo soznaniya kak uslovie profilaktiki professional'noi deformatsii u kursantov vuzov sistemy MVD [The formation of professional legal consciousness as a condition of prevention of professional deformation among the students of universities of Ministry of internal Affairs]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian psychological journal]*, 2012, kn. 9, no. 1, pp. 77-83. (In Russ., abstr. in Engl.).
  8. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskoe issledovanie professional'noi deformatsii prokurorskikh rabotnikov [Psychological study of professional deformation of the prosecutors]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation]*, 2016, no. 3 (53), pp. 68-74. (In Russ., abstr. in Engl.).
  9. Lazareva V.A. Psikhologiya sledovatelya i voprosy professional'noi deformatsii [The psychology of the investigator and the issue of professional deformation]. In Sheifer S.A. (ed.) *Realizatsiya ugovnoi otvetstvennosti: ugovno-pravovye i protsessual'nye problemy: mezhvuz. sb. st. [Implementation of criminal responsibility: criminal-legal and procedural issues]*. Kuibyshev: Publ. Kuibyshevskogo gosudarstvennogo universiteta, 1987, pp. 146-154.
  10. Larentsova L.I. Fenomen psikhologicheskogo vygoraniya spetsialista i puti predotvrashcheniya poyavleniya fenomena [The phenomenon of psychological burnout specialist and ways to prevent the appearance of the phenomenon]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2008, no. 4, pp. 52-70. (In Russ., abstr. in Engl.).
  11. Larentsova L.I., Terekhina N.V. Fenomen emotsional'nogo vygoraniya: mekhanizm formirovaniya, simptomy i sposoby preodoleniya s tochki zreniya razlichnykh psikhologicheskikh podkhodov [The phenomenon of emotional burnout: the mechanism of formation, symptoms and ways of overcoming from the point of view of different psychological approaches]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2009, no. 2, pp. 37-48. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Medvedev V.S. Psikhologiya professional'noi deformatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del. Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk [Psychology of professional deformation of employees of internal Affairs bodies. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Kiev, 1999. 35 p.
13. O Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda [Elektronnyi resurs] [The concept of development criminally-Executive system of the Russian Federation until 2020]. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14.10.2010 № 177-r [The government of the Russian Federation dated 14.10.2010 no. 177-r]. SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (Accessed 14.02.2017).
14. O moral'no-psikhologicheskom obespechenii operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] [About the moral and psychological support of the operative-service activity of internal Affairs bodies of the Russian Federation]. Prikaz MVD Rossii ot 11.02.2010 no. 80 [Prikaz MVD Rossii ot 11.02.2010 no. 80]. Yuridicheskaya psikhologiya. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/9/02.htm> (Accessed 14.02.2017).
15. Papkin A.I. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: RUDN, 2012. 519 p.
16. Polyakova O.B. Professional'naya obrazovatel'naya sreda na zashchite budushchikh spetsialistov ot professional'nykh deformatsii [A professional educational environment for the protection of future professionals from professional deformation]. *Mir psikhologii [The world of psychology]*, 2013, no. 4, pp. 120-131. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Ratinov A.R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei: uchebnoe posobie [Forensic psychology for investigators]. Moscow: Publ. VSh MOOP RSFSR, 1967. 290 p.
18. Svetsitskii A.L. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnik [Social psychology]. Moscow: Prospekt, 2011. 336 p.
19. Takasaeva K.R. Moral'no-psikhologicheskie faktory professional'noi deformatsii lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Psychological factors of professional deformation of employees of internal Affairs bodies. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2001. 26 p.
20. Shevchenko A.A. Deformatsiya mezhlchnostnykh otnoshenii i zhiznennykh tselei u lits s professional'nymi destruktivnyimi [Elektronnyi resurs] [Deformation of interpersonal relationships and life goals of persons with professional destructions]. *Mir nauki [World of science]*, 2016, kn. 4, no. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/02PSMN416.pdf> (Accessed 12.02.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shevchenko V.M., Eriashvili N.D., Tsvetkov V.L., Shamatava N.E., Aminov I.I. Psikhologiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie [The psychology of operatively-search activity]. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. 257 p.

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 2)

Бовина И.Б.*¹, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (innabovina@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В.*, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (dvorian@gmail.com)

Гаямова С.Ю., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sgayamova@yandex.ru)

Милехин А.В., кандидат психологических наук, проректор по внеучебной и социальной работе, ФГБОУ ВО МГППУ (milehinav@mgppu.ru)

Будыкин С.В.*, аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (moscow858@yandex.ru)

Цель излагаемого исследования заключается в анализе обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей. Исследование опирается на положения теории социальных представлений, в частности, о связи социальной практики и социальных представлений. Объект исследования – учителя общеобразовательных школ. Выборку составили 102 человека в возрасте от 22 до 65 лет ($M = 39,36$ лет; $SD = 11,12$ лет, 91 женщина и 11 мужчин). В зависимости от опыта обучения школьников различного возраста все респонденты были разбиты на три группы: обучающие детей, обучающие подростков, обучающие детей и подростков. Предметом исследования была специфика обыденных представлений учителей об информационной безопасности детей и подростков. Проверяемые предположения касались специфики социальных представлений об информационной безопасности в зависимости от опыта взаимодействия со школьниками различного возраста. Для проверки предположений была разработана анкета, состоявшая из 6 частей. В первой части респондентам предлагалось оценить тот или иной тип информации с точки зрения угрозы, которую она представляет безопасности детей и подростков. В последующих четырех частях анкеты респондентам предлагалось ответить на вопросы так называемых «виньеток» (гипотетических ситуаций), в каждом случае

---

¹ Работа авторов, отмеченных звездочкой (*), получила финансовую поддержку в рамках гранта РГНФ (15-06-10649).

было необходимо предложить план действий в ситуации. В последней части содержались социально-демографические вопросы. Будучи ограниченными объемом статьи, в настоящей части обсуждаются результаты, касающиеся оценки угрозы и двух гипотетических ситуаций из четырех.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, теория социальных представлений, информация, угрожающая здоровью и развитию детей, учителя, действия по обеспечению информационной безопасности детей и подростков.

Для цитаты:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 2). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 19-32.

doi: 10.17759/psylaw.207070202

For citation:

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.Yu., Milekhin A.V., Budykin S.V. Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 2). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.19-32.

doi: 10.17759/psylaw.2017070202

Как было отмечено в первой части настоящей работы [2], эффективность превентивных и профилактических программ определяется тем, как эта информация преломляется через призму обыденного мышления, отсюда возникает необходимость изучения того, как информационная безопасность интерпретируется взрослыми из ближайшего окружения детей и подростков, ибо именно эти люди могут защитить несовершеннолетних детей от воздействия информации, угрожающей из здоровью и развитию. Выбрав в качестве теоретической основы теорию социальных представлений, мы поместили в фокус внимания анализ связи между дистанцией до объекта представлений и особенностями самих социальных представлений.

Итак, **цель** исследования, излагаемого в настоящей работе, заключалась в изучении обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах учителей.

Объектом исследования были учителя, имеющие опыт работы с учениками различного возраста (от младших до старших классов). В зависимости от опыта взаимодействия с учениками были выделены три категории учителей: учителя, работающие с детьми (*группа 1*), учителя, работающие с подростками (*группа 2*), учителя, работающие как с детьми, так и с подростками (*группа 3*). Как и в первой части нашего научно-исследовательского проекта, разбиение на группы требовалось для того, чтобы сравнить то, как различная дистанция по отношению к проблеме информационной безопасности детей и подростков отражается на обыденных представлениях.

Всего в исследовании приняли участие 102 человека² в возрасте от 22 до 65 лет (M= 39,36 лет; SD=11,12 лет, 91 женщины и 11 мужчин). 100 респондентов имеют высшее образование, 2 – среднее-специальное.

Предметом исследования была специфика обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков.

Опираясь на идеи теории социальных представлений [7; 8], и принимая во внимание результаты наших предыдущих исследований, в частности, тот факт, что обыденные представления выстраиваются вокруг двух основных тем – угроза и противостояние угрозе информационной безопасности [1], мы сформулировали следующие **предположения**:

1. Опыт взаимодействия с детьми или подростками определяет то, каким темам будет приписываться угроза в первую очередь. Так в группе учителей, работающих с детьми, наибольшая угроза будет приписываться темам, связанным с детским возрастом; в группе учителей, работающих с подростками, – темам, связанным с подростковым возрастом; в группе учителей, имеющих опыт работы как с детьми, так и с подростками, угроза будет приписываться в большей степени темам, связанным с подростковым возрастом.

2. Соотношение предписывающих и функциональных элементов будет варьироваться в трех группах, а именно: если опыт взаимодействия с возрастной группой соответствует возрасту персонажа, то будут преобладать функциональные элементы, если не соответствует – будут преобладать предписывающие элементы.

3. В группе 3 (учителя, обучающие учеников разных возрастов – детей и подростков) имеет место наибольшая сложность скриптов по сравнению с другими группами.

Основным **методом исследования** был опрос в варианте анкетирования. В методике, разработанной на основе результатов предварительного исследования, во внимание принимался тот факт, что представление об информационной безопасности структурируется вокруг двух основных тем – угроза безопасности и противостояние этой угрозе [1; 3]. Анкета состояла из 6 частей. В *первой части* респондентам предлагалось проранжировать различные темы с точки зрения угрозы информационной безопасности детей и подростков. Список, составленный на основе результатов, полученных ранее [1], включал следующие темы: насилие и жестокость, убийство, самоубийство, педофилия, наркотики, курение, алкоголь, порнография, сексуальные отношения в гетеросексуальных парах, сексуальные отношения в гомосексуальных парах, секты, террористические акты. Методика составлена так, что респонденты оказываются в ситуации выбора между той или иной угрозой, однако именно таким образом представляется возможным выявить некоторую иерархию.

---

² Обратим внимание на то, что всего было опрошено 194 человека, из которых в основной анализ вошли только 102, что объясняется низким качеством заполнения методического материала, а именно: в опросниках отсутствовала информация, необходимая для классификации респондентов по группам, или ответы на ключевые вопросы опросника были проигнорированы респондентами.

Во второй, третьей, четвертой и пятой частях анкеты респондентам предлагалось ответить на вопросы так называемых «виньеток»³, в каждом случае их просили разработать план действий в конкретной ситуации. Все ситуации были связаны с угрозой информационной безопасности детей или подростков и предполагали какую-либо стратегию действий со стороны взрослых. Кроме того, предлагалось оценить каждую ситуацию с точки зрения того, какие эмоциональные реакции она порождает.

В последней части респондентам предлагалось ответить на ряд социально-демографических вопросов. Обратим внимание на то, что по сравнению с методикой, которая была использована в группах родителей, настоящая серия была несколько модифицирована – нами была сформулирована еще одна ситуация, касающаяся онлайн игр с элементами насилия. Таким образом, две ситуации касались детей и две ситуации – подростков. Важность новой ситуации заключается в том, что она разворачивается в школьном контексте.

Для анализа полученных качественных данных использовался частотно-смысловой анализ, который выполнялся два раза одним тем же исследователем.

Описание и анализ результатов. Оценка угрозы. Анализ того, как группы респондентов оценивают угрозу той или иной информации (табл. 1), позволяет говорить, что во всех группах наибольшая угроза приписывается информации, которая касается насилия (жестокости). Любопытно узнать, что именно будут предлагать учителя в гипотетической ситуации, связанной с насилием.

Другие темы, которые оцениваются как угрожающие в значительной мере – педофилия и самоубийство (группа 1), наркотики и самоубийство (группа 3), в группе 2 – самоубийство и наркотики. Можно говорить о том, что самоубийство и употребление ПАВ являют собой серьезную проблему в подростковом возрасте. Для учителей, взаимодействующих с подростками, эти темы оказываются актуальными, как следствие – оцениваются как угрожающие в наибольшей степени в этой группе, чем в группе учителей, работающих с детьми.

Обращает на себя внимание тот факт, что по сравнению с группами родителей (результаты предыдущего этапа нашего проекта [4]), имеет место некоторое варьирование в оценках тем как угрожающих. Если родители детей приписывают наибольшую угрозу информации о педофилии, насилии и самоубийстве (по сути – эти варианты насильственных действий те же самые, что и у учителей, работающих с детьми, только немного в другом порядке), для родителей подростков – наибольшая угроза исходит от информации, касающейся самоубийства, насилия и убийства. Если в группах родителей – речь идет о различных формах насилия, то в группах учителей, работающих с подростками, кроме темы насилия угрозу представляет информация о наркотиках. Этот факт, вероятно,

---

³ Напомним, что виньетка являет собой краткое описание ситуации, респонденту предлагается объяснить, как бы он поступил, оказавшись в ней [6]. Выбор этого методического приема для изучения обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков объясняется его проективным характером, возможностью анализировать готовность респондентов к тому или иному способу действий в конкретной ситуации. В ответах респонденты предлагают более или менее детальный план действий, который можно рассматривать как скрипт действий или готовность к поведению [9]. Детализированность и сложность скрипта позволяет выдвигать предположения о функциональных аспектах стратегии действий в случае угрозы.

объясняется хотя бы тем, что в школах активно проводятся профилактические программы употребления ПАВ.

Таблица 1

Оценка угрозы инфомационной безопасности детей и подростков в трех группах учителей

Тема	Средний ранг темы		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Алкоголь	8,01 (11)**	6,85 (7)	6,63 (5)
Курение	8,97 (13)	7,80 (9)	7,11 (7)
Наркотики	6,46 (4)	5,10 (3)	5,01 (2)
Насилие и жестокость	5,05 (1)*	4,20 (1)	3,75 (1)
Педофилия	5,22 (2)	6,30 (4)	5,74 (4)
Порнография	6,57 (6)	6,70 (5)	6,80 (6)
Проституция	7,53 (8)	7,90 (10,5)	7,19 (8)
Самоубийство	5,81 (3)	4,80 (2)	5,49 (3)
Сексуальные отношения в гетеросексуальных парах	8,09 (12)	9,80 (13)	10,07 (13)
Сексуальные отношения в гомосексуальных парах	7,74 (9)	9,30 (12)	8,90 (12)
Секты	7,84 (10)	7,90 (10,5)	8,24 (10)
Террористические акты	7,21 (7)	7,40 (8)	8,42 (11)
Убийство	6,52 (5)	6,80 (6)	7,63 (9)

Примечание:

* – полужирным шрифтом в таблице отмечены ранги тех тем, которые, с точки зрения респондентов, в наибольшей степени угрожают информационной безопасности детей и подростков;

** – курсивом отмечены ранги тех тем, которые, с точки зрения респондентов, в наименьшей степени угрожают информационной безопасности детей и подростков.

Информации, которая оценивается, как угрожающая безопасности детей и подростков в наименьшей степени, такова: группа 1 – об алкоголе, курении и сексуальных отношениях в гетеросексуальных парах; группа 2 – о проституции и сектах, а также о сексуальных отношениях в гомо- и гетеросексуальных парах; группа 3 – информация о террористических актах, а также о сексуальных отношениях в гомо- и гетеросексуальных парах. Напомним, что в группах родителей информация, которая оценивалась как наименее угрожающая, такова: для родителей детей, а также для родителей подростков – об алкоголе, сексуальных отношениях в гетеросексуальных парах, а также курении [4].

Готовность к обеспечению информационной безопасности детей. Все полученные ответы были обработаны с помощью частотно-смыслового анализа.

Ситуация 1: десятилетняя девочка играет на перемене в онлайн игру на мобильном телефоне подруги, игра содержит элементы насилия. В группе 1 предлагаемые респондентами действия располагаются в промежутке от игнорирования ситуации до объяснения вреда игры, проблемы насилия и жестокости в целом, совместной замены игры на более приемлемую (без насилия или игру, которая преследует цели развития и обучения).

В 15 случаях из 33 учителя предпочитали беседу с девочкой, не уточняя направленности коммуникации (9), акцентируя внимания на вредных последствиях игры (4). В 8 случаях – отдавали предпочтение запрету на дальнейшую игру. Замена игры с элементами насилия на другую игру – предпочиталась в 5 случаях. Среди других заявленных действий – уточнение информации об игре (4), обращение к родителям подруги (4). В 5 случаях из 33 респонденты предлагали два этапа действий, в остальных – проблема решалась в одно действие.

При необходимости разговора с детьми (дополнительный вопрос) суть беседы сводилась к обсуждению следующих тем: запрет на продолжение игры (6), вредные последствия игры (5), выявление мотивации игры (5), ценность жизни (4), насилие (4).

В 8 случаях из 33 респонденты предлагали конкретные вопросы, обращались к девочке в воображаемой ситуации.

В группе 2 предлагаемые действия располагались в промежутке от бездействий до замены игры. Чаще всего декларировалось, что предпочтение будет отдано беседе (12 из 22), однако только в трех случаях уточнялась тема беседы: вредные последствия игры (2), уточнение мотивации игры (1); кроме того, предпочтение отдавалось запрету на игру (6). Остальные действия упоминались однократно: обращение к психологу за помощью, уточнение информации про игру, обращение к родителям подруги. Только трое респондентов предложили стратегию, включающую ряд действий, остальные – решали проблему в одно действие.

Анализ ответов на дополнительный вопрос о содержании беседы в случае ее необходимости показал, что учителя в группе 2 предпочитали такие темы, как: запрет на игру (6), замена игры (4), вред (3), выражение собственной обеспокоенности тем фактом,

что ребенок играет в такую игру (3). Остальные темы указывались однократно (плохая подруга, насилие, сочувствие жертвам игры). В пяти случаях из 22 – респонденты формулировали конкретные вопросы, которые они задали бы ребенку в воображаемой ситуации.

В группе 3 стратегия действий варьировала от бездействия до совместной игры с анализом опасности самой игры. Наиболее часто встречающимися декларируемыми действиями были: беседа (24 из 47 респондентов), причем, только 8 респондентов указывали на необходимость выявления мотивации игры, 5 – уточнили, что скажут о вреде подобных игр. Среди других действий предлагались: замена игры (12) или запрет на игру (9). 9 респондентов предлагали ряд действий для решения проблемной ситуации, в остальных случаях предлагалось решение в одно действие.

В случае обсуждения ситуации с ребенком (дополнительный вопрос) респонденты в группе 3 отдавали предпочтение таким темам, как: объяснение вреда игры (16), обсуждение замены игры (11), запрет игры (8), осуждение жестокости (7). В группе 3 в 19 случаях из 47 респонденты предлагали конкретные вопросы, адресованные девочке.

Если сопоставить то, как предлагается решать проблемную ситуацию в различных группах респондентов, то наблюдается общая тенденция: хотя чаще всего во всех группах и декларируется необходимость беседы, то ее тема скорее не указывается. Вторым вариантом действий является запрет на игру, который практически не аргументируется, даже в дополнительном вопросе, касающемся содержания разговора, респонденты чаще всего констатируют, что играть в такие игры нельзя (обращает на себя внимание аргумент, который встречался в единичных случаях – такая игра не подходит девочкам). Замена игры на другую (развивающую или не содержащую элементов насилия) – еще одна стратегия, которая часто предлагается как способ разрешения проблемы. Обращает внимание на себя тот факт, что во всех группах преобладает одношаговое решение ситуации, если и предлагаются два этапа, то они не следуют логически один из другого (например, выяснить, почему девочка играет в игру, объяснить вред игры или уточнить информацию про игру, выяснить мотивацию игры и пр.).

Также примечателен тот факт, что респонденты только в единичных случаях предлагают долгосрочную стратегию взаимодействия с ребенком. Предполагается, что запрет или разговор будут иметь свои последствия сразу.

Наконец, во всех группах ситуация преимущественно не вызвала эмоциональных реакций на что указывают средние значения, варьирующиеся от 2,68 до 4,27 (группа 1), 2,54 до 4,32 (группа 2), от 1,76 до 3,89 (группа 3). В группе 3 – все эмоциональные реакции оказываются ниже теоретической середины шкалы в 4 балла, соответствующей отсутствию ответа («затрудняюсь ответить»). Это – своего рода занижение оценок по всем шкалам – обращает на себя внимание и требует наблюдения за оценками, которые респонденты в группе 3 предлагают в ответ на другие ситуации.

Те редкие случаи, когда показатели превышали теоретическую середину шкалы и свидетельствовали о присутствии небольшой эмоциональной реакции, таковы: *негодование* (M = 4,03; SD = 2,19), *сожаление* (M = 4,23; SD = 2,13), *сопереживание* (M = 4,16; SD = 2,10) – в

группе 1. В группе 2 – *негодование* ($M = 4,19$; $SD = 1,83$), *сожаление* ($M = 4,32$; $SD = 2,17$), *сопереживание* ($M = 4,32$; $SD = 2,14$), *страх* ($M = 4,32$; $SD = 2,4$).

Ситуация 2: 10 летний ребенок, увидев на асфальте рекламу спайса, задает вопрос родителю. В группе 1 декларируемые действия учителей в ответ на вопрос ребенка попадали в диапазон от игнорирования вопроса до сложной стратегии, которая включала несколько действий (6), будь то объяснение последствий, а также обращение в полицию и контроль за тем, чтобы надпись была уничтожена (1). Наиболее распространенным действием, которое предлагали учителя для решения проблемной ситуации, был разговор с ребенком (25 из 33 респондентов), причем, предлагается объяснить, что спайс – это разновидность ПАВ (9), а также рассказать о вредных и опасных последствиях его употребления (8), в 8 случаях респонденты не уточняли, что именно они бы объяснили ребенку в беседе. Кроме того, предлагался вариант обращения в полицию (8). Анализ ответов на дополнительный вопрос, касающийся беседы с ребенком, показал, что основные темы беседы – это: последствия употребления (вред – 18, смерть – 7), наркотики (8), запрет на употребление (5).

Напомним, что в первой части нашего проекта, родители продемонстрировали такие стратегии: В 18 случаев из 45 – родители заявили о своей готовности объяснить ребенку об опасности вещества, при этом используя видеоматериалы (6 случаев), указывая на летальность исхода (3 случая), на опасность (3 случая); в 13 случаях родители не только объясняли вред последствий употребления спайса, указывая при этом на уголовную ответственность за распространение наркотических веществ, но и предпочитали обратиться в полицию (ФСКН) за помощью; в 7 случаях родители не только объясняли вред, готовы были обратиться в полицию (ФСКН), но и запрещали детям употреблять наркотические вещества. В целом в отношении запрета на употребление 11 родителей из 45 не только объясняют детям вред, но и указывают на соответствующее поведение. В 20 случаев из 45 – родители готовы прибегнуть к помощи полиции. По сути, в декларируемых стратегиях действий, респонденты – родители детей и учителя, обучающие детей, демонстрируют сходные тенденции.

В группе 2 (учителя, обучающие подростков), декларируемые способы решения проблемной ситуации варьировались от бездействия (3), связанного с неинформированностью респондентов в отношении спайса⁴, до двухшагового действия, включающего взаимодействие с ребенком (2) (например, объяснение того, что такое спайс, а также обращение за содействием в полицию).

Дополнительный вопрос о содержании беседы с ребенком едва ли позволил выявить дополнительные темы дискуссии: предполагалось, что речь пойдет о последствиях, в частности, о вреде наркотиков (11) и летальном исходе (2), о том, что спайсы являются разновидностью наркотических веществ (5). Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от группы 1, здесь не идет речи о запрете на использование наркотиков.

⁴ Обратим внимание на тот факт, что в группе 2 не все респонденты были информированы о том, что такое спайс (оставим в стороне тот факт, что в вагонах поездов московского метрополитена представлена информация, касающаяся спайса); часть респондентов предпочитала не отвечать на вопрос ребенка, другая – заявляла о том, что предварительно узнает информацию о веществе, чтобы ответить на вопрос ребенка в гипотетической ситуации.

Как и в других группах и предыдущей ситуации, респонденты указывали на необходимость проведения беседы с ребенком (16 из 22), в 6 случаях уточнялось, что беседа будет касаться объяснения того, что это за вещество (то есть – наркотиков), в других 6 случаях – предпочтение отдавалось объяснению вредных и опасных последствий, ассоциированных с этим веществом.

Позволим себе напомнить читателю, что анализ способов решения этой проблемной ситуации в группе родителей подростков показал следующее: декларируемые действия родителей попадали в диапазон от более простых стратегий (как объяснение последствия или даже запрет на чтение такой рекламы без объяснения) до сложной стратегии, которая включала объяснение последствий, а также запрет на употребление наркотических средств и обращение в полицию. Чаще всего респонденты (19 из 35) предпочитали объяснять последствия употребления наркотических веществ, апеллируя к понятию «опасность» (8), используя видеоматериалы (4) или указывая на летальность исхода (4). В 5 случаях респонденты не только объясняли последствия, но и выражали готовность обратиться в полицию, в 6 других – объяснение сопровождалось запретом на употребление, наконец, только в 4 случаях респонденты предлагали не только объяснить опасность, наложить запрет на употребление наркотических веществ, но и обратиться в полицию. Сравнивая реакции родителей подростков и учителей, обучающих подростков, подчеркнем, что тема наркотиков занимает более высокое место в иерархии угрожающей информации в группе учителей, чем в группе родителей, однако родители демонстрируют более сложные скрипты действий.

В группе 3 способы разрешения проблемной ситуации попадали в континуум от игнорирования вопроса ребенка до двухшагового способа (5) (например, объяснение и обращение в полицию). Наиболее частым способом действий, который предлагался в этой группе, была беседа с ребенком (36 из 47), в 18 случаях речь пойдет о том, что такое спайс, в 17 – о вреде спайса, в 10 – тема не уточнялась. Среди других действий, которые предлагались – обращение в полицию (7). Запрет на использование спайса назывался редко (2).

Дополнительный вопрос относительно содержания беседы, которую учителя могли бы провести с ребенком, позволил составить следующую картину понимания проблемы: респонденты декларировали, что расскажут ребенку о вредных последствиях употребления вещества (вплоть до летального исхода) (29 из 47), а также о том, что такое спайс (11). Запрет, который учителя готовы наложить на употребление спайса или общение с людьми, употребляющими его, озвучивался незначительным количеством респондентов (9). Опять же незначительное количество респондентов формулировали готовые фразы, с которыми они обратились бы к ребенку (4).

Как и в предыдущей ситуации, во всех группах гипотетическая ситуация едва ли вызывала эмоциональный отклик у респондентов, на что указывают средние значения, варьирующие от 2,38 до 4,64 (группа 1), 2,16 до 4,00 (группа 2), от 1,89 до 4,18 (группа 3). Только в редких случаях показатели превышали теоретическую середину шкалы (равную 4) и свидетельствовали о присутствии незначительной эмоциональной реакции: в группе 1 – *негодование* ($M = 4,55$; $SD = 2,00$), *отвращение* ($M = 4,15$; $SD = 2,13$) и *страх* ($M = 4,64$; $SD = 1,94$), в группе 3 – только *страх* ($M = 4,18$; $SD = 2,15$).

Наконец, обратим внимание на тот факт, что в первой ситуации респонденты давали развернутые ответы, содержащие обращение к ребенку и аргументы в пользу того, что играть в онлайн игру с элементами насилия – опасно, вредно, нельзя, предлагали безопасную игру или предлагали вариант принципиально иного способа проведения перемен (игры или повторение учебного материала), то есть объяснение сопровождалось предложением способа действий; во второй ситуации такие варианты едва ли встречались (например, в первой ситуации респонденты в группах 1 и 2 предлагали такие варианты в 2 раза реже, чем респонденты в 3 группе, а во второй ситуации единичные фразы были предложены респондентами в группе 3). Объяснение того, к каким последствиям может привести использование спайса, в единичных случаях сопровождалось указанием на запрет пробовать это вещество или какие-либо другие вещества (ПАВ), а также запретом на общение с людьми, которые употребляют такие вещества. Получается, что скорее имеет место воздействие через устрашение, а выход из ситуации не предлагается.

Выводы. Итак, нами была выявлена иерархия тем, которые представляют угрозу информационной безопасности детей и подростков, с точки зрения учителей, имеющих различный опыт взаимодействия с учениками (речь идет об опыте обучения детей или подростков). Так, для группы учителей, обучающихся детей, основная угроза приписывается темам насилия, педофилии, самоубийства (по сути, речь идет о различных формах насилия); в группе учителей, обучающихся подростков, темы таковы: насилие, самоубийство, наркотики; наконец, в группе учителей, имеющих опыт обучения детей и подростков, были высказаны следующие темы: насилие, наркотики, самоубийство.

Была выявлена специфика способов решения проблемных ситуаций в трех группах учителей, в частности, в ситуации, связанной с доступом ребенка к игре с элементами насилия. Было получено, что в целом практически отсутствует сложное решение (многошаговое, продолжительное по своей форме реализации) проблемы, респонденты исходят из идеи того, что проблемная ситуация может быть решена в одно действие и не требует последующего контроля поведения ребенка. Преобладание нормативных, предписывающих элементов над функциональными говорит в пользу того, что учителя едва ли имеют стратегию обеспечения информационной безопасности, которую они используют в повседневной жизни.

Как указывалось выше, будучи ограниченными объемом статьи, мы вынуждены излагать результаты нашего научно-исследовательского проекта в серии публикаций. Этим объясняется то, что мы не можем сформулировать выводы относительно всех гипотез, заявленных выше. Однако, полученные факты позволяют сделать заключения относительно некоторых из них. Так, в частности, получает эмпирическую поддержку предположение о том, что опыт взаимодействия с детьми или подростками определяет то, каким темам будет приписываться угроза в первую очередь. Так в группе учителей, работающих с детьми, наибольшая угроза будет приписываться темам, связанным с детским возрастом, в группе учителей, работающих с подростками, – темам, связанным с подростковым возрастом.

В отношении второго предположения, согласно которому соотношение предписывающих и функциональных элементов будет варьировать в трех группах, а именно: если опыт взаимодействия с возрастной группой соответствует возрасту персонажа, то будут преобладать функциональные элементы, если не соответствует – будут

преобладать предписывающие элементы, можно говорить о том, что в целом, высказываются предписывающие элементы, что свидетельствует против нашей гипотезы. Объяснение тому, что учителя, профессиональная деятельность которых связана с детьми и подростками, не демонстрируют готовых скриптов действий, которые необходимы в случае столкновения с информационной угрозой детей или подростков, видимо, можно найти в работе А.Л. Журавлева и А.В. Юревича. Так, обсуждая проблемы морали и нравственности в Российском обществе, они отмечают, что: «В нашей стране с начала 1990-х гг. под влиянием людей, закрепившихся в те годы в руководстве отечественной системой образования и до сих пор сохраняющих там свои позиции, школа практически утратила свою воспитательную функцию, превратившись, в их терминах, в «сервисную структуру по оказанию образовательных услуг». Мат школьникам на уроках и их издевательства над учителями (по данным опросов, это происходит во многих наших школах) стали логическим закреплением выполнения школой подобной «сервисной» функции. В результате оказалась разрушенной система воспитания, являющаяся одним из главных механизмов связи между общественной моралью и индивидуальной нравственностью» [5, с.13].

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Бudyкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2016. № 1. С. 77–89.
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Бudyкин С.В.
3. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2017070101. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85398_full.shtml (дата обращения: 01.06.2017).
4. Бudyкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 2. Результаты эмпирического исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 25–38. doi:10.17759/psylaw.2016060104. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n1/80667.shtml> (дата обращения: 01.06.2017).
5. Бudyкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 4. С. 117–126 doi: 10.17759/psyedu.2016080412. URL: http://psyedu.ru/journal/2016/4/Budykin_et_al.phtml (дата обращения: 01.06.2017).
6. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Нравственные проблемы современной России (вместо введения) // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 7–17.

7. *Alexander C.S., Becker H.J.* The use of vignettes in survey research // *Public Opinion Quarterly*, 1978. 42. P. 93–104.
8. *Dany L., Apostolidis T., Harabi S.* Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. Vol. 17. P. 1–9.
9. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations// *Social representations: explorations in social psychology* / Ed. By G.Duveen. N. Y.: New York Universty Press, 2000. P.18–77.
10. *Salovey P., Rothman A., Rodin J.* Health behaviour // *The handbook of social psychology: vol. 2* / Eds. by D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindzey. Boston: McGraw-Hill, 1998, P. 633–683.

Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 2)

Bovina I.B., *Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)*

Dvoryanchikov N.V., *PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)*

Gayamova S.Yu., *PhD (Psychology), associate professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (sgayamova@yandex.ru)*

Milekhin A.V., *PhD (Psychology), vice-rector for extra-curricular and social work, Moscow State University of Psychology & Education (milehinav@mgppu.ru)*

Budykin S.V., *Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)*

The purpose of the presented study is to analyze the social representations about the information security of children and adolescents in groups of teachers. The study is based on the ideas of the social representations theory, in particular, on the connection between social practices and social representations. The object of the study was teachers of secondary schools, the sample was 102 people aged 22 to 65 years, (M = 39.36 years, SD = 11.12 years, 91 women and 11 men). As a matter of the experience of schoolchildren all respondents were divided into three groups: teachers of children, teachers of adolescents, teachers of children and adolescents. The subject of the study was to reveal the specificity of the representations of teachers about the information security of children and adolescents. The supposed to reveal the specificity of the representations as a matter of experience with schoolchildren of various ages. To test the assumptions, a questionnaire was developed, it consisted of 6 parts: In the first part, respondents were asked to evaluate this or that type of information, in terms of the threat it poses to the safety of children and adolescents. In the next four parts of the questionnaire, respondents were asked to answer questions of so-called «vignettes» (hypothetical situations), in each case it was necessary to propose a plan of action in the situation. The last part contained socio-demographic issues. As the volume of the article is limited, the present section discusses the results of the threat assessment and two hypothetical situations out of four.

Key words: information security of children and adolescents, the theory of social representations, information that threatens the health and development of children, teachers actions to ensure

---

information security of children and adolescents.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Informatsionnaya bezopasnost' detei v obydennom ponimanii roditelei i uchitelei [Information security of children in the ordinary sense of parents and teachers] // *Vestnik RUDN. Seriya «Psikhologiya i pedagogika»* [Vestnik RUDN. Series «Psychology and pedagogy»]. 2016. № 1. Pp. 77– 89.
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.YU., Milekhin A.V., Budykin S.V. Sotsial'nyye predstavleniya i informatsionnaya bezopasnost' detey i podroستkov: tochka zreniya uchiteley (Chast' 1) [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2017. Tom 7. № 1. Pp. 1-12. doi:10.17759/psylaw.2017070101.
3. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Informatsionnaya bezopasnost' detey i podroستkov v ponimanii roditeley i uchiteley (Chast' 2. Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya) [Elektronnyy resurs] // *Psikhologiya i pravo*. 2016. Tom 6. № 1. Pp. 25–38. doi:10.17759/psylaw.2016060104.
4. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information Safety of Children and Adolescents in the Views of Parents [Elektronnyy resurs] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2016. Vol. 8/ № 4. Pp. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Nравstvennyye problemy sovremennoy Rossii (vmesto vvedeniya) [Moral problems of the moden Russia] // *Nравstvennost' sovremennogo rossiyskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz* [Morality of modern Russian society: psychological analysis] / In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.). Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2012. Pp.7–17.
6. Alexander C.S., Becker H.J. The use of vignettes in survey research // *Public Opinion Quarterly*. 1978. 42, Pp. 93–104.
7. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. Vol. 17. Pp. 1–9.
8. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology*. / Ed. By G.Duveen. N. Y.: New York Universty Press, 2000. Pp. 18–77.
9. Salovey P., Rothman A., Rodin J. Health behaviour // *The handbook of social psychology: vol. 2* / Eds. by D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindzey, Boston: McGraw-Hill. 1998. Pp. 633–683.

Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ; руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Секераж Т.Н., кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (sekerazh@yandex.ru)

Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» предусматривает уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении (ст. 110.1 УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Оба дополнения к УК РФ включают использование публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сеть «Интернет»). Возникают новые правовые последствия, значимые для судебно-психологической экспертизы, связанной с суицидом. В статье анализируются юридически значимые ситуации (доследственная проверка материалов и доведение до самоубийства), определяющие предмет судебно-психологической или психолого-психиатрической экспертиз как психическое состояние подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству (смерти). Законодательные нововведения требуют применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Одним из предметов психолого-лингвистической экспертизы является направленность информационного материала (текстового, изобразительного, совокупности вербальной и невербальной информации) или коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению самоубийства. Формулируются возможные вопросы к экспертам-психологам.

Ключевые слова: самоубийство; суицидальное поведение; содействие

совершению самоубийства; побуждение к совершению самоубийства; посмертная судебно-психологическая экспертиза; комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 2. С. 33-45. doi: 10.17759/psylaw.207070203

For citation:

Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.33-45. doi: 10.17759/psylaw.2017070203

В последние годы в Российской Федерации возрастает количество самоубийств несовершеннолетних, в том числе – совершенных под воздействием средств массовой информации. Эта проблема активно обсуждается журналистами, психологами, психиатрами, юристами [3; 7; 11; 14; 18; 19]. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству. Введен в действие Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», в котором установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении (ст. 110.1 УК РФ), в частности за «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации». Квалифицированный состав преступления включает те же деяния, совершенные: в отношении несовершеннолетнего; в публичном выступлении, в публично демонстрируемом произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Также введена уголовная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, в том числе – сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (ст. 110.2 УК РФ). Речь идет об ответственности для администраторов так называемых «групп смерти» и организаторов любых неформальных сообществ в сети «Интернет», деятельность которых направлена на побуждение к совершению самоубийства¹.

¹ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71592260/#ixzz4jyumuW3NN>.

В результате законодательных нововведений возникает еще одна юридически значимая для судебно-психологической экспертизы (СПЭ), связанной с суицидом, ситуация, особенностью которой являются ранее не существовавшие уголовно-правовые последствия.

В связи с этим актуальным является анализ уже существующих видов судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических (КСППЭ) экспертиз, связанных с самоубийством. На сегодняшний день проблема таких СПЭ и КСППЭ крайне запутана. Расходятся мнения о предмете данного вида экспертизы, в зависимости от этого разные исследователи предлагают отличные друг от друга формулировки вопросов, которые следственные и судебные органы должны ставить перед экспертами. Это связано, в первую очередь, с тем обстоятельством, что судебные экспертизы по факту суицида или возможного суицида имеют различные правовые последствия в зависимости от того, какая юридически значимая ситуация обусловила потребность в назначении экспертизы.

Одним из первых о такой СПЭ писал М.М. Коченов еще в 1978 г.: «В следственной и судебной практике встречаются случаи инсценировок под самоубийства и сознательного доведения до самоубийства. Именно с этими двумя категориями уголовных дел мы связываем главные перспективы развития посмертной судебно-психологической экспертизы... Основная задача посмертной судебно-психологической экспертизы сводится к тому, чтобы ответить на вопрос, было ли психическое состояние человека... в период, предшествовавший смерти, предрасполагающим к самоубийству и, если оно таковым было, чем это состояние вызывалось» [6, с. 29].

И.А. Кудрявцев, обсуждая КСППЭ по факту самоубийства, отмечал: «На основании исследования содержащихся в деле данных о личности, психическом состоянии и их динамике эксперты должны решить две основные задачи: имелось ли у лица, по следственной версии (предположительно) покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший его смерти, психическое состояние, предрасполагающее к самоубийству; каковы причины развития этого состояния» [8, с. 143].

Таким образом, были выделены три различные ситуации, явившиеся поводом назначения судебной экспертизы: 1) убийство, «замаскированное» под самоубийство; 2) доведение до самоубийства; 3) проверка версии о самоубийстве. Вышеназванные авторы солидарны в том, что в компетенцию эксперта-психолога входят два вопроса: 1) Имелось ли у подэкспертного психическое состояние, предрасполагающее к самоубийству? 2) Если было, то каковы причины возникновения и развития этого состояния?

Аналогичной позиции придерживались и многие другие исследователи.

Один из авторов настоящей статьи [15; 16; 17], пришел к выводу, что когда у следственных органов нет четкой уверенности в том, что имел место факт самоубийства (а не убийства или несчастного случая), заключение эксперта играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента. Но в таких случаях недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения и именно в этот промежуток времени стать жертвой убийства (отравления, повешения и т. д.). В данном случае использование заключения эксперта о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными мыслями и намерениями, в качестве доказательства

того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой. Исходя из сказанного, предпочтительнее назначать судебно-психологическую экспертизу при наличии доказанности факта самоубийства. Предметом СПЭ или КСППЭ в этом случае будет психическое состояние суицидента в период, предшествовавший самоубийству (при недоказанности самоубийства: в период, предшествовавший смерти).

В работе Т.П. Печерниковой, Т.Н. Туденовой [12] также подчеркивалось, что в ситуации сомнений следствия в том, имел ли место суицид или же это было убийство, замаскированное под самоубийство, вопрос о наличии «суицидоопасного состояния» (психического состояния, предрасполагающего к самоубийству), является неправомерным. Универсальным предметом исследования КСППЭ, по их мнению, независимо от обстоятельств уголовного дела, является «психическое состояние лица в пресуициде». При квалификации доведения до самоубийства, по мнению данных авторов, необходимо задавать вопрос и о способности подэкспертного осознавать значение своих действий и руководить ими.

Согласно действующему законодательству, мы можем выделить несколько юридически значимых ситуаций, касающихся ситуаций, связанных с самоубийствами. Они различаются правовыми последствиями, и, соответственно, предметами судебно-психологического экспертного исследования.

Первой такой ситуацией можно считать проверку сообщения о преступлении как одного из элементов порядка рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ). До введения в действие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа могли привлекать психолога или психиатра для выяснения вопросов, входящих в их компетенцию, при доследственной проверке лишь в непроцессуальной форме [21]. Современная редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет на этой стадии назначать посмертную судебную экспертизу. Поводом назначения судебной экспертизы в данном случае является проверка гипотез органов дознания или следствия об убийстве, суициде или несчастном случае. В первом случае возбуждается уголовное дело, во втором – предстоит дополнительная проверка возможного доведения до самоубийства.

Естественно, что для подтверждения предположения о самоубийстве в этой ситуации (так же как при возбужденном уголовном деле по убийству, «замаскированному» под самоубийство) заманчиво получить от экспертов ответ на вопрос о наличии у подэкспертного *такого психического состояния, которое предрасполагало бы к самоубийству*. На наш взгляд, такой вопрос является некорректным. По мнению ведущих суицидологов [4; 20], между психическим состоянием человека и самоубийством как действием, поступком, существует только вероятностная связь – не существует таких психических состояний, которые неизбежно приводили бы к суициду. В любом кризисном состоянии один человек расположен к аутоагрессии, другой – к внешней агрессии, третий – к поиску конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и т. п. Иными словами, количество вариантов личностного реагирования на конфликтные и фрустрирующие воздействия, даже при наличии суицидальных мыслей и намерений, достаточно большое [16]. Поэтому трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству. Д.А. Леонтьев, в частности, отмечает, что депрессия нередко ведет к активизации суицидальных мыслей, но связь депрессии и суицидальных

действий не столь однозначна: известны данные, когда применение антидепрессантов приводило, напротив, к активизации суицидальных действий [10].

Следующая причина, по которой мы считаем постановку данного вопроса перед экспертами неправильной, является высоковероятная возможность ошибочного решения органов дознания или следствия о нецелесообразности возбуждения уголовного дела при экспертном решении о предрасполагающем к суициду психическом состоянии подэкспертного. К примеру, в коммунальной квартире проживает человек, страдающий алкоголизмом, который потерял работу, от него ушла супруга, отвернулись дети и другие близкие. У него есть сосед, желающий расширить свою жилплощадь: его семья обеспечена общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее нормы предоставления. Этот сосед осуществляет отравление подэкспертного. На стадии доследственной проверки свидетели показывают, что подэкспертный постоянно был в подавленном состоянии, говорил о потере смысла жизни, неоднократно высказывал суицидальные намерения. Согласно медицинской документации, он находился в состоянии депрессии. В этом случае судебно-экспертная оценка его психического состояния как предрасполагающего к самоубийству может привести к отказу от возбуждения уголовного дела, т. е. к следственной ошибке.

Поэтому, с нашей точки зрения, в данной юридически значимой ситуации в компетенцию экспертов – психологов и психиатров входит только вопрос о психическом состоянии подэкспертного лица в период, предшествовавший смерти. Можно формулировать вопрос и о его индивидуально-психологических особенностях. Ответы на эти вопросы имеют важное значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в то же время не определяют вывод органов дознания или следствия о факте самоубийства.

Вторая юридически значимая ситуация определяется доказанностью факта самоубийства и следственными или судебными действиями по поиску доказательств того, что суицид потерпевшего произошел вследствие каких-либо действий обвиняемого (подсудимого). При этом следствие обычно сталкивается с проблемой квалификации статей Уголовного кодекса. Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Во-вторых, п. «б» ст. 63 УК РФ: обстоятельством, отягчающим ответственность, признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера, совершающие суицид, когда самоубийство потерпевшего оценивается как одно из тяжких последствий преступления. «Тяжесть последствий» является оценочным признаком. Вопрос об отнесении конкретных последствий преступления к категории тяжких решается судом с учетом всех обстоятельств дела. Эти последствия могут выражаться, в частности, в самоубийстве потерпевшего.

И в том, и в другом случае основной целью следствия или суда при квалификации деяний по этим статьям является получение доказательства наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилования или таких действий, которые подпадают под определение «угрозы, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица.

Исходя из этого, при назначении СПЭ или КСПЭ имеют значение два вопроса: 1) В каком психическом состоянии находился потерпевший в период, предшествовавший самоубийству? 2) Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?

Ответ на второй вопрос имеет решающее значение для квалификации деяния по ст. 110 УК РФ или определения особо тяжких последствий, наступивших вследствие преступлений против половой неприкосновенности. В то же время установить такую причинно-следственную связь возможно далеко не всегда. Во-первых, из-за недостаточности материалов уголовного дела: например, при импульсивных суицидах аффективного генеза отсутствует подробное описание пресуицидального состояния. Во-вторых, из-за особенностей самого психического состояния: к примеру, при реактивных депрессиях такую связь определить возможно, а при эндогенных – затруднительно; при психозе аутоагрессивные действия могут быть как следствием бредовых переживаний, так и реальной психотравмирующей ситуации, связанной с действиями обвиняемого. Именно поэтому эксперты не могут говорить об отсутствии искомой связи – их ответы должны ограничиваться либо указанием на такую связь, либо мотивированным обоснованием на невозможность ее установления.

Менее удачна формулировка второго вопроса в таком виде: «Каковы причины возникновения этого состояния?», поскольку причин развития пресуицидального состояния может быть много (например, у потерпевшей по делу об изнасиловании, кроме психотравмирующего характера действий обвиняемого, причиной может быть осуждающая позиция родителей, насмешки сверстников и др.), а суд интересуется только одна – уголовно значимые действия обвиняемого.

При назначении судебных экспертиз по фактам самоубийства нередко формулируются ошибочные или не входящие в компетенцию психологов и психиатров вопросы [16]. Остановимся только на одном из них.

Как указывалось выше, довольно часто задают вопрос о способности подэкспертного лица в момент самоубийства осознавать значение своих действий или руководить ими. Т.П. Печерникова и Т.Н. Туденева [12] обосновывают необходимость формулирования данного вопроса тем, что принуждение к самоубийству лица, заведомо не способного осознавать значение своих действий и руководить ими, следует расценивать как убийство. Аналогичную позицию разделяют и некоторые юристы, включая в круг лиц, не способных к осознанно-волевой регуляции своих действий, не только лиц с психическими расстройствами, но и несовершеннолетних [1; 13]. Несмотря на такой доктринальный взгляд, в судебной практике он не реализуется: суды всегда квалифицируют в таких случаях деяния по ст. 110 УК РФ [7]. Даже если когда-нибудь судебная практика изменится, вопрос о способности к осознанию и руководству своими действиями необходимо будет конкретизировать в отношении юридически значимых периодов. Одно дело, когда фактически недееспособного человека с выраженной умственной отсталостью или малолетнего ребенка подстрекают сунуть пальцы в розетку, и он погибает от удара током (это возможно расценить как убийство), другое – когда у потерпевшего вследствие систематического унижения человеческого достоинства возникает психоз реактивного

генеза, и он в момент совершения самоубийства не может осуществлять осознанную регуляцию своих действий (случай доведения до самоубийства). Не случайно в обсуждаемом в настоящей статье Федеральном законе самоубийство лица или покушение на самоубийство вследствие склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства (в том числе несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) не считается убийством и наказывается лишением свободы на срок до шести лет.

Третья юридически значимая ситуация возникает вследствие принятия Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, согласно которому в Уголовный кодекс вводятся новые статьи – 110.1 и 110.2 УК РФ. Уголовно-правовое значение имеет категория *деятельность, направленная на побуждение к совершению самоубийства*. В отличие от склонения к самоубийству путем «уговора, подкупа, обмана», которые доказываются традиционными для следствия и суда средствами, «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» (ст. 110.1 УК РФ) и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства» (ст. 110.2 УК РФ) представляются понятиями, требующими применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Установление направленности текста (информационного материала) является достаточно разработанным видом комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы (КСПЛЭ) по делам о публичных призывах к осуществлению экстремисткой деятельности (ст. 280 УК РФ), о возбуждении ненависти или вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и некоторых других [5; 9].

Информационный материал можно понимать в широком смысле как текст, содержащий вербальные (словесные) и невербальные, в т. ч. паралингвистические компоненты. Информационный материал включен в обмен информацией между коммуникантами, партнерами по общению, в коммуникативную и социальную деятельность субъектов. С этой точки зрения информационный материал является коммуникативной единицей. Исследованию подлежит заложенное в информационном материале сообщение (его смысл и направленность). Обычно при проведении КСПЛЭ устанавливается значение текста (материала), состоящее из содержания и цели речевого или коммуникативного действия. Лингвистический компонент значения текста – это общепринятый, устойчивый, в той или иной мере отражаемый в словарях и лингвистических описаниях способ понимания языковых средств, которые автор выбрал для выражения своей мысли. Его анализ позволяет установить, что сказано (сообщено) в тексте и какими средствами. В то же время информационный материал всегда имеет свою направленность, цель коммуникативного действия. Направленность сказанного (сообщенного) определяется психологами. Психологический компонент значения выражается через позицию автора (его точку зрения на затрагиваемую проблему, его отношение, установки) и те установки, на формирование которых у адресата направлено сказанное: почему и для чего в тексте что-либо говорится (мотивационно-целевая составляющая). В публичной коммуникации этот компонент точнее всего характеризуется понятием «социально-психологическая направленность текста» [9]. В настоящее время в судебной психологической экспертизе сформировалось целое направление исследований информационных материалов, а также продуктов коммуникативной деятельности и тех

средств, которые используются в коммуникации – каждое со своим предметом и задачами, решение которых имеет юридическое значение².

Ясно, что создание алгоритма и критериев экспертных оценок данного вида КСПЛЭ – это дело будущего, но уже сегодня можно попытаться определить основные экспертные понятия, подлежащие судебно-экспертному определению.

Юридическое значение психолого-лингвистической экспертизы направленности информационных материалов будет заключаться в квалификации деяний по статьям 110.1 и 110.2 УК РФ. Правовыми понятиями в данном случае являются понятия «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» и «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». Совет, указание, информирование, призыв – это те аспекты речевой и коммуникативной деятельности, в том числе речевые акты, которые устанавливаются при лингвистическом исследовании, лингвистическими методами. Содействие понимается как помощь, поддержка, содействие. Способствовать – в том числе значит быть причиной, средством осуществления чего-либо, делать возможным что-либо [2, с. 1251-1252]. Очевидно, что побуждение, содействие может быть эксплицитным, явным, а может быть выражено намеренно скрыто, завуалированно, психологическими средствами, без прямых призывов – особым способом подачи информации, формированием определенного эмоционально-смыслового отношения к самоубийству, инициированием интереса, мыслей, а потом и желания и намерения лишить себя жизни или поиграть со смертью. Экспертным психологическим понятием нам видится *психологическая направленность информационного материала (текста) или коммуникативной деятельности на побуждение адресата к совершению самоубийства*. Такая направленность выражается в формировании у адресата позитивной психологической установки к самоубийству. Компонентами установки являются: на когнитивном уровне – информированность о способах совершения самоубийства, на аффективном – позитивное эмоциональное отношение к самоубийству как приемлемому способу выхода из трудной жизненной ситуации, на поведенческом – готовность к лишению себя жизни, намерение совершить это. Формирование интереса к самоубийству, позитивного эмоционально-смыслового отношения и готовности лишить себя жизни представляются нам психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «побуждение к совершению самоубийства», «содействие совершению самоубийства».

Вопрос к эксперту может формулироваться разными способами. Первый из них: Направлен ли материал на формирование психологической установки к совершению самоубийства, готовности к лишению себя жизни? Общепринятым в психолого-лингвистической экспертизе стало формулирование вопроса таким образом, что в нем отражаются лингвистические и психологические аспекты тех феноменов, которые в праве именуются определенным образом (например, возбуждение вражды, пропаганда насилия и жестокости и мн. др.). Поэтому второй вариант вопроса: Содержатся ли в материале

² Секераж Т.Н. Актуальные направления судебной психологической и комплексных экспертиз с участием психолога в судебно-экспертных учреждениях Минюста России / Доклад на Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Коченовские чтения. Психология и право в современной России», Москва, 10-12 ноября 2016.

психологические (психологические и лингвистические) признаки побуждения к совершению самоубийства?

Следует учесть, что статьи 110.1 и 110.2 УК РФ имеют формальный состав, не требуют определения того, будет или не будет влиять информация на адресата, она направлена на неограниченный круг лиц, неопределенную по численности аудиторию, на ее убеждение и демонстрирование позиции и взглядов, содержащихся в этой информации.

Разумеется, это лишь общие наброски дискуссионного характера, авторы привели эти рассуждения, чтобы показать принципиальную возможность проведения КСПЛЭ по возможным делам о склонении к самоубийству и содействии совершению самоубийства.

Литература

1. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: Учебно-практическое пособие. М.: ИКД Зерцало-М, 2008. 256 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
3. Вихристюк О.В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. № 1. 2013. С. 100-108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (дата обращения: 14.06.2017).
4. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации / сост. А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко. М.: МНИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980. 24 с.
5. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92-98.
6. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
7. Крылова Н. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36-48.
8. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
9. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
10. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 58-82.

11. Любов Е.Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I // Суицидология. 2012. № 3. С. 20-28.
12. Печерникова Т.П., Туденева Т.Н. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» // Российский психиатрический журнал. 2004. № 2. С. 15-20.
13. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. В 5 т. Т. II: Преступления против личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 682 с.
14. Положий Б.С., Панченко Е.А. Суициды у детей и подростков в России: современная ситуация и пути ее нормализации [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 14.06.2017).
15. Сафуанов Ф.С. Психолого-психиатрическая экспертиза по факту самоубийства // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 28-31.
16. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Смысл; Гардарика, 1998. 192 с.
17. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 309 с.
18. Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 3. С. 8–24. doi:10.17759/cpp.2016240302.
19. Холмогорова А.Б. Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 3. С. 144–163. doi:10.17759/cpp.2016240309.
20. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
21. Щукина Е.Я., Ткаченко А.А., Шишков С.Н. О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ): информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского», 2011. 8 с.

Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination

Safuanov F.S., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

Sekerazh T.N., PhD (Law), Head of the Laboratory of Forensic Psychological & Linguistic Expertise, Federal State Institution Russian Federal Forensic Center of the Ministry of Justice of the Russian Federation (sekerazh@sudexpert.ru)

Federal law of June 7, 2017 g. № 120-FZ "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in the part of establishing additional mechanisms to counter activities aimed at encouraging children to suicidal behavior" establishes criminal liability for inducement to commit suicide or assist in its Commission (article 110.1 of the criminal code), as well as for the organization of activities aimed at encouraging citizens to commit suicide (article 110.2 of the criminal code). Two additions to the criminal code include using a publicly performed work, the media or information and telecommunications networks (including network "Internet"). There are new legal consequences relevant to forensic psychological assessment related to suicide. The article analyzes the legal situation (pre-investigation check of materials and incitement to suicide) that define the subject of judicial-psychological or psychological and psychiatric examinations as the mental state of the subject in the period preceding the suicide (death). Legislative innovations require expertise in psychology and linguistics. One of the subjects of psychological-linguistic expertise is the focus of the information material (text, graphic, together verbal and non-verbal information) or the communicative activity of the subject to encourage the addressee to co-concluding suicide. Formulate possible questions for the ex-experts and psychologists.

Key words: suicide; suicidal behavior; promoting suicide; incitement to commit suicide; post-mortem forensic psychiatric examination; comprehensive judicial psychological-linguistic expertise.

References

1. Borzenkov G.N. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: zakon i pravo-primenitel'naya praktika: Uchebno-prakticheskoe posobie [Crimes against life and health: law and law enforcement practice: the Training-practical allowance]. Moscow: IKD Zertsalo-M, 2008. 256 p.

2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language]. In Kuznetsov S.A. (ed.). Saint-Petersburg: Norint, 2000. 1535 p.
3. Vikhristyuk O.V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na suitsidal'noe povedenie podrostkov i molodezhi (obzor zarubezhnykh istochnikov) [Influence of the media on suicidal behaviour in adolescents and youth (review of foreign literature)] [Elektronnyi resurs] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. № 1. 2013. С. 100-108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
4. Diagnostika suitsidal'nogo povedeniya: Metodicheskie rekomendatsii [Diagnosis of suicidal behavior: Methodological recommendations]. In Ambrumov A.G., Tikhonenko V.A. (ed.). Moscow: MNII psikhiiatrii MZ RSFSR, 1980. 24 p.
5. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Metodika provedeniya sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy po delam ob oskorblenii [Methodology of judicial linguistic expertise in cases of abuse] // Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. 2016. no. 1 (41), pp. 92-98.
6. Kochenov M.M. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye Trudy [Judicial-psychological examination: theory and practice. Selected works]. Moscow: Genezis, 2010. 352 p.
7. Krylova N. «Gruppy smerti» i podrostkovyi suitsid: ugovovno-pravovye aspekty [The "group of death" and teen suicide: criminal-law aspects] // Ugolovnoe pravo. 2016. no. 4, pp. 36-48.
8. Kudryavtsev I. A. Sudebnaya psikhologo-psikhiatriceskaya ekspertiza [the Judicial psikhologo-psychiatric examination]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1988. 224 p.
9. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [The methodology of the forensic psycho-linguistic examination of cases related to counteraction to extremism and terrorism]. Moscow: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2014. 98 p.
10. Leont'ev D.A. Ekzistentsial'nyi smysl suitsida: zhizn' kak vybor [Existential meaning of suicide: life as a choice] // Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal. 2008. no. 4, pp. 58-82.
11. Lyubov E.B. SMI i podrazhatel'noe suitsidal'noe povedenie. Chast' I [media and imitative suicidal behaviour. Part I] // Suitsidologiya. 2012. no. 3, pp. 20-28.
12. Pechernikova T.P., Tudeneva T.N. Posmertnaya sudebno-psikhiatriceskaya ekspertiza «po faktu smerti» [Post-mortem forensic psychiatric examination "at the death"] // Rossiiskii psikhiatriche-skii zhurnal. 2004. no. 2, pp. 15-20.
13. Polnyi kurs ugovovno prava [A full course of criminal law]. In. Korobeev A.I. (ed.). V 5 t. T. II: Prestupleniya protiv lichnosti [Crimes against the person]. Saint-Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2008. 682 p.
14. Polozhii B.S., Panchenko E.A. Suitsidy u detei i podrostkov v Rossii: sovremennaya situatsiya i puti ee normalizatsii [Suicide in children and adolescents in Russia: current situation and ways

- of its normalization] [Elektronnyi resurs] // *Meditinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.* 2012. no. 2. URL: <http://medpsy.ru> (data obrashcheniya: 14.06.2017).
15. Safuanov F.S. Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po faktu samoubiistva [the Psychological-psychiatric examination on the fact of suicide] // *Rossiiskaya yustitsiya.* 1995. no. 12, pp. 28-31.
  16. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse [Forensic psychological expertise in criminal proceedings]. Moscow: Smysl; Gardarika, 1998. 192 p.
  17. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Forensic psychiatric examination: a textbook for academic bachelor degree]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2017. 309 p.
  18. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psychological factors of risk of suicidal behavior in adolescents. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 8–24. doi:10.17759/cpp.2016240302. (In Russ., abstr. in Engl.)
  19. Kholmogorova A.B. Suicidal behavior: theoretic model and practical implications in cognitive-behavioral therapy. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 144–163. doi:10.17759/cpp.2016240309. (In Russ., abstr. in Engl.)
  20. Shneidman E. *Dusha samoubiitsy* [Soul of a suicide]. Moscow: Smysl, 2001. 315 p.
  21. Shchukina E.Ya., Tkachenko A.A., Shishkov S.N. O praktike privlecheniya spetsialistov sudebno-psikhiatricheskikh uchrezhdenii (otdelenii) k uchastiyu v dosledstvennoi proverke materialov (v poryadke st. 144 UPK RF): informatsionnoe pis'mo [On the practice of involving specialists in forensic psychiatric institutions (branches) to participate in pre-investigation check of materials (in accordance with article 144 of the criminal procedure code of the Russian Federation): information letter]. Moscow: FGBU «GNTsSSP im. V.P. Serbskogo», 2011. 8 p.

Проблема формирования готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению

Бусарова О.Р., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (olga-bus0@yandex.ru)

В статье обосновывается необходимость совершенствования готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению в свете выхода в настоящее время в РФ профессиональных стандартов, регламентирующих деятельность специалистов, оказывающих психологическую помощь несовершеннолетним, в том числе попавшим в юридически значимую ситуацию. Цель представленного в статье исследования – выявление типичных копинг-стратегий студентов факультета юридической психологии на учебной практике и анализ взаимосвязи копинг-стратегий с успешностью выполнения задач практики. Студенты второго курса проходили диагностическую практику в различных образовательных учреждениях, в том числе и специальных школах для обучающихся с девиантным поведением. Практиканты выступали в роли психолога, решающего целостную диагностическую задачу – от получения запроса до составления рекомендаций по результатам обследования. Методом контент-анализа был обработан 41 отчёт о практике. Фиксировались упоминания о проблемных ситуациях, вызвавших отрицательные эмоции у практикантов, и упоминания о совладающем поведении. Выявлены типичные трудности и копинг-стратегии студентов при выполнении запросов на психодиагностику детей с отклоняющимся поведением. Обнаружена значимая положительная корреляция успешности выполнения студентами задач практики с разнообразием отмеченных в отчёте трудностей, с частотой их упоминания, а также с разнообразием стратегий совладающего поведения. Результаты исследования могут использоваться для разработки методических средств при подготовке будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению при диагностической работе с несовершеннолетними.

Ключевые слова: копинг, подготовка юридического психолога, диагностический контакт, девиантное поведение.

Для цитаты:

Бусарова О.Р. Проблема формирования готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 46-56.

doi: 10.17759/psylaw.207070204

For citation:

Busarova O.R. The problem of developing of readiness of the future legal psychologists to effective coping. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 2. pp.46-56.

doi: 10.17759/psylaw.2017070204

Деятельность юридического психолога, специализирующегося в области защиты прав и интересов детей и дружественного к ребёнку правосудия, предъявляет особые требования к саморегуляции и эффективному совладающему поведению. Н.В. Богданович проанализировала основные профессиональные стандарты, в которых целью профессиональной деятельности предполагается психологическая помощь несовершеннолетним, в том числе попавшим в юридически значимую ситуацию – «Педагог-психолог», «Психолог в социальной сфере», «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере». Анализ стандартов позволил выделить следующие виды проблем клиентов: 1) социальная дезадаптация; 2) конфликт с законом (правонарушения); 3) положение жертв, свидетелей; 4) нахождение в рамках пенитенциарной системы; 5) аддикции; 6) бродяжничество [1]. Работа с людьми, тем более с детьми и подростками, испытывающими подобные проблемы, сопряжена с широким диапазоном отрицательных переживаний, которые запускают механизмы психологической защиты и совладающего поведения. Контроль таких переживаний составляет часть профессиональных умений юридического психолога.

Психологическое преодоление, как показывают многочисленные исследования, является переменной, зависящей, по крайней мере, от двух факторов — личности субъекта и реальной ситуации [4, с.25]. Подготовка специалистов социономических профессий предусматривает как наращивание личностного ресурса будущего профессионала, так и формирование готовности оптимально реагировать на типичные для данного вида профессиональной деятельности трудности. Проблема формирования эффективного совладающего поведения затрагивается в теоретических курсах, читаемых на факультете юридической психологии МГППУ, а также становится предметом профессиональной рефлексии студента при прохождении практик, предусмотренных учебным планом на каждом курсе обучения. Практика играет особую роль в учебном плане факультета юридической психологии. Н.В. Дворянчиков и Е.Г. Дозорцева называют её «краеугольным камнем профессиональной подготовки в области ювенальной юридической психологии» [2, с.131].

Целью нашей работы стало выявление типичных копинг-стратегий студентов факультета юридической психологии МГППУ на диагностической практике и анализ взаимосвязи копинг-стратегий с успешностью выполнения задач практики.

Диагностическую практику студенты факультета проходят в четвёртом семестре в различных образовательных учреждениях: детских садах, общеобразовательных школах, специальных школах для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, школах-интернатах, колледжах. Программа практики предусматривает ознакомление студентов с организацией и содержанием диагностической работы психолога базового учреждения, наблюдение, анализ и последующее обсуждение с методистом

индивидуальной и групповой диагностики, проведённой психологом образовательного учреждения, а затем и самостоятельное выполнение диагностического обследования группы и отдельных учащихся по запросу педагогов. Практиканты получают весьма разнообразные запросы, в значительной степени представляющие спектр диагностических обращений к детскому практическому психологу. Запросы различаются и по технологии работы с ними: некоторые подразумевают применение предварительно составленной программы обследования, например, определение психологической готовности к школе или изучение профессиональных интересов и склонностей учащихся для формирования профильных классов. Студент может воспользоваться программой, имеющейся на базе практики, найти её в методической литературе или, консультируясь с методистом, разработать сам. Запросы-жалобы, в которых требуется определить психологические причины отклонений в поведении и состоянии детей и подростков, предполагают подбор психологом диагностических методик уже в ходе работы над запросом, основываясь на анализе жизненной ситуации конкретного ребёнка, для проверки выдвинутых им гипотез о причинах трудностей клиента. С рекомендациями по составлению программы обследования и алгоритмом работы с запросом-жалобой студенты знакомятся перед выходом на практику на занятиях по дисциплинам «Психодиагностика» и «Практикум по психодиагностике». Таким образом, студенты, получая консультации психолога-методиста на базе практики и руководителя практики от кафедры, выступали в роли психолога, решающего целостную диагностическую задачу – от получения запроса до составления рекомендаций по результатам обследования. Выполнение этой задачи предусматривает установление контакта с обследуемым, выбор диагностических методик, релевантных запросу, их проведение, сопоставление результатов различных методик для составления диагностического заключения, написание заключения в соответствии с запросом, формулировку наиболее общих рекомендаций для коррекции отклонений, если таковые обнаружены. Методист на базе, согласно договорённости с организаторами практики от факультета, убедившись в достаточной подготовленности студента, предоставляет ему максимально возможную для практиканта самостоятельность в работе над запросами, чтобы будущий психолог смог почувствовать себя полноценным субъектом психодиагностической деятельности.

Таким образом, в ходе предшествующего обучения студент получает теоретическую базу для выполнения программы практики, но в то же время предложенные задания объективно являются весьма трудными для учащихся. Объединяющая все виды практик концепция, разработанная в учебно-производственной лаборатории факультета юридической психологии МГППУ, выдвигает ключевым методическим требованием к каждой практике работу студента с реальным запросом на психологическую помощь с сохранением каждый раз полноты цикла психологической работы [5]. На практике обучение проходит на высоком уровне сложности. Как отмечает З.В. Луковцева, необходимо, чтобы степень сложности каждой задачи практики соответствовала «точке роста» и задавала направление дальнейшего совершенствования профессионального роста студента [3]. Вышеизложенные соображения, на наш взгляд, позволяют оценить готовность будущего специалиста к совладающему поведению в профессиональной деятельности с помощью анализа прохождения студентами факультета диагностической практики.

Методом контент-анализа был обработан 41 рефлексивный дневник, являющийся обязательной частью отчётов о практике студентов второго курса, обучающихся по направлению «Психология», профиль – «Юридическая психология» (бакалавриат) и по специальности «Клиническая психология». Зафиксировано 149 упоминаний о проблемных

ситуациях, вызвавших отрицательные эмоции, среди которых можно выделить 42 типа проблем и 112 упоминаний о совладающем поведении, относящихся к 25 копинг-стратегиям. Наиболее часто встречающиеся формулировки приведены в табл. 1.

Таблица 1.

Наиболее часто упоминаемые типы трудностей и копинг-стратегии студентов на диагностической практике

Наиболее часто отмечаемые трудности	Число упоминаний	Наиболее часто отмечаемые копинг-стратегии	Число упоминаний
Конкретные действия обследуемого, затрудняющие диагностику	27	Консультации психолога-методиста	16
Страх выступления перед группой	12	Принятие помощи психолога-методиста или просьба о ней	14
Трудности в установлении контакта с обследуемым	11	Налаживание отношений с обследуемыми	11
Недостаток опыта	10	Импровизация	10
Волнение	8	Волевое усилие («взять себя в руки»)	7
Опасения, что обследуемые не воспримут практиканта всерьёз	8	Использование только что полученного опыта в аналогичных ситуациях	6
Организационные и технические проблемы	6	Принятие помощи других практикантов	6

Почти две трети – 96 упоминаний о негативных эмоциях – так или иначе касается взаимодействия с детьми. Чаще всего, как видно из табл.1, студенты сталкивались с проблемным поведением обследуемых: ребёнок заплакал, отвлекал других обследуемых, сам часто отвлекался и т.п., на втором и третьем местах по упоминаемости – страх

выступления перед группой и трудности установления контакта с обследуемым. Важно отметить, что проблема установления контакта начинает решаться с первой же учебно-ознакомительной практики на первом курсе [6]. Наши данные подтверждают, что для приобретения будущим психологом компетенций в области установления контакта недостаточно освещения этой проблематики в теоретических курсах и наблюдения за работой практического психолога в организациях различного профиля.

Сообщения об отрицательных эмоциях, прямо не связанных с диагностическим взаимодействием с детьми, встречались реже, среди них назывались: общее волнение перед началом практики, организационные и технические проблемы на базе, взаимодействие с методистами, переживания из-за собственных ошибок или недостаточной диагностической компетентности и др. Абсолютное большинство студентов описывали не только трудности, но и способы их преодоления: лишь в трёх рефлексивных дневниках авторы констатируют наличие проблем, но не описывают своё совладающее поведение. В одном дневнике не говорится ни о трудностях, ни о копинг-стратегиях. Скорее всего, это следствие несформированности рефлексии. Из табл.1 видно, что наиболее распространённые копинг-стратегии – обращение к консультации или принятие помощи методиста на базе практики, что естественно для студентов младших курсов. Далее идут – налаживание отношений с обследуемыми и использование импровизации в нестандартных ситуациях. Соотношение проблемно-ориентированных копинг-стратегий, считающихся многими специалистами более эффективными, и эмоционально-ориентированных стратегий складывается в пользу первых: 96 к 16. Неконструктивные копинг-стратегии в отчётах практически не упоминаются: только два студента признались, что столкнувшись с проблемным поведением обследуемых, «впали в ступор». Вероятно, столь редкую встречаемость неконструктивного совладания в значительной степени можно объяснить фактором социальной желательности.

Приведём примеры совладающего поведения начинающих диагностов, обратившись к текстам их рефлексивных дневников. Вот фрагмент, в котором описывается сочетание наиболее часто упоминаемого типа трудностей – конкретных действий обследуемого, затрудняющих диагностику, и типичного способа разрешения проблемы – принятия помощи психолога-методиста. Выдержка из дневника студентки, проходившей практику в средней общеобразовательной школе: «Во время проведения групповой работы мальчик заплакал, так как не смог ответить на вопрос и побоялся, что я его запишу куда-нибудь, и его все будут считать глупым. В своё оправдание хочу сказать, что я поняла, что мальчик не понял вопрос, и всеми силами пыталась ему его объяснить, но так как мальчик был очень замкнутый, стеснительный и плохо шёл на контакт с незнакомым взрослым, мне не удалось внести ясность в вопрос. Когда он заплакал, я начала его успокаивать и говорить, что ничего страшного нет, мы можем вернуться к этому вопросу позже. В этот момент к нам присоединилась психолог. Ей удалось успокоить мальчика, пояснить вопрос. Вместе мы закончили методику. Думаю, мне следовало дольше побеседовать с мальчиком перед проведением методики, дабы он хоть как-то привык ко мне, и для него не было бы такого стресса». Важно, что отрицательные эмоции студентки не только побуждали её к попыткам решить проблему, давая разъяснения и успокаивая ребёнка, но и привели к анализу того, почему эта ситуация стала стрессом для обследуемого и как нужно действовать психологу для предотвращения подобных проблем при работе с детьми.

А вот иллюстрация совладания с затрудняющими диагностику действиями обследуемого при помощи импровизации. Студентка проходила практику в

политехническом колледже: «Здесь учатся примерно мои ровесники. Хорошо это или плохо? Будет труднее или легче, чем, например, с маленькими детьми? Вот это незнание больше всего и озадачивало. Меня немного напугал первый мальчик, которого мне привели. Он вел себя странно, развалился на стуле, ёрничал, глупо шутил, говорил, что «все это фигня». Инструкции приходилось объяснять несколько раз. После начала прохождения теста на концентрацию внимания отказался продолжать, но мне удалось его уговорить: «Хочешь сказать, что это задание сложное для тебя?» Его это «задело», и он продолжил выполнять. Эта небольшая победа придала мне уверенности. Остальные методики прошли относительно нормально». Этот пример показывает, как удачное использование активного копинга, основанного на собственных ресурсах, повышает самоэффективность начинающего диагноста.

В некоторых отчётах помимо описания конкретных трудностей и способов совладания с ними содержатся рефлексивные обобщения, относящиеся к будущей профессиональной деятельности. Приведём цитату: «Я поняла один важный момент: мало уметь пользоваться одними методиками или чувствовать людей, очень важно уметь налаживать контакт с любым учеником, учителем и родителем, чтобы для каждого из них кабинет психолога был не местом, где сидит какая-то серьезная тетенька с кучей методик, а местом, где бы каждый чувствовал себя уютно и защищенно, чтобы у каждого была уверенность, что в школе есть человек, с которым можно поделиться своими проблемами. Умение располагать к себе людей является важным для психолога». Последний тезис наверняка неоднократно озвучивался преподавателями и к четвёртому семестру хорошо знаком студентам по учебной литературе, но именно практика, моделирующая самостоятельную диагностическую деятельность психолога, позволила автору отчёта принять это положение как достояние собственного опыта.

Далее нами проводился анализ взаимосвязи особенностей копинг-стратегий с успешностью выполнения задач диагностической практики. За показатель успешности принималась оценка за практику, выставляемая по 15-балльной шкале. Понимая, что этот показатель не является полностью корректным, мы сочли его приемлемым для приблизительной оценки. Подсчитывался коэффициент корреляции (по Спирмену) количества упоминаемых в рефлексивных дневниках типов трудностей (разнообразие проблем), количества упоминания трудностей (в том числе и относящихся к одному типу), количества стратегий совладания, количества упоминаемых совладающих действий (в том числе и относящихся к одной стратегии) и оценки за практику. Анализировались рефлексивные дневники студентов, обучающихся по специальности «Клиническая психология». Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Матрица интеркорреляций оценки за диагностическую практику, отмеченными студентами трудностями и совладающими действиями (n=21)

	Оценка за практику	Число типов трудностей	Число стратегий совладания	Частота упоминания трудностей	Частота упоминания совладающих действий
Оценка за практику	1	0,603**	0,481*	0,675***	0,365
Число типов трудностей		1	0,439*	0,708***	0,275
Число стратегий совладания			1	0,464*	0,904***
Частота упоминания трудностей				1	0,354
Частота упоминания совладающих действий					1

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Из табл.2 следует, что чем больше студенты отмечали трудностей при прохождении практики и чем разнообразнее были эти трудности, тем, как это ни странно на первый взгляд, они лучше справлялись с диагностическими задачами. Вероятно, более внимательное отношение к возникающим трудностям побуждало будущих психологов к рефлексии, которая способствовала оперативной коррекции своих действий. Соотнесение оценки за практику с анализировавшимися параметрами совладающего поведения показывает, что с успешностью выполнения диагностических задач значимо коррелирует не число совладающих действий, а их разнообразие, что можно интерпретировать как полезность гибкости в преодолении трудностей при проведении студентами самостоятельной диагностической работы с разными категориями учащихся, в том числе с детьми и подростками с девиантным поведением.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Наибольшие трудности для студентов факультета юридической психологии на диагностической практике вызывает взаимодействие с обследуемыми независимо от возраста детей.

2. На диагностической практике студенты преимущественно прибегают к конструктивным стратегиям совладающего поведения.

3. Наиболее частый паттерн совладающего поведения – обращение к консультации методиста на базе практики или принятие его помощи.

4. Успешность выполнения студентами задач диагностической практики положительно коррелирует с частотой упоминания в отчёте трудностей ($p < 0,001$), их разнообразием ($p < 0,01$), а также с разнообразием стратегий совладающего поведения ($p < 0,05$).

В целом полученные данные свидетельствуют об удовлетворительной готовности студентов факультета юридической психологии к проведению самостоятельной диагностической работы в рамках учебной практики. Такому результату, на наш взгляд, способствует организация практики на факультете: практическая направленность психологических дисциплин, предшествующих и сопутствующих практике, а также специальная подготовка студентов: ознакомительная практика на первом курсе, предварительный инструктаж и система консультаций, сопровождающих практику. Материалы исследования могут быть использованы для формирования у будущих психологов компетенций, необходимых для оказания помощи несовершеннолетним, оказавшимся в юридически значимых ситуациях. В частности, эти материалы могут применяться для разработки кейсов, подводящих студентов к диагностической практике, которые будут направлены на стимулирование вариативности взаимодействия с обследуемыми в «проблемных» ситуациях и развитие профессиональной рефлексии.

Литература

1. Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 1-12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81663.shtml> (дата обращения: 10.02.2017).
2. Дворянчиков Н.В., Дозорцева Е.Г. Юридическая психология: проблемы образования и подготовки специалистов // Психолого-педагогическое обеспечение национальной образовательной инициативы «Наша новая школа»: сборник научных трудов. Москва: Издательство Московского городского психолого-педагогического университета, 2010. С. 128-135.
3. Луковцева З.В. Формирование клиничко-диагностических компетенций у будущих психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 4. С. 59–67. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73020.shtml> (дата обращения: 29.04.2017).

4. *Нартова-Бочавер С.К.* Coping behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. Т.18. 1997.№ 5. С. 21-30.
5. *Чернушевич В.А.* Концептуальные основания методической организации психологической практики в учебном процессе подготовки психологов по специализации «Юридическая психология» // Юридическая психология. 2009. №4. С. 31-37.
6. *Чернушевич В.А.* Методическая организация практики в обучении юридических психологов //Коченовские чтения "Психология и право в современной России": сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. Москва : Издательство Московского городского психолого-педагогического университета, 2010. С. 245-247.

The problem of developing of readiness of the future legal psychologists to effective coping

Busarova O.R., PhD (Psychology), associate professor, chair of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (*olga-bus0@yandex.ru*)

The article substantiates the need to improve the readiness of the future legal psychologists to effective coping behavior in the light output at the present time in Russia professional standards governing the activities of professionals providing psychological assistance to minors, including those who are in legally relevant situations. The aim of the presented research - the identification of typical coping strategies for students of legal psychology in the educational practice and the analysis of the relationship of coping strategies with successful performance practices. Second-year students were diagnostic practice in various educational institutions, including schools and special schools for students with deviant behavior. Probationers acted as a psychologist, a holistic diagnostic problem solving - from the receipt of the request to make recommendations on the results of the survey. The method of content analysis was processed 41 report on the practice. Fixed mention of problematic situations that have caused negative emotions in the trainees, and mention of coping behavior. Revealed the typical difficulties of students and coping strategies when performing queries on psycho-diagnostics of children with behavioral problems. We found a significant positive correlation between the success of the implementation of practice tasks students with a variety mentioned in the report difficulties with the frequency of their appearance, as well as with a variety of coping strategies. The study offers methodological tools for the preparation of the future legal psychologists in diagnostic practice.

Key words: coping behavior, preparation of legal psychologists, diagnostic contact, deviant behavior.

References

1. Bogdanovich N.V. Analiz osnovnykh professional'nykh standartov, predpolagaiushchikh rabotu psikhologov v trudnykh zhiznennykh i iuridicheski znachimyykh situatsiiakh [Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations]. *Psikhologiâ i pravo [Psychology and law]*, 2016. no. 2, pp. 1-12. (Accessed 29.04.2017). (In Russ., Abstr. in Engl.). doi: 10.17759/psylaw.2016060201.
2. Dvorianchikov N.V., Dozortseva E.G. Iuridicheskaiia psikhologiiia: problemy obrazovaniia i podgotovki spetsialistov [Legal psychology: problems of education and training of specialists] *Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie natsional'noi obrazovatel'noi*

initsiativy «Nasha novaia shkola» : sbornik nauchnykh trudov : Moscow : Publ. Moscow State University of Psychology and Education, 2010. pp. 128-135.

3. Lukovtseva Z.V. Formirovanie kliniko-diagnosticheskikh kompetentsii u budushchikh psikhologov [Formation of clinical diagnostic competencies of future psychologists]. *Psihologiâ i pravo [Psychology and law]*, 2014. no. 4, pp. 59–67. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73020.shtml> (Accessed 29.04.2017). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Nartova-Bochaver S.K. Coping behavior v sisteme poniatii psikhologii lichnosti [Coping behavior in the system of concepts of personality psychology] *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*. Vol. 18. 1997. no. 5, pp. 21-30.
5. Chernushevich V.A. Kontseptual'nye osnovaniia metodicheskoi organizatsii psikhologicheskoi praktiki v uchebnom protsesse podgotovki psikhologov po spetsializatsii «Iuridicheskaia psikhologiiia» [Conceptual foundations of the methodological organization of psychological practice in the educational process of training psychologists on the specialization "Legal Psychology"] *Iuridicheskaia psikhologiiia [Juridical psychology]*. 2009. no. 4, pp. 31-37.
6. Chernushevich V.A. Metodicheskaia organizatsiia praktiki v obuchenii iuridicheskikh psikhologov [Methodical organization of practice in the training of legal psychologists] Kochenovskie chteniia "Psikhologiiia i pravo v sovremennoi Rossii": sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po iuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow : Publ. Moscow State University of Psychology and Education, 2010. pp. 245-247.

Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления)

Хачатурян С. Д., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности в УИС ВЮИ ФСИН России (sdh63@mail.ru)

Абдурасулова М. Н., майор внутренней службы, начальник психологической лаборатории ФКУ Находкинская ВК ГУФСИН России по Приморскому краю (maryenn1@mail.ru)

Статья посвящена вопросам психологической коррекции несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления. Авторы, опираясь на основные положения полигенерационной системной травматологии, выдвигают гипотезу о наличии в семейной истории несовершеннолетних осужденных системных травм. Исследование проводилось в ФКУ Находкинская воспитательная колония ГУФСИН России по Приморскому краю в январе-феврале 2017 года. В исследовании приняли участие 23 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления. Все системные травмы разделяются на четыре вида: экзистенциальные травмы, травмы потери, травмы отношений и системные травмы отношений. Делаются выводы о том, что характер совершенного преступления зависит от глубины и от вида травматизации преступника и его семейной системы. Все обследованные нами несовершеннолетние осужденные сами являются жертвами травматичных событий в своих собственных семьях. Основными видами травмы у сексуальных преступников являются травмы потери и травмы отношений. Семьи осужденных за убийства наполнены экзистенциальными травмами, травмами отношений и травмами системных отношений. Осужденные за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью имеют среднюю степень травматизации. В их опыте представлены все виды травм, с преобладанием экзистенциальных травм. Предлагаются основных направлениях психологической коррекции с каждой категорией осужденных.

Ключевые слова: психологическая коррекция, несовершеннолетние осужденные, полигенерационная системная травматология, экзистенциальная травма, травма потери, травма отношений, травма системных отношений.

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления). *Психология и право* psyandlaw.ru 2017. Том 7. №2. С. 57-70.

Khachaturyan S.D., Abdurasulova M.N. The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes). Psychology and law psyandlaw.ru 2017. Vol. 7. no.2. pp. 57-70.

Для цитаты:

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 57-70.
doi: 10.17759/psylaw.207070205

For citation:

Khachaturyan S.D., Abdurasulova M.N. The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.57-70. doi: 10.17759/psylaw.2017070205

Разделяя основные положения семейной системной психотерапии, мы относимся к криминальному поведению несовершеннолетних как симптому, который принадлежит всей семейной системе. Симptomу, который является проявлением травмы: или травмы непосредственно несовершеннолетнего преступника, полученного им чаще всего в семье, или травмы других членов семьи, которую ребенок перенимает от родителей, или системной травмы, которая существует уже несколько поколений в семье и передается через механизмы привязанности от родителей к детям.

В этом контексте мы безусловно относимся к психологической работе с несовершеннолетними осужденными как психотерапии их травмы, которая проявилась через совершенное преступление.

В основу исследования нами положены основные постулаты полигенерационной системной травматологии [1], предполагающие зависимость поведения, восприятия и отношения к себе и другим от предыдущего опыта функционирования семьи.

Ф. Рупперт описывает это положение следующим образом: «Теория травмы рассматривает симптом как необходимый защитный механизм преодоления травматического опыта. А поэтому симптом нельзя просто «вылечить». Нужно понять его функцию, ведь симптом указывает на заблокированные чувства. Только когда удастся найти истинные причины и подобрать соответствующую терапию, симптом утихнет или преобразуется в другую душевную структуру. В первую очередь любовь должна снова свободно циркулировать и ощущаться человеком, тогда и в душе воцарится мир» [1, С. 30].

Ф. Рупперт выделяет четыре вида травм (по причине их возникновения): «экзистенциальные травмы, травмы потери, травмы отношений и системные травмы отношений» [1, С. 86]. Под экзистенциальными травмами он понимает переживания, связанные с ситуациями жизни и смерти, к которым можно отнести войны и военные конфликты, убийства, репрессии, холокост, постановку смертельного диагноза и т.п. Травмированный может выступать в них как участник, жертва, свидетель, или быть членом семьи участника, жертвы, свидетеля. Под травмами потери понимаются переживания, связанные с ситуациями смерти родителей, если дети еще не выросли, или смерти брата, сестры, внезапной смерти любимого, а также потеря одного из родителей в случае их

развода, потеря обоих родителей или потеря партнера из-за измены, разрыва, развода [1, С. 105]. Под травмами отношений Ф. Рупперт в первую очередь понимает переживания, связанные с тем, что «потребность в надежной, стабильной привязанности не удовлетворяется родителями» [1, С. 123].

Травма системных отношений в первую очередь возникает, когда вся система семьи в целом, социальная группа или все общество оказывается под влиянием травмирующих событий, инициированных членами данной системы или против них (убийства, преступления внутри семьи, инцест, преступления против других, преступления против членов семьи, войны, психические расстройства у членов семьи, самоубийства членов семьи и т.п.).

Основными симптомами травмы системных отношений Я.Я. Стам называет ригидность системы к изменениям; разорванные связи, которые никак не могут восстановиться; отсутствие потока между различными частями системы или между системой и внешним миром; повторение травматических событий [3, С. 77].

Гипотеза исследования заключалась в том, что характер совершенного преступления зависит от глубины и от вида травматизации преступника и его семейной системы. Следовательно, психокоррекционная (психотерапевтическая) работа с осужденными за разные насильственные преступления должна отличаться по содержанию и продолжительности.

При определении стратегии психологической коррекции в данном случае мы исходим из положения Ф. Рупперта о том, что: «Существуют два основных принципа терапевтической работы с травмой: отщепленные травмированные части должны быть интегрированы клиентом; связь клиента с перенятыми травмированными чувствами других – прервана» [2, С. 220].

Исследование проводилось в ФКУ Находкинская воспитательная колония ГУФСИН России по Приморскому краю в январе-феврале 2017 года. В исследовании приняли участие 23 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления. Исследование проводилось в виде структурированного интервью.

Осужденные были опрошены о наличии в их семейных системах событий, которые могут быть отнесены к категории травматичных: совершение членами семьи преступлений, совершение преступлений против членов семьи, участие в войнах, психические расстройства членов семьи, развод родителей, насилие в семье, злоупотребление в семье наркотиками и алкоголем.

Семьи всех обследованных несовершеннолетних осужденных в разных поколениях от четвертого до первого содержат травмы, связанные с совершением преступлений членами семьи (96 % семей) или против членов семьи (43 % семей), участием в войнах и военных конфликтах (22 % семей), самоубийствами членов семьи (17 % семей), разводом родителей (65 % семей), злоупотреблением членами семьи алкоголем и наркотиками (56 % семей), а также наличием психических расстройств среди членов семей (13 % семей).

Всего по результатам исследования запротоколировано 77 событий, попадающих под определение травмы. В среднем одна семья содержит 3.34 травматичных события.

Семьи несовершеннолетних осужденных значительно различаются по количеству травматичных событий в их истории. Меньше всего травматичных событий содержат семьи осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера. В среднем семья сексуального преступника содержит 2,2 травматичных событий.

Таблица 1.

Количество травматичных событий в семье у осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера

Номер протокола	Характер преступления	Всего травматичных событий
1	131	2
5	132	2
6	131 ч.4	4
8	131 ч.4, 132	2
16	131 ч.4	1
		2,2

Семьи несовершеннолетних, осужденных за убийство, содержат более чем 2 раза больше травматичных событий. Здесь в среднем семья содержит 4,57 травматичных событий.

Таблица 2.

Количество травматичных событий в семье у осужденных за убийство

Номер протокола	Характер преступления	Всего травматичных событий
2	105ч.2, 166 ч.2, 158ч.2	4
3	105 ч.2, 131 ч.2	3
4	105	3
9	105 ч.2, 116	4
12	105	6
14	131 ч.4, 105	8
20	105 ч.1	4

		4,57
--	--	------

Семьи осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью содержат в среднем 3,9 травматичных события, что занимает срединное положение. То есть больше чем в семьях сексуальных преступников, но меньше чем в семьях убийц.

Таблица 3.

Количество травматичных событий в семье у осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

Номер протокола	Характер преступления	Всего травматичных событий
7	111 ч.3	3
10	161 ч. 2	4
11	111 ч.3	2
13	111 ч.4	1
15	111 ч.4	5
17	111 ч.4	5
18	111 ч.4	4
19	161 ч.2	4
21	111 ч.4	1
22	111 ч.4	3
23	162 ч.4, 158 ч.2	2
		3,9

Все родовые убийства произошли в семьях несовершеннолетних, осужденных за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

В семьях несовершеннолетних, осужденных за убийства, присутствует больше всего преступлений самих членов семьи, преступлений против них, и родовых убийств. Во всех этих семьях уже совершались преступления, и эти семьи содержат больше всего жертв преступлений.

Семьи осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и по этому показателю занимают срединное положение. В составе их семей больше преступников, чем в семьях сексуальных преступников, но меньше чем в семьях убийц.

Таблица 4.

Характер преступления и системная травма, связанная с преступной деятельностью

№	Характер преступления	Преступления членов семьи за пределами семьи	Преступления против членов семьи	Преступления членов семьи внутри семьи
1.	131, 132	80 %	40 %	0 %
2.	105 ч.	100 %	57 %	29 %
3.	111, 161, 162	91 %	36 %	18 %

У осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера все описанные травматичные события принадлежат либо поколению осужденного (братья и сестры), либо поколению родителей (отец, мать, дяди и тети). То есть они все принадлежат родительской семье осужденного и предполагают его непосредственный опыт участия в данных событиях. Что с большей вероятностью предполагает у них не травму системных отношений, а скорее травму потери или травму отношений.

У осужденных за убийства и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью абсолютное большинство травм находится во втором (отец, мать, дяди и тети) и третьем (дедушки и бабушки) поколениях. Таким образом система травмирована уже в нескольких поколениях.

Таблица 5.

Характер преступления и травматизация различных поколений семьи осужденного

№	Характер преступления	1 поколение	2 поколение	3 поколение
1.	131, 132	40 %	60 %	0 %
2.	105 ч.	14 %	86 %	29 %
3.	111, 161, 162	9 %	81 %	27 %

У 80 % осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера родители развелись, и осужденный воспитывался либо матерью, либо матерью и бабушкой по материнской линии. В таких семьях часто возникает дисбаланс между проявлениями мужского и женского как в эмоциональной сфере, так и в поведении.

Необходимость заставляет женщин выполнять мужские функции, что в свою очередь приводит к недостатку материнской любви, нежности, нарушению привязанности с матерью. Отсутствие примера мужского поведения и отсутствие привязанности к отцу не дает ребенку сознать роль, место и ответственность мужчины в жизни, в семье. Это нарушение усиливается отсутствием уважения к мужчинам со стороны женщин в семье.

У осужденных за убийства и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью родители развелись в половине случаев, что также указывает на значительное влияние этого фактора на их становление.

Таблица 6.

Характер преступления и развод родителей

№	Характер преступления	Развод родителей
1.	131, 132	80 %
2.	105 ч.	57 %
3.	111, 161, 162	45 %

Во всех семьях несовершеннолетних, осужденных за убийства, присутствует злоупотребление наркотиками и алкоголем, часто в нескольких поколениях. В семьях осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, а так же за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью этот фактор присутствует, но не имеет такого влияния.

Таблица 7.

Характер преступления и злоупотребление наркотиками и алкоголем в семьях осужденных

№	Характер преступления	Злоупотребление наркотиками и алкоголем
1.	131, 132	40 %
2.	105 ч.	100 %
3.	111, 161, 162	36 %

У осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера в описаниях травматичных семейных событий отсутствует указание на участие членов семей в войнах и военных конфликтах.

Наибольшее количество упоминаний о подобных событиях содержится у осужденных за убийства. Данный фактор непосредственно указывает на возможность травмы системных отношений в данных семьях.

Таблица 8.

Характер преступления и участие членов семьи осужденных в войнах и военных конфликтах.

№	Характер преступления	Война
1.	131, 132	0 %
2.	105 ч.	43 %
3.	111, 161, 162	18 %

Наибольшее количество упоминаний о самоубийствах среди членов семьи содержится у осужденных за убийства. Самоубийства присутствуют почти в половине данных семей и происходили в разных поколениях. Это серьезная травма системы. Эмоционально пережить самоубийство члена семьи чрезвычайно трудно, так как осознание мотивации самоубийцы весьма затруднено, что часто надолго оставляет в системе вопрос, а кто виноват в этом.

Таблица 9.

Характер преступления и самоубийство членов семьи осужденных.

№	Характер преступления	Самоубийства
1.	131, 132	20 %
2.	105 ч.	43 %
3.	111, 161, 162	9 %

У осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера отсутствуют психические расстройства у членов семей.

Присутствие фактов психических расстройств в семьях несовершеннолетних осужденных за убийства и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

незначительно. Само наличие подобных проявлений в семье симптоматично и указывает на наличие глубоких травм в предыдущих поколениях (травма системных отношений).

Таблица 10.

Характер преступления и наличие психических расстройств в семьях осужденных

№	Характер преступления	Психические расстройства у членов семей осужденных
1.	131, 132	0 %
2.	105 ч.	14 %
3.	111, 161, 162	18 %

У осужденных за изнасилование и насильственные действия сексуального характера все жертвы – женщины. У осужденных за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью абсолютное большинство жертв – мужчины.

Таблица 11.

Характер преступления и пол жертвы

Характер преступления	Жертвы - женщины	Жертвы - мужчины
131, 132	100 %	0 %
105 ч.	28 %	72%
111, 161, 162	18 %	82 %

В соответствии с описанием типа травмы, мы попытались предположить характер травмы, полученный осужденным в каждом из описанных 77 травматичных событиях в семье. Некоторые события были отнесены нами к двум видам травмы. В итоге мы оперировали 115 травмами.

Основными видами травмы сексуальных преступников являются травмы потери и травмы отношений. Все эти травмы так или иначе связаны с опытом самих осужденных, как членов семьи. В данном случае мы имеем дело с опытом самого осужденного как жертвы. Неспособность интегрировать травму компенсируется тем, что осужденный отделяется от нее через агрессию на женщин, сексуальную агрессию.

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления. Психология и право psyandlaw.ru 2017. Том 7. №2. С. 57-70.

Khachaturyan S.D., Abdurasulova M.N. The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes). Psychology and law psyandlaw.ru 2017. Vol. 7. no.2. pp. 57-70.

Таблица 12.

Различные типы травм у осужденных за изнасилование, насильственные действия сексуального характера

	Число протоколов	Экзистенциальные травмы	Травмы потери	Травмы отношений	Травмы системных отношений
Количество травм	5	3	4	7	3
Количество осужденных	5	3	4	5	3
Количество осужденных в %	5	60 %	80%	100%	60 %

Наибольшую травматизацию содержат семьи осужденных за убийства. Все они наполнены экзистенциальными травмами, травмами отношений и травмами системных отношений. В меньшей степени им свойственны травмы потери.

Таблица 13.

Различные типы травм у осужденных за убийства

	Число протоколов	Экзистенциальные травмы	Травмы потери	Травмы отношений	Травмы системных отношений
Количество травм	7	13	10	14	13
Количество осужденных	7	7	4	7	7
Количество осужденных в %	7	100 %	60 %	100 %	100 %

Осужденные за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью имеют среднюю степень травматизации. В их опыте представлены все виды травм, с преобладанием экзистенциальных травм.

Таблица 14.

Различные типы травм у осужденных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

	Число протоколов	Экзистенциальные травмы	Травмы потери	Травмы отношений	Травмы системных отношений
Количество травм	11	14	8	14	13
Количество осужденных	11	9	8	7	7
Количество осужденных в %	11	80%	75%	75 %	75 %

По результатам исследований можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Все обследованные нами несовершеннолетние осужденные сами являются жертвами травматичных событий в своих собственных семьях. Внутренняя реальность жертвы всегда ограничена. Застревание жертвы в травматичном опыте мешает построению будущего, хорошему видению перспектив, развитию. Постоянное желание отгородиться от травмы приводит к необходимости все время удерживать хрупкий баланс между агрессией и ужасом. Эта внутренняя война с травмой отнимает все силы и не допускает любви, уважения, веры, которые воспринимаются как непозволительная слабость. Зато злость, ненависть, агрессия даёт силы. Через злость жертва как бы отделяется от своего травматичного опыта. Злость, направленная на других, позволяет контактировать с этим опытом в безопасной для жертвы форме – теперь другие переживают то, что он проживал, а точнее не смог пережить в своей травме. Собственно, функция преступления в том и состоит, чтобы спроецировать свой собственный травматичный опыт на других. Этим же определяется, как нам представляется, и выбор пола жертвы. Жертвами становятся представители того пола, который в случае с осужденным выступал в качестве агрессора.

2. По характеру травматизации мы выделяем в отдельную группу сексуальных преступников. Основными видами травмы в данном случае являются травмы потери и травмы отношений. Все травмы так или иначе связаны с опытом самих осужденных, как членов семьи. В данном случае мы имеем дело с опытом самого осужденного как жертвы. Неспособность интегрировать травму компенсируется тем, что осужденный отделяется от нее через агрессию. Основным травматизатором выступает мать или другая значимая женщина (бабушка). Основными темами психотерапии в данном случае выступают непережитое горе, потерянная близость (нарушенная привязанность), безотцовщина.

3. Наибольшую травматизацию содержат семьи осужденных за убийства. Все они наполнены экзистенциональными травмами, травмами отношений и травмами системных отношений. В меньшей степени им свойственны травмы потери. Так или иначе осужденный идентифицируется с одним из агрессоров (мужчин) в системе, перенимая на себя чужой опыт. В данном случае основные травмы произошли не с самим осужденным, а другими членами семьи. Основными темами психотерапии в данном случае становятся лояльность системе, перенятие чужого опыта, чувств. А задача терапии может быть определена как разделение с чужим опытом и переживание своей вины.

4. Осужденные за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью имеют среднюю степень травматизации. В их опыте представлены все виды травм, с преобладанием экзистенциональных травм. Это определяет в качестве основных тем работы с ними темы страха, беспомощности, семейного насилия, потерянной близости (нарушенная привязанность). Большая часть их переживаний, как нам представляется, является перенятой в других поколениях, что также определяет в качестве задачи отделение их от чужого опыта и переживание своей вины.

Литература

1. Рунперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 264 с.
2. Рунперт Ф. Симбиоз и автономность. Расстановка при травме. Симбиотическая травма и любовь по ту сторону семейных переплетений. М.: Институт консультирования и системных решений, 2015. 280 с.
3. Стам Я.Я. Травма в организациях // Системные расстановки. 2012. №1. С. 75–81.

The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes)

Khachaturyan S. Dzh., Associate Professor, Vladimir Juridical Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of psychology and pedagogy of professional activity in the penal system VJI FPS of Russia (Sdh63@mail.ru)

Abdurasulova M. N., head of the psychological laboratory The Nakhodka colony Chief of management of Federal penitentiary service of Russia for the Primorye territory, major of internal service (mary-enn1@mail.ru)

The article is devoted to psychological correction of juvenile offenders for violent crimes. The authors, based on the fundamentals polygeneration system of traumatology, hypothesize about the presence of a family history of juvenile offenders system traumas. The study was conducted in PKU Nakhodka educational colony GUF SIN Russia for the Primorye territory in January-February 2017. The study involved 23 minors convicted of violent crimes. All system traumas are divided into four types: existential trauma, trauma of losses, trauma of relationship and trauma family system. Conclusions about what the nature of the offence depends on the depth and type of traumatization of the perpetrator and his family system. All examined juvenile offenders are themselves victims of traumatic events in their own families. The main types of trauma from sex offenders are trauma of losses and trauma of relationship. Family convicted of murder filled with existential trauma, trauma of relationship and trauma family system. Convicted of intentional infliction of grievous bodily harm had an average degree of trauma. There are all kinds of trauma in their experience, with a predominance of existential trauma. Offered the main directions of psychological adjustment to each category of prisoners.

Key words: psychological correction of juvenile offenders for violent crimes, polygeneration system of traumatology, existential trauma, trauma of losses, trauma of relationship, trauma family system.

References

1. Rupert F. Trauma, svyaz i semeynye rasstanovki [Trauma, Bonding and Family Constellations. Understanding and Healing Injuries of the Soul]. M.: Institute of counselling and system solutions, 2014, 264 p.

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления). *Психология и право psyandlaw.ru* 2017. Том 7. №2. С. 57-70.

Khachaturyan S.D., Abdurasulova M.N. The dependence of the nature of the crime to the type of trauma the perpetrator (for example, minors convicted of violent crimes). *Psychology and law psyandlaw.ru* 2017. Vol. 7. no.2. pp. 57-70.

---

2. Rupert F. Symbios i autonomnost. [Symbiosis and Autonomy. Symbiotic Trauma and Love Beyond Entanglements] М.: Institute of counselling and system solutions, 2015, 280 p.
3. Stam J. J. Travma v organizatsii [Trauma in organizations] *Sistemnie rasstanovki [System constellations]*. 2012, no. 1, pp. 75 – 81.

Комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций следователей в ходе их профессионального становления

Ковальчишина С.В., кандидат психологических наук, майор полиции, психолог роты конвойной службы полиции ДГУ МВД ДНР (lanessa88@mail.ru)

Статья посвящена вопросам профессионального развития личности, в частности профессиональной компетентности следователей в период их становления. Анализируются также вопросы профессиональной пригодности следователей к выполнению возложенных на них задач. Автором рассматриваются технологии формирования необходимых профессиональных качеств у следователей, акцентируется особое внимание на эффективности тренинговых методов обучения в рамках служебной подготовки сотрудников следственного управления.

Предлагается комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций следователей, которая ориентирована на развитие и саморазвитие профессионально важных качеств следователя и осознанное отношения к собственному профессиогенезу.

В модульную систему включены четыре модуля: правовой, организационно-кадровый, образовательно-педагогический и психологический, которые позволяют эффективно воздействовать на профессиональное становление как действующих сотрудников следственных подразделений, так и будущих следователей. Предлагается разработанная и апробированная автором комплексная психопрофилактическая тренинговая программа «Психологическая поддержка следователя (ППС)», которая активно используется в настоящее время в рамках служебной подготовки следователей органов внутренних дел.

Ключевые слова: следователь, профессиональная компетенция, профессиогенез, профессиональные деструкции, социальная роль, модульная система, психотренинговые технологии.

Для цитаты:

Ковальчишина С.В. Комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций следователей в ходе их профессионального становления. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 71-80.

doi: 10.17759/psylaw.207070206

For citation:

Kovalchishina S.V. A comprehensive modular system of prevention of professional destructions of the investigators in the course of their professional formation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp. 71-80. doi: 10.17759/psylaw.2017070206

Анализ литературы по вопросам профессионального развития личности и вопросам технологий формирования необходимых профессиональных качеств свидетельствует, что достаточно большое количество исследований как зарубежных, так и отечественных авторов посвящено моделям, которые использовались для получения наглядного и адекватного представления о профессиональной деятельности того или иного специалиста и проектирования эффективных технологий соответствующей подготовки к ней.

В основе большинства современных моделей лежит понятие «ключевые компетенции», введенное в научный оборот Международной организацией труда в начале 90-х гг. Это понятие трактуется, как общая способность человека мобилизовать в ходе профессиональной деятельности приобретенные знания и умения, а также использовать имеющиеся модели поведения для выполнения профессиональных действий. Вместе с тем отмечается, что ключевые компетенции обеспечивают универсальность и уже поэтому не могут быть узкоспециализированными.

Итоги многолетних исследований нашли отражение в рекомендациях Совета Европы и сформулированы в пяти ключевых положениях, уровень овладения которыми выступает неоспоримым критерием качества полученного образования. Здесь речь идет о политических и социальных компетенциях, касающихся жизни в поликультурном обществе и определяющих владение устным и письменным общением, а также способностью и желанием учиться в течение всей жизни (Р.М. Шамионов, 2002).

Это связано, прежде всего, с распространением и легким доступом информации в обществе и служит основой непрерывной профессиональной подготовки. Например, исследуя аспекты моделирования подготовки и профессиональной деятельности специалистов, Г.В. Суходольский указывает на то, что для профессиографических моделей личности характерен выбор базовых свойств «профессии», основанной на системе требований, предъявляемых к специалисту, и специальных способностей, которыми в определенной степени должен обладать представитель определенной профессии (Г.В. Суходольский, 2004).

В частности, при подготовке следователей, например, не учитывается многообразие задач, которые он должен решать: начатое дело во многих случаях отличается даже от типично сопоставимых предыдущих. Бывает не вполне достаточно опираться на собственный опыт или на знания, почерпнутые из специальной литературы.

Не случайно в понятие высокого уровня профессионализма входят и умение использовать оригинальный метод работы, обоснованно рискнуть, проявить интуицию, но при этом имеется в виду, что деятельность не должна выходить за пределы правового регулирования. Применение власти во имя закона накладывает свой отпечаток, повышая

ответственность за последствия принимаемых решений, ведь каждый раз речь идет о человеческих судьбах, о поиске и нахождении истины (В.Л. Васильев, 2003).

Говоря о трудностях этой работы, нельзя забывать об ее эмоциональном (напряженном и стрессовом) фоне, о возможности противодействия следователю со стороны сообщников обвиняемых в нарушении закона. В таких обстоятельствах, как бы ни было сложно, нельзя пренебрегать принципами профессиональной этики.

Отметим, что проблеме профессионального становления следователя и адаптации молодых специалистов к условиям профессиональной деятельности посвящены работы Д.Л. Аграната, А.М. Бандурки, С.П. Безносова, В.Л. Васильева, П.С. Демина, В.А. Лукова, Н.Э. Милорадовой, Г.В. Поповой, С.С. Соловьева, В.С. Медведева и др.

Компонентами общей направленности личности (работа над развитием которых не только возможна, но и необходима в процессе подготовки специалистов) указанные авторы называют систему нравственных ценностей, обращая особое внимание на культивирование патриотизма, честности, гуманности и принципиальности, а также развитое экологическое сознание. Специальная направленность, по нашему мнению, предполагает профессиональное саморазвитие: понимание сущности и социальной значимости своей специальности, самореализацию с помощью профессиональной деятельности

Профессиональная компетентность следователей представляет собой достаточно широкий перечень компетенций:

- специальная – знания, умения и навыки, обеспечивающие самостоятельное выполнение профессиональных действий и дальнейшее профессиональное развитие;
- коммуникативная (один из доминирующих аспектов деятельности следователей) – умение поддерживать общение и располагать к себе собеседника, делая общение взаимоприятным процессом;
- аутокомпетентность – владение умениями и навыками управления волевой и эмоциональной сферами, технологиями преодоления профессиональных деструкции;
- навыки устной и письменной речи (для следователя является важным умение кратко и точно изложить в письменной форме суть сказанного или того, что произошло, своевременно и грамотно сформулировать вопрос, большое значение имеет и мастерство ведения диалога);
- организаторская – позволяет следователю выступать организатором расследования, борьбы с преступностью в своем районе;
- поисково-реконструктивная – связана с умениями вести поисковую деятельность, обрабатывать найденную информацию, выдвигать гипотезы, моделировать (реконструировать) процессы и события, принимать решения в различных (часто неопределенных) условиях.

Профессиональная компетентность, как общая, так и специальная, во многом обеспечивается развитием профессионально важных качеств: памяти, логического и творческого мышления, рефлексии, организованности, собранности, настойчивости, аккуратности и пунктуальности, эмоциональной устойчивости, наблюдательности, любознательности, внимания, решимости, контактности. Развитие названных выше качеств в сочетании с устойчивой системой нравственных ценностей служит основой формирования компонентов, необходимых для обучения в вузе МВД (В.Л. Васильев, 2003).

К наиболее важным психофизиологическим обобщенным свойствам можно отнести:

- гибкость (пластичность) – способность корректировать программу деятельности в соответствии с требованиями ситуации;
- абстрагирование – способность успешно обобщать конкретные факты, умение опираться на абстрактные слова, образы в процессе мышления;
- рефлексивность – способность долго удерживать в памяти информацию, каждый раз переосмысливая ее по-новому, тщательное продумывание своих действий.

К специальным психофизиологическим свойствам, характерным для профессии следователя, относятся:

- вербализация – легкость речи, способность без напряжения передавать словами сведения о тех или иных событиях;
- эмоциональная стабильность – отсутствие склонностей к тревожному состоянию, фрустрации, агрессивности, возбудимости, хорошая приспособляемость к различным условиям, адекватная самооценка.

Заметим, что распределение ключевых квалификаций на обобщенные и специальные является условным и проводится исключительно в соответствии с педагогическими целями организации образовательного процесса.

С учетом результатов проведенного исследования, анализа литературы по вопросам разработки концептуальных подходов к профессиональному развитию специалиста и факторов, угрожающих профессиональному развитию следователя, нами разработана комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций работников следственного управления.

Основной задачей этой модульной системы является создание условий для: развития и саморазвития профессионально важных качеств следователя; осознанного отношения к собственному профессиональному развитию для эффективного освоения профессиональными знаниями, навыками и умениями; предупреждение и преодоление явлений профессиональной деструкции следователей.

Создание таких условий предполагает комплексный подход со стороны правового обеспечения рабочего процесса, организации труда и кадрового распределения рабочих единиц, качества образования и педагогического воздействия, а также психологического сопровождения служебной деятельности следователей. Поэтому в модульную систему были

включены четыре модуля: правовой, организационно-кадровый, образовательно-педагогический и психологический.

Правовой модуль: составляет систему правовых норм, регулирующих деятельность всей правоохранительной системы, правовые документы, регламентирующие профессиональную деятельность следователя. В связи с изменениями, которые происходят сегодня в политической, правовой, экономической и общественной жизни республики этот модуль объективно находится в стадии трансформации.

Организационно-кадровый модуль: предусматривает изменения организационно-штатной структуры, порядок назначения на должность, на руководящую должность, обязательные периоды ротации (каждые 5-7 лет).

Образовательно-педагогический модуль: предусматривает систему предоставления необходимых профессиональных знаний, формирование профессиональной этики следователя, профессионально-важных ценностей.

Психологический модуль: охватывает систему психологических мероприятий, направленных на укрепление адаптационного, мотивационного, эмоционального потенциала специалиста и формирования целостной адекватной профессиональной идентичности, формирование «Я-концепции».

Организация взаимодействия указанных модулей и их влияние на личность следователя происходит на следующих уровнях: теоретическом, эмпирическом и результативном. Теоретический уровень базируется на принципах целенаправленности, комплексности, системности и систематичности, непрерывности, единства диагностики и коррекции. Эмпирический уровень заключается в систематическом мониторинге профессионального и психологического статуса курсантов следственных факультетов. Систематическое использование психотренинговых технологий, направленное на успешный профессионализм, позволяет наблюдать позитивную трансформацию личности будущих следователей и способствует преодолению проявлений профессиональных деструкций. Результативный уровень описывает: готовность работника к профессиональной деятельности; высокий уровень сформированности у него мотивационного, содержательно-операционного, рефлексивного компонентов; успешное преодоление у работника и курсанта проявлений деструкций, результатом чего является наличие у них учебно-профессиональной адаптированности и развитой профессиональной идентичности.

В рамках психологического модуля наряду с другими методами психологического сопровождения профессиональной деятельности следователя мы предлагаем разработанную и апробированную нами комплексную психопрофилактическую тренинговую программу «Психологическая поддержка следователя (ППС)», которая состоит из двух частей. Первая часть программы представляет собой тренинг для курсантов следственных факультетов, вторая часть – тренинг для сотрудников следственного управления.

По результатам проведенного нами исследования, общей тенденцией развития профессиональной деструкции для курсантов и следователей явились изменения в ценностно-мотивационной сфере, профессиональном Я-образе и отрицательном эмоциональном отношении к профессии. Указанные результаты, прежде всего,

свидетельствуют об увеличении ролевой дистанции между личностью курсанта, следователя и их профессиональной ролью, что может привести к развитию такого явления, как «профессиональная маргинальность», которая выступает как основная форма и ведущий фактор социальной маргинальности. Отметим, что в профессиональном поле сдвиг баланса между идентичными специалистами и маргиналами в сторону маргинальности (является актуальным в современном обществе) снижает порог социальной приемлемости качества профессионального труда, что в сфере социально значимых профессий означает переход черты безопасности специалистов для общества.

Следует подчеркнуть, что при разработке концепции комплексной профилактической программы мы опирались на положения теории социальных ролей. Известно, что уровень адаптационного потенциала прямо пропорционально зависит от количества социальных ролей в личном репертуаре субъекта. Чем больше социальных ролей способен играть индивид, тем лучше он приспосабливается к жизни. Роли формируют поведение индивида, в результате чего социальная роль существенно влияет на него. Как отмечает Э. Роттердамский, человек может делать то, что он хочет, но становится тем, что он делает (А.Н. Джуринский, 1998).

В случае сильного влияния социальной роли на человека возникает феномен поглощения личности ее социальной ролью. Лицо теряет контроль над индивидуальностью (процесс деформации личности).

В ролевом поведении могут возникать межролевые конфликты, когда человеку необходимо выполнять одновременно две или более ролей, и внутренне ролевые, когда к носителю одной роли предъявляются различные требования от представителей различных социальных групп.

Во время проигрывания формальной (профессиональной) роли, формальные отношения могут дополняться неформальными, в которых индивид проявляет свою эмоциональность, ведь в результате восприятия и оценивания другого человека у него формируется определенное субъективное отношение. Процесс усвоения человеком новой социальной роли сопровождается усвоением определенных стандартов поведения, человек учится оценивать себя с другой стороны и осуществлять самоконтроль. Личность выступает тем механизмом, который позволяет интегрировать собственное «Я» в свою жизнедеятельность, осуществлять нравственную оценку собственных действий и находить свое место в жизни.

Поведение человека состоит из определенных действий в рамках определенной социальной роли. Сама социальная роль существует независимо от того, кто ее осуществляет. Однако человек привносит свою индивидуальность в характер воспроизводства роли.

Ролевое поведение можно использовать и как инструмент адаптации к различным социальным ситуациям. Д.А. Леонтьев в своих работах уделяет внимание исследованию вопросов усвоения новых социальных ролей. Он выделяет два аспекта этого процесса: смысловой и технический. Технический аспект представляет собой восприятие субъектом сути роли и усвоение ее содержания. Смысловой аспект связан с отношением человека к собственной роли (Д.А. Леонтьев, 2008).

Прежде всего, индивид должен овладеть техническим аспектом роли. Чаще это происходит путем копирования роли из выбранного образца авторитета, наставника. Некоторые роли усваиваются легко, другие требуют определенных усилий и способностей. Выбор делается или сознательно, или бессознательно. Выбор образца для усвоения профессиональной роли осуществляется по внутреннему зову, на основе симпатий того, кто выбирает, и зависит от моральных, личностных ценностей и мотивов деятельности. Если такого образца не было найдено в профессиональной среде, тогда процесс усвоения роли усложняется.

Смысловая сторона социальной роли характеризует процесс внутреннего принятия человеком роли для себя. В процессе усвоения смысловой стороны роли могут возникать определенные трудности: когда содержательная часть роли усвоена, однако внутренне человеком не принимается, тогда человек стремится доказать себе и другим, что он больше чем его роль. С другой стороны, роль может настолько сильно захватывать, что индивид полностью подчиняет себя роли.

По мнению Д.А. Леонтьева, в процессе усвоения роли, могут возникать три главные проблемы: трудности усвоения роли, проблема внутреннего неприятия роли и проблема меры усвоения роли.

Тренинговая работа по профилактике и коррекции профессиональной деструкции следователя, на наш взгляд, имеет два направления. Первое направление охватывает тенденции, связанные с техническим усвоением профессиональной роли, и решает вопрос психологической готовности усвоения будущей профессиональной роли, выбора профессионального эталона и необходимых профессиональных компетенций, формирование мотивов и ценностей, адекватных избранной специальности.

Второе направление связано с трансформацией препятствий смысловых компонентов усвоения профессиональной роли. Оно направлено на решение вопросов ролевой дистанции и устранение последствий ее дисгармоничного изменения: профессиональной идентификации, профессиональной маргинализации, профессиональной деформации.

Главной задачей комплексной программы является построение и восстановление в сознании курсанта и следователя аутентичного профессионального «Я-образа» с учетом профессионально важных компетенций, указанных выше, и регулирования ролевой дистанции между личностью курсанта, следователя и их профессиональной ролью. Ведущим инструментом осуществления этой программы является социально-психологический тренинг. Психопрофилактическую тренинговую работу со следователями и курсантами мы направили на поддержание и развитие у них необходимых профессиональных компетенций и адекватного восприятия собственной профессии.

Анализируя вышеизложенное, отметим, что психологической основой предотвращения развития профессиональных деструкций следователей является целенаправленное психологическое воздействие на развитие основных профессиональных компетенций сотрудников следственных управлений и поддержка их личностных ресурсов в период профессиональной деятельности. Действующим инструментом такого воздействия является использование психопрофилактической тренинговой программы, которая совмещает в себе эти два направления. Как показывает анализ применения тренинговых технологий в практике психолого-педагогического сопровождения

правоохранительной деятельности, этот метод с каждым годом приобретает популярность в системе служебной подготовки правоохранителей. Исследование эффективности тренинговых программ позволило установить, что такой метод активного профессионального обучения одобряется сотрудниками (участниками тренингов), они проявляют заинтересованность и желание принимать участие в подобных мероприятиях. Кроме этого, экспериментально доказано положительное влияние тренинга на развитие необходимых профессиональных компетенций.

Литература

1. *Безносков С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2003. 656 с.
3. *Джуринский А.Н.* История зарубежной педагогики: Учебное пособие для вузов. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. 272 с.
4. *Дружилов С.А.* Индивидуальный ресурс человека как основа становления профессионализма: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. 260 с.
5. *Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
6. *Суходольский Г.В.* Метапсихология как новый подход к пониманию научной психологии // Вестник Харьковского университета. 2000. № 498. С. 140–143.
7. *Шамионов Р.М.* Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации: дисс. ... докт. психол. наук. Саратов, 2002. 362 с.

A comprehensive modular system of prevention of professional destructions of the investigators in the course of their professional formation

Kovalchishina S.V., PhD (Psychology), police major, psychologist company of the police escort duty, Donetsk city Directorate of the Interior Ministry of the DPR (lanessa88@mail.ru)

The article substantiates the need to improve the readiness of the future legal psychologists to effective coping behavior in the light output at the present time in Russia professional standards governing the activities of professionals providing psychological assistance to minors, including those who are in legally relevant situations. The aim of the presented research - the identification of typical coping strategies for students of legal psychology in the educational practice and the analysis of the relationship of coping strategies with successful performance practices. Second-year students were diagnostic practice in various educational institutions, including schools and special schools for students with deviant behavior. Probationers acted as a psychologist, a holistic diagnostic problem solving - from the receipt of the request to make recommendations on the results of the survey. The method of content analysis was processed 41 report on the practice. Fixed mention of problematic situations that have caused negative emotions in the trainees, and mention of coping behavior. Revealed the typical difficulties of students and coping strategies when performing queries on psycho-diagnostics of children with behavioral problems. We found a significant positive correlation between the success of the implementation of practice tasks students with a variety mentioned in the report difficulties with the frequency of their appearance, as well as with a variety of coping strategies. The study offers methodological tools for the preparation of the future legal psychologists in diagnostic practice.

Key words: coping behavior, preparation of legal psychologists, diagnostic contact, deviant behavior.

References

1. Beznosov, S.P. Professional'naja deformacija lichnosti. [Professional personality deformation]. Sankt-Peterburg: Rech', 2004. 272 p.
2. Vasil'ev, V. L. Juridicheskaja psihologija: Uchebnik dlja vuzov. – 5-e izd., pererab. i dop. [Juridical psychology]. Sankt-Peterburg. 2003. 656 p.
3. Dzhurinskij, A.N. Istorija zarubezhnoj pedagogiki: Uchebnoe posobie dlja vuzov.[The history of foreign pedagogy]. Moskva: FORUM-INFRA, 1998. 272 p.

4. Druzhilov, S.A. Individual'nyj resurs cheloveka kak osnova stanovlenija professionalizma: monografija. [Individual human resource as the basis of formation of professionalism]. Voronezh: Nauchnaja kniga, 2010. 260 p.
5. Leont'ev, D.A. Shelobanova E.V. Professional'noe samoopredelenie kak postroenie obrazov vozmozhnogo budushhego. [Professional self-determination as the construction of images of possible future]. *Voprosy psihologii.*[Questions of psychology]. 2001. № 1, pp. 57–65.
6. Suhodol'skij, G.V. Metapsihologija kak novyj podhod k ponimaniju nauchnoj psihologii.[Metapsychology as a new approach to the understanding of scientific psychology]. *Vestnik Har'kovskogo universiteta.* 2000. № 498. pp. 140–143.
7. Shamionov, P.M. Vneshnie i vnutrennie determinanty lichnosti v processe ee socializacii. Diss. dokt. psikhol. nauk. [External and internal determinants of personality in the process of socialization. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saratov, 2002. 362 p.

Личностные особенности сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения

Василенко Т.Г., аспирант, факультет «Юридическая психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (vasilenko.t.g@gmail.com)

Актуальность исследования личностных особенностей сотрудников правоохранительных органов обусловлена значительным количеством преступлений агрессивного характера, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, и необходимостью разработки профилактических мероприятий. Целью данного исследования является изучение особенностей проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию факторов в личностной структуре сотрудников правоохранительных органов, чья деятельность непосредственно связана с проявлением агрессии при исполнении служебных обязанностей. В исследовании приняли участие 149 сотрудников подразделения особого назначения правоохранительных органов мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет. Применялась широкая батарея психодиагностических методик, направленных на всестороннее исследование личности обследуемых лиц. Полученные данные анализировались с помощью метода корреляционных плеяд. Согласно полученным результатам, была обнаружена уникальная картина взаимосвязи элементов личностных структур и взаимодействия проагрессивных и сдерживающих агрессию факторов при преобладании проагрессивных факторов над ингибирующими в исследуемой структуре.

Ключевые слова: агрессивное поведение, проагрессивные факторы, ингибирующие агрессию структуры, правоохранительные органы.

Для цитаты:

Василенко Т.Г. Личностные особенности сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 81-90. doi: 10.17759/psylaw.207070207

For citation:

Vasilenko T.G. Personal characteristics of a law enforcement unit of special purpose. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.81-90. doi: 10.17759/psylaw.2017070207

Проблема проявления агрессии сотрудниками правоохранительных органов в настоящее время является предметом изучения целого ряда дисциплин, исследуемым как в правовом и криминологическом, так и в психологическом и педагогическом аспектах. Несмотря на значительное число криминологических и психологических исследований в области агрессивного-насильственной преступности сотрудников правоохранительных органов, вопрос, каким образом для сотрудника становится несущественной грань между проявлением агрессии, обоснованной необходимостью выполнения возложенных задач защиты законности и правопорядка, и совершением противоправного агрессивного деяния, на сегодняшний день стоит достаточно остро.

Обеспечение правоохранительной деятельности в любой ситуации, где безопасность граждан находится под угрозой, при постоянном взаимодействии с агрессивной антисоциальной средой, обязанностью применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в установленном законом порядке, а также необходимостью постоянной оперативной мобилизации и поддержания готовности к активным действиям в особых условиях служебной деятельности обуславливают неотъемлемость проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов (Andersen J.P. и др., 2015 г.; Garbarino S. и др., 2012 г.).

Вместе с тем, правоохранительная деятельность предполагает высокие требования к профессионально-значимым качествам сотрудника, эффективную работу в маленьких автономных группах, а также способность к оперативной адаптации к изменяющимся обстоятельствам, требованиям поставленных задач и различным социально-культурным контекстам. В связи с этим, эффективная деятельность предполагает наличие механизмов своевременного сдерживания, ингибирования агрессивных проявлений, в том числе противоправных.

Значительное количество преступлений агрессивного характера, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел обуславливает актуальность настоящего исследования (Лютых В.А., Коноплева И.Н., 2016 г.). Как подчеркивают современные исследователи, для выявления механизмов противоправного агрессивного поведения помимо проагрессивных факторов целесообразно исследовать и факторы, тормозящие проявление агрессии, или ингибиторы агрессии (Калашникова А. С., 2009 г.; Сафуанов Ф. С., 2003 г.). Под ингибиторами агрессии понимаются факторы, предупреждающие агрессивные деяния и включающие в себя в основном личностные структуры, подавляющие соответствующие импульсы (Налчаджян А.А., 2000 г.; Сафуанов Ф.С., 2003 г.). Среди тормозящих агрессию личностных структур выделяют ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные сдерживающие структуры и психологические защитные механизмы (Калашникова А.С., 2009 г.; Сафуанов Ф.С., 2003 г.). При этом проблема ингибирования агрессивных побуждений в структуре личности сотрудников правоохранительных органов на сегодняшний день является вовсе неизученной.

Целью данного исследования является изучение особенностей проявления ингибирующих агрессию и проагрессивных структур у сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения, чья деятельность непосредственно связана с проявлением агрессии в ходе исполнения служебных обязанностей.

Гипотезы исследования: личностные структуры, способствующие подавлению агрессии, выполняют ингибирующую функцию в равной степени как для проявления общей агрессивности, так и для проявления мотивационной и реактивной агрессивности. Можно предположить, что общее количество факторов, оказывающих тормозящее влияние на агрессию, будет примерно равно общему количеству проагрессивных факторов в структуре личности. При этом, следует ожидать, что у сотрудников правоохранительных органов будут выражены преимущественно социально-нормативные и ценностные ингибиторы агрессии.

Материал и методы исследования

В исследовании приняли участие 149 сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения г. Москвы, в задачи которых входят специальные мероприятия, включающие осуществление правоохранительной деятельности в зонах вооруженного конфликта, выполнение задач по захвату и ликвидации вооруженных преступников, силовое подавление массовых беспорядков и др. Все респонденты мужского пола, в возрасте от 18 до 35 лет, средний возраст - 27 лет. Средний стаж работы в органах внутренних дел – 6 лет. Средний стаж работы сотрудников в подразделении особого назначения – 5 лет.

Для оценки личностных структур испытуемых применялись следующие методики: личностный опросник агрессивности Басса-Перри (для выявления агрессивности как черты личности), «Тест руки» Вагнера (для выявления мотивационной агрессивности), тест фрустрационной толерантности Розенцвейга (для выявления реактивной агрессивности), методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) в интерпретации Ф.Б. Березина (для оценки социально-нормативных, эмоциональных, коммуникативных ингибиторов агрессии), тест «Исследование волевой саморегуляции А. Зверкова, Е.В. Эйдмана (для выявления эмоциональных ингибиторов агрессии), Торонтская алекситимическая шкала Тейлора (для выявления коммуникативных и эмоциональных ингибиторов агрессии), опросник эмоциональной эмпатии Мехрабиана и Эпштайна (для выявления коммуникативных и эмоциональных ингибиторов агрессии), методика «Ценностные ориентации» Рокича (для выявления ценностных ингибиторов агрессии), опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (для выявления механизмов психологической защиты).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 22. Статистически значимые связи между личностными особенностями выявлялись с помощью метода коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Согласно теоретическим положениям (Калашникова А.С., 2009 г.; Сафуанов Ф.С., 2003 г.), индивидуально-психологические особенности испытуемых были условно разделены на проагрессивные личностные факторы и ингибирующие агрессию структуры. С целью выявления особенностей взаимодействия проагрессивных и ингибирующих факторов в структуре личности был проведен корреляционный анализ показателей проведенных методик.

Качественный анализ значимых корреляционных связей выявил уникальную картину взаимосвязи проагрессивных и ингибирующих структур в исследуемой группе. При достаточно большом количестве значимых связей между подавляющим количеством элементов обнаруживается сложность организации ассоциативных связей личностной структуры. Высокая гомогенность личностной структуры испытуемых является ожидаемой, принимая во внимание необходимость прохождения серии процедур при поступлении на службу в полицию, а также их дальнейшего отбора и специальной подготовки. Как показывает анализ связей между элементами личностной структуры, далеко не все параметры, изначально принимаемые в качестве ингибиторов агрессии, выполняют тормозящую функцию. Кроме того, так как обнаруживается прямая зависимость между некоторыми проагрессивными структурами и другими элементами личностной структуры, при усилении данных элементов проагрессивные структуры так же усиливаются. Так, при общем рассмотрении группы проагрессивных факторов обнаруживается, что показатель «Директивность» («Тест руки» Вагнера), подразумевающий ответы доминирования, руководства и подчинения своему влиянию имеет положительную корреляционную связь с показателем «ОД» (тест фрустрационной толерантности Розенцвейга), подразумевающим препятственно-доминантный тип реагирования во фрустрирующих ситуациях. При усилении одного из данных элементов, другой элемент так же усиливается ($p < 0,05$). Кроме того, обнаруживается прямая связь между невозможностью придать смысловую нагрузку выражению, понять эмоциональный посыл жеста и общей агрессивностью. Так, показатель «Fail» – отсутствие ответа («Тест руки» Вагнера) имеет положительную корреляционную связь с показателем «Интегральная шкала» (опросник агрессивности Басса-Перри) ($p < 0,01$), а показатель «Описание» («Тест руки» Вагнера) имеет положительную корреляционную связь с показателем «Гнев» (опросник агрессивности Басса-Перри) ($p < 0,05$). При этом обнаруживается, что показатель «зависимость» («Тест руки» Вагнера) при обратной зависимости подавляет выраженность ингибирующего фактора – показателя импунитивной реакции эго-защитного типа («Тест фрустрационной толерантности» Розенцвейга) ($p < 0,05$), который, в свою очередь, при обратной зависимости усиливает показатель проагрессивного фактора «Враждебность» (личностный опросник Басса-Перри) ($p < 0,05$).

Между тем, в рассматриваемой структуре проагрессивных факторов обнаруживаются элементы, снижающие показатели агрессивности за счет обратной корреляционной связи, выполняя ингибирующую функцию. Так, показатель «Склонность к открытому агрессивному поведению» («Тест руки» Вагнера) имеет значительное количество отрицательных корреляционных связей с такими показателями, как «Разрешающий тип реагирования» («Тест фрустрационной толерантности» Розенцвейга) ($p < 0,01$), «Эго-защитный тип реагирования» ($p < 0,05$), «Общая интрапунитивность» ($p < 0,05$), «Общая импунитивность» ($p < 0,05$), «Импунитивная реакция разрешающего типа в форме расчета на время или ход событий» ($p < 0,05$). Показатель «Коммуникации» («Тест руки» Вагнера) при обратной зависимости снижает выраженность проагрессивного фактора общей экстрапунитивной направленности («Тест фрустрационной толерантности» Розенцвейга), выполняя роль ингибирующего фактора ($p < 0,05$).

При качественном анализе корреляционной плеяды, образованной статистически значимыми корреляционными связями между личностными особенностями сотрудников правоохранительных органов, было выявлено, что ядром личностной структуры является «Враждебность» и «Гнев» (опросник агрессивности Басса-Перри), которые находятся как в прямой, так и в обратной зависимости с большинством проагрессивных и ингибирующих

факторов. Так, при рассмотрении взаимосвязи показателей агрессивности в форме враждебности и гнева, а также показателей, изначально принятых в качестве ингибиторов агрессии, обнаруживается, что значительная часть ожидаемых ингибиторов выполняет обратную функцию в данной личностной структуре, напротив, способствуя усилению показателей агрессивности. Согласно полученным данным, усиление напряженности таких защитных механизмов, как замещение, проекция, регрессия, компенсация и гиперкомпенсация («Индекс жизненного стиля») при прямой зависимости способствует возрастанию показателей гнева и враждебности, а также общей агрессивности ($p < 0,01$). Данная связь может быть обусловлена тем, что механизмы психологической защиты изучались в нейтральных условиях служебной деятельности, что частично соответствует представлению об их активизации в качестве тормозящих проявление агрессии регуляторах в критических, прежде всего, психотравмирующих обстоятельствах (Сафуанов Ф.С., 2003 г.), однако, в отличие от предположений данной теоретической концепции – в нейтральной ситуации, в данном случае, факторами, способствующими проявлению агрессии выступают преимущественно не вытеснение или рационализация, а замещение, проекция, регрессия, компенсация и гиперкомпенсация. Преимущественное влияние данные факторы оказывают на проявление агрессии в форме враждебности: обнаруживается сильная значимая прямая связь между показателем «враждебность» и показателями «замещение», «проекция», «регрессия», «компенсация», «гиперкомпенсация» ($p < 0,01$), и менее значимая связь с показателями «вытеснение» и «рационализация» ($p < 0,05$). Кроме того, согласно полученным результатам корреляционного исследования, фактор фиксации тревоги с ограничительным поведением (шкала 7 методики ММИЛ) при прямой зависимости способствует повышению напряженности таких механизмов психологической защиты, как регрессия ($p < 0,01$), гиперкомпенсация ($p < 0,01$) и компенсация ($p < 0,05$), которые, в свою очередь, повышают показатели враждебности и гнева, а также общей агрессивности (интегральная шкала в опроснике агрессивности Басса-Перри), при этом способствуя повышению числового значения ранга (т.е. уменьшению значимости для испытуемого) ценностного показателя счастливой семейной жизни («Ценностные ориентации» Рокича) ($p < 0,05$), который при прямой зависимости увеличивает показатели гнева и враждебности ($p < 0,01$), а также общей агрессивности ($p < 0,05$), при этом при прямой зависимости повышая напряженность защитного механизма регрессии ($p < 0,01$), что, в свою очередь, так же способствует возрастанию данных проагрессивных факторов. Между тем, повышению выраженности проагрессивных факторов напрямую способствуют высокие показатели по таким ценностным факторам, как исполнительность, воспитанность, активная деятельная жизнь, чуткость и счастливая семейная жизнь. *Следует отметить, что при анализе ценностных ориентаций брались числовые значения, которые соответствуют рангу данных показателей в иерархии ценностей испытуемых, таким образом, чем больше выраженность данных показателей, тем меньшее место они занимают для испытуемых в структуре ценностных ориентаций.* Так, показатель «счастливая семейная жизнь» имеет положительную корреляционную связь с показателями «враждебность» ($p < 0,01$), «гнев» ($p < 0,01$) и «интегральная шкала» ($p < 0,05$); показатель «исполнительность» имеет положительную корреляционную связь с показателем «враждебность» ($p < 0,01$), показатели «воспитанность», «активная деятельная жизнь», «независимость», «чуткость» так же имеют положительную корреляционную связь с показателем «гнев» ($p < 0,05$). При этом, показатель «счастливая семейная жизнь» при прямой зависимости способствует повышению показателя «регрессия», при прямой зависимости повышающего выраженность показателей «враждебность» и «гнев» ($0,01$), а также «интегральная шкала» ($p < 0,05$).

При качественном анализе корреляционных связей ингибирующих структур и остальных показателей общей агрессивности (опросник агрессивности Басса-Перри) обнаруживается, что фактор соматизации тревоги (шкала 1 методики ММИЛ) способствует возрастанию фактора психофизической агрессии ($p < 0,05$), при прямой зависимости способствуя повышению числового показателя ранга ценностной ориентации «эффективность» ($p < 0,05$), при прямой зависимости увеличивающей выраженность показателя психофизической агрессии ($p < 0,05$). Кроме того, при обратной зависимости фактор фиксации тревоги с ограничительным поведением подавляет выраженность волевого самоконтроля и саморегуляции (Общая шкала в «Исследовании волевой саморегуляции») ($p < 0,05$), который, в свою очередь, при обратной зависимости способствует возрастанию показателя психофизической агрессии ($p < 0,05$), в то же время повышая уровень соматизации тревоги ($p < 0,01$), способствующего повышению фактора психофизической агрессии ($p < 0,05$). Помимо этого, в данной личностной структуре обнаруживается, что эмоциональный показатель эмпатии так же не выполняет ингибирующей функции, а напротив, при прямой зависимости способствует возрастанию соматизации тревоги ($p < 0,05$), тем самым косвенно повышая выраженность психофизической агрессии ($p < 0,05$). Кроме того, обнаруживается неоднозначная связь ценностных ингибирующих механизмов с рассматриваемыми проагрессивными факторами. Согласно полученным данным корреляционного анализа, ценностные ориентации испытуемых выполняют как проагрессивную, так и ингибирующую функцию. Так, ценностные ориентации в виде стремления к эффективности и счастливой семейной жизни косвенно способствуют возрастанию агрессивности: показатель «эффективность» при прямой зависимости повышает выраженность показателя «соматизация тревоги» ($p < 0,05$), который, в свою очередь прямо способствует возрастанию показателя «психофизическая агрессия» ($p < 0,05$). Ингибирующую функцию косвенно выполняют такие показатели ценностных ориентаций, как «творчество», «высокие запросы», «познание»: показатель «творчество» при обратной зависимости подавляет выраженность показателя «соматизация тревоги» ($p < 0,01$), ослабляющий, в свою очередь, проявление фактора психофизической агрессии ($p < 0,05$).

При рассмотрении корреляционных связей в структуре мотивационной агрессии («Тест руки» Вагнера) обнаруживается примерно равное соотношение ингибирующих и проагрессивных факторов. Показатель «агрессия» имеет прямую связь с такими показателями, как «интересная работа», «воспитанность» и «исполнительность» ($p < 0,05$), что означает усиление выраженности агрессии при снижении значимости данных показателей в иерархии ценностей. Показатель директивности напрямую взаимосвязан с показателем общего уровня напряженности механизмов психологической защиты ($p < 0,05$), а показатель склонности к открытому агрессивному поведению – с механизмом психологической защиты в форме отрицания ($p < 0,05$), усиление данных показателей приводит к усилению проагрессивных факторов.

Ингибирующую функцию для показателя агрессии осуществляют при обратной зависимости такие показатели ценностной сферы, как «свобода», «уверенность», и «удовольствия» ($p < 0,05$). Кроме того, выявляется, что некоторые факторы, выполняющие проагрессивную функцию для показателя общей агрессивности (опросник агрессивности Басса-Перри), выполняют ингибирующую функцию для показателей мотивационной агрессивности. Так, показатель алекситимии имеет обратную связь с показателем «агрессия» ($p < 0,05$), снижая ее выраженность при усилении. Кроме того, в отличие от показателей «соматизации тревоги» и «фиксации тревоги с ограничительным поведением»,

способствующих проявлению общей агрессивности, показатель «тревожности, депрессии» (шкала 2 методики ММИЛ) имеет обратную связь с показателем «агрессия» ($p < 0,05$), таким образом повышение уровня тревожности напрямую снижает проявление мотивационной агрессии. Таким образом, фактор тревоги является ингибирующим агрессию, проявляясь в форме уровня тревожности и депрессии, что соответствует теоретическим положениям об ингибирующей функции тревожности (Сафуанов Ф.С., 2003 г.), однако усиливает выраженность агрессивных тенденций при проявлении в форме соматизации тревоги и фиксации тревоги с ограничительным поведением.

При анализе корреляционных связей реактивной агрессивности («Тест фрустрационной толерантности» Розенцвейга) обнаруживается, что усилению выраженности проагрессивных структур способствуют, в первую очередь, показатели ценностных ориентаций. Так, снижение значимости в ценностной иерархии испытуемых показателя «высокие запросы» напрямую усиливает выраженность экстрапунитивных реакций эго-защитного типа в форме признания собственной вины ($p < 0,05$), при этом снижение значимости ценности «любовь» при прямой зависимости усиливает проявление экстрапунитивных реакций разрешающего типа ($p < 0,05$). Повышению выраженности экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа напрямую способствует уменьшение значимости ценностного показателя «воспитанность» ($p < 0,05$). При этом, росту показателя экстрапунитивных реакций разрешающего типа так же способствует повышение уровня отрицания тревоги и оптимистичности ($p < 0,05$), а росту показателя общей экстрапунитивности – повышение напряженности механизма психологической защиты в форме компенсации, а также увеличение общей напряженности психологических защитных механизмов ($p < 0,05$).

При рассмотрении ингибирующих реактивную агрессию механизмов обнаруживается, что снижению выраженности экстрапунитивных реакций эго-защитного типа в форме признания собственной вины при обратной зависимости способствует снижение значимости в иерархии ценностей испытуемых показателей «твердая воля» ($p < 0,01$) и «активная жизнь» ($p < 0,05$). Между тем, ослаблению выраженности экстрапунитивных реакций разрешающего типа при обратной зависимости способствуют показатели ценностных ориентаций «продуктивная жизнь» и «развитие» ($p < 0,05$), а также показатель «социальные контакты» ($p < 0,05$), в то время как снижению выраженности проявления экстрапунитивных реакций эго-защитного типа – повышение общего уровня волевого самоконтроля и саморегуляции ($p < 0,01$).

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что проагрессивные факторы в структуре личности исследуемой группы преобладают надфакторами, ингибирующими агрессию, являясь при этом центральным компонентом данной личностной структуры в форме враждебности и гнева. Кроме того, было обнаружено, что снижению выраженности разного типа проявлений агрессии – общей, мотивационной и ситуативной – способствуют разные ингибирующие механизмы при том, что один и тот же показатель, являясь ингибирующим для одного типа агрессии, может выполнять роль проагрессивного фактора для другого. Было выявлено, что при значительной выраженности ценностных показателей в структуре личности рассматриваемой группы испытуемых только часть из них выполняет ингибирующую функцию, а механизмы психологической защиты не являются ингибирующими для показателей агрессии в данной структуре личности, при этом фактор тревоги является ингибирующим агрессию, проявляясь в форме уровня тревожности и депрессии, однако

усиливает выраженность агрессивных тенденций при проявлении в форме соматизации тревоги и фиксации тревоги с ограничительным поведением.

Данные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения и описания психологических факторов, оказывающих влияние на противоправное агрессивное поведение данной категории лиц, и разработки направлений раннего выявления и профилактики на основе данных о тормозящих агрессию механизмах.

Литература

1. *Калашникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // *Мир психологии*. 2009. № 4. С. 258–266.
2. *Лютых В.А., Коноплева И.Н.* Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений // *Психология и право*. 2016 (6). № 2. С.128–141.
3. *Налчаджян А.А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000. С. 76–77.
4. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
5. *Andersen J.P., Papazoglou K., Koskelainen M., Nyman M., Gustafsberg H., Arnetz B.B.* Applying resilience promotion training among special forces police officers // *Sage open*. 2015. P. 1–8.
6. *Garbarino S., Chiorri C., Magnavita N., Piattino S., Cuomo G.* Personality profiles of special force police officers // *Journal of police and criminal psychology*. 2012. Vol. 27. P. 99–110.

Personal characteristics of a law enforcement unit of special purpose

Vasilenko T.G., Post-graduate Student, Chair of Legal Psychology, MSUPE
(vasilenko.t.g@gmail.com)

The relevance of the study of the personal characteristics of law enforcement officers due to a significant number of crimes of an aggressive nature, committed by employees of internal Affairs bodies, and the need to develop preventive measures. The purpose of this research is to study peculiarities of the manifestation of progressive and inhibiting aggression personality factors in the structure of law enforcement officers, whose activities directly associated with aggression in the performance of official duties. The study involved 149 employees of special forces of law enforcement are male aged 18 to 35 years. Used a wide battery of psychodiagnostic methods aimed at a comprehensive study of the individual respondents. the data Obtained were analyzed using the method of correlation pleiades. According to the results, was discovered a unique picture of the relationship among personality structures and interaction progressive and deterrent aggression factors with the prevalence of progressive on inhibitory factors in the studied structure.

Key words: aggressive behavior, proaggressive factors that inhibit the aggression of law-enforcement agencies.

References

1. Kalashnikova A.S. Sootnoshenie lichnostnykh predposylok raznonapravlennoi (getero- i auto-) agressii [The ratio of personal prerequisites mixed (hetero - and auto-) aggression]. *Mir psikhologii [The world of psychology]*. 2009. № 4. pp. 258-266.
2. Lyutykh V.A., Konopleva I.N. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, osuzhdennykh za sovershenie prestuplenii [Individual psychological peculiarities of the personality of law enforcement officers convicted of crimes]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*. 2016 (6). № 2. pp.128-141.
3. Nalchadzhyan A.A. Etnopsikhologicheskaya samozashchita i agressiya [Ethnopsychological self-defence and aggression]. Erevan, 2000. pp. 76-77.
4. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [The psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
5. Andersen J.P., Papazoglou K., Koskelainen M., Nyman M., Gustafsberg H., Arnetz B.B. Applying resilience promotion training among special forces police officers. *Sage open*. 2015. pp. 1-8.

Василенко Т.Г. Личностные особенности сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения. Психология и право psyandlaw.ru 2017. Том 7. №2. С. 81-90.

Vasilenko T.G. Personal characteristics of a law enforcement unit of special purpose. Psychology and law psyandlaw.ru 2017. Vol. 7. no.2. pp. 81-90.

---

6. Garbarino S., Chiorri C., Magnavita N., Piattino S., Cuomo G. Personality profiles of special force police officers. *Journal of police and criminal psychology*. 2012. Vol. 27. pp. 99-110.

Профессионально важные качества руководителя среднего звена в уголовно-исполнительной системе России

Бовин Б.Г., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН РФ (bovinbg@yandex.ru)

Ирисханов А.А., адъюнкт НИИ ФСИН РФ, начальник УФСИН России по Чеченской республике

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на репрезентативной выборке сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Объектом изучения были заместители руководителей исправительных учреждений и начальники отделов по различным направлениям работы в УФСИН России по Северо-Кавказскому федеральному округу, зачисленные в резерв на вышестоящие управленческие должности. Цель исследования – определение профессионально важных качеств (ПВК) руководителей среднего звена УИС и выявление потенциальных способностей к управленческой деятельности на вышестоящей должности. По экспертным оценкам, даваемым непосредственными начальниками кандидатам в резерв на выдвижение, определялся общий уровень развития ПВК. Психодиагностическое обследование кандидатов, зачисленных в резерв на выдвижение, с использованием методов, применяемых в центрах психодиагностики (ЦПД) территориальных органов УИС при приеме на службу, позволило выявить потенциальные способности к ответственной управленческой работе более высокого уровня и психологические противопоказания к занятию вышестоящей должности руководителя среднего звена.

Ключевые слова: профессионально важные качества руководителя, резерв на выдвижение, правоохранительные органы, уголовно-исполнительная система, экспертная оценка, интеллектуальные способности, личностные качества, потенциальные способности, профили личности, 2-точечные коды опросника СМЛ, прогностические критерии успешности, психологические противопоказания.

Для цитаты:

Бовин Б.Г., Ирисханов А.А. Профессионально важные качества руководителя среднего звена в уголовно-исполнительной системе России. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 91-105. doi: 10.17759/psylaw.207070208

For citation:

Bovin B.G., Iriskhanov A.A. Professionally important qualities of the head of the middle level in the penitentiary system of Russia. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.91-105. doi: 10.17759/psylaw.2017070208

Необходимость тщательного отбора и подготовки резерва управленческих кадров обусловлена социально-экономическими изменениями в обществе и потребностью дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы [3-5, 11-15,19].

Резерв руководящих кадров ФСИН России – это группа перспективных сотрудников ФСИН России, ее территориальных органов, учреждений, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов, иных предприятий и учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), сформированная для их целенаправленной подготовки и последующего выдвижения на должности руководителей [8].

Отбор кандидатов для зачисления в резерв руководящих кадров производится на основе изучения и оценки результатов оперативно-служебной деятельности, личных и деловых качеств сотрудников. При отборе кандидатов на зачисление в резерв руководящих кадров учитываются:

- возраст сотрудника (с учетом предельного специального звания по предполагаемой должности);
- соответствие имеющегося у сотрудника образования специальностям, предусмотренным по предполагаемой к замещению должности;
- индивидуально-психологические особенности кандидата, уровень профессиональной и психологической (мотивационной) готовности к предполагаемой работе, наличие навыков организационно-управленческой деятельности;
- знание нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность соответствующих категорий руководителей;
- состояние здоровья [8].

Резерв формируется из сотрудников, аттестованных к выдвижению на вышестоящие должности или на работу с большим объемом, а также лиц, проявивших организаторские способности при исполнении служебных обязанностей либо при выполнении специальных заданий. Подбор кандидатов на зачисление в резерв осуществляется руководителями, имеющими право представления к перемещению сотрудников на соответствующие должности, совместно с кадровыми службами, с учетом их индивидуально-психологических особенностей и готовности к руководящей работе [11-16, 18].

Исследование потенциальных способностей сотрудников УИС при зачислении в резерв руководящих кадров проведено в исправительных учреждениях Северо-Кавказского

федерального округа. В рамках данного исследования мы преследовали **цель** выявить психологические качества личности сотрудников и разработать критерии психологической готовности к управленческой деятельности среди лиц, подлежащих зачислению в резерв на вышестоящую руководящую должность. **Проблема** заключается в том, что чаще всего руководители, выдвигая сотрудников на управленческие должности, ориентируются на поведенческие критерии, связанные с выполнением должностных обязанностей в определенном виде деятельности не имеющей серьезных властных полномочий. Когда же значительно повышается уровень ответственности при принятии управленческих решений, от которых зависит эффективность функционирования учреждения, то часто заранее неизвестно, будет ли назначенный кандидат также эффективен, каким он был на прежней должности.

Можно привести многочисленные примеры ошибочных решений при выдвижении кандидатов на ответственные должности не только в уголовно-исполнительной системе. По существующим правовым положениям, при назначении на вышестоящую должность, сотрудник должен пройти психодиагностическое обследование в центре психодиагностики (ЦПД) и получить заключение, что у него нет психологических противопоказаний для работы на вышестоящей должности. Однако эта процедура оказалась не эффективной по следующим причинам.

Заключение психологов носит рекомендательный, а не обязательный характер, и решение принимается в кадровых структурах. Далее, ЦПД входит в состав медицинской службы и, следовательно, она в основном нацелена на выявление психической патологии, т.е. психолог имеет клиническую направленность своей работы. В связи с этим он чаще всего не имеет представления о содержании конкретных видов деятельности в УИС (оперативной, режимной, охранной, воспитательной, управленческой и др.), каждая из которых предъявляет специфические профессиональные требования. И последнее, в уголовно-исполнительной системе не разработаны критерии психологической пригодности к различным видам деятельности, в том числе и к управленческой, которой посвящено данное исследование. На первом этапе предполагается сформулировать профессионально важные качества, с помощью непосредственных начальников выяснить насколько они выражены у сотрудников, зачисленных в резерв на вышестоящую управленческую должность, оценить, имеется ли связь интеллектуального уровня резервистов с экспертной оценкой начальника.

На втором этапе предполагается с помощью стандартизованного метода исследования личности (СМИЛ), который является обязательным методом обследования кандидатов в силовые структуры и сотрудников на выдвижение, классифицировать профили СМИЛ, используя двухточечное кодирование, и описать наиболее распространенные личностные качества сотрудников, зачисляемых в резерв.

Исследование проводилось в учреждениях УИС Северо – Кавказского федерального округа. **Объектом исследования** были сотрудники, зачисленные в резерв на руководящие должности, **объем выборки** составил 200 человек.

Процедура и методы (методики) исследования. Кандидатами на вышестоящую управленческую должность являлись:

-
- заместители начальников исправительных учреждений (ИУ) по различным направлениям работы, планируемых на должности начальников;
  - начальники отделов, зачисленные в резерв на должности заместителей начальников ИУ;
  - дежурные помощники начальников ИУ, также планируемые на должности заместителей начальников, курирующих различные направления.

Исследование проводилось во всех территориальных органах УФСИН России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Можно отметить, что выборка почти полностью представляла генеральную совокупность, т.е. всех сотрудников, зачисленных в резерв на управленческие должности. Отфильтрованы были только недостоверные результаты обследования

Анализ литературных источников позволил сформулировать следующие общепрофессиональные способности, умения, и личностные качества руководителя в силовых структурах: [6, 9,10, 20-26]

- физическое развитие (активный, выносливый, ловкий, сильный, здоровый);
- морально – этические качества (надежный, правдивый, честный, добросовестный, порядочный, уравновешенный и доброжелательный в отношениях с людьми);
- мыслительные способности (логичный, сообразительный, толковый, понимающий);
- устойчивость к стрессу (смелый, волевой, уверенный, решительный, находчивый);
- гражданская зрелость (умение учитывать критику, самокритичность, подчинение личных интересов служебным, политическая грамотность)
- отношение к работе (ответственный, внимательный, работоспособный, трудолюбивый, стремится к профессиональному развитию);
- уровень знаний и опыт работы (достаточная квалификация, профессиональные знания, опытность, компетентность);
- организаторские способности (способность видеть перспективу и планировать работу, умение проводить совещания, планерки, оперативные мероприятия);
- умение работать с людьми (с подчиненными, с руководителями, авторитетность, умение сплотить коллектив, подбирать кадры, учитывать мотивы и интересы подчиненных, разрешать конфликты, самообладание и самоконтроль при их разрешении);
- умение работать с документами и информацией (ясно формулировать задачи, составлять служебные документы, использовать информационные технологии);

- умение своевременно принимать, реализовывать и контролировать исполнение решений (инициативность, требовательность, принципиальность, справедливость);
- способность к развитию и пониманию новых идей (умение различать скептиков, пассивных, консерваторов, новаторов, энтузиастов, способных сотрудников, решительность в отстаивании новых и полезных идей, умение рисковать).

Непосредственный начальник, по 5-бальной системе оценивал уровень развития этих 12 профессионально важных характеристик своего подчиненного, выдвигаемого на вышестоящую управленческую должность. Использовалась обратная шкала оценок: 01 – “вне всякого сомнения, данное качество характеризует сотрудника”; 02 – “скорее характерно, чем нет”; 03 – “и да, и нет”; 04 – “скорее не характерно для сотрудника”; 05 – “вне всякого сомнения, не характерно”

Следует заметить, что два последних уровня пятибалльной шкалы (04 и 05 баллов) оказались “не работающими”, в связи с чем, пятибалльная шкала трансформировалась в трехбалльную. Оценки каждого сотрудника суммировались по 12 показателям ПВК.

Распределение интегрального показателя профессионально важных качеств руководителя представлено на Рис. 1.

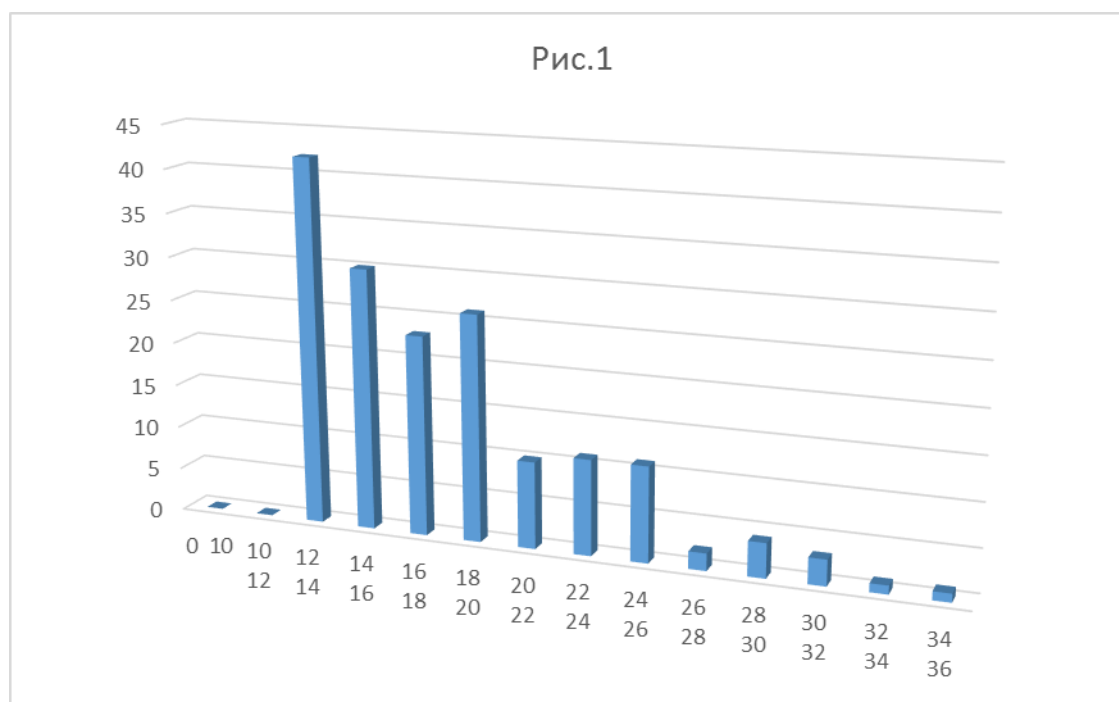

Рис. 1. Распределение экспертных оценок

По горизонтальной оси расположены интегральные оценки. По вертикальной – частота попадания в интервалы. Распределение экспертных оценок представляет собой нелинейную падающую кривую от наивысших оценок до самых низких экспертных оценок. Как указывалось выше, использовалась обратная шкала оценок, т.е. наивысшая интегральная оценка ПВК равнялась 12 баллам и весь диапазон оценок постепенно снижался до 36 баллов. Подобная форма распределения отличается от нормальной

гауссовой кривой сильным сдвигом в сторону высоких оценок, по всей вероятности из-за того, что оцениваемые сотрудники представляют собой резерв на выдвижение на управленческую должность, т.е. это, по мнению непосредственных начальников, наиболее потенциально способные к управленческой деятельности сотрудники. Среднее значение распределения вычислялось делением суммы 164 интегральных экспертных оценок на число сотрудников и равнялось 18 баллам. Исходя из величины среднего и формы распределения, весь диапазон был дифференцирован на следующие три поддиапазона: от 12 до 15 баллов – высокие оценки; от 16 до 19 баллов – средние оценки; от 20 до 35 баллов – оценки ниже среднего.

Возникает вопрос – связаны ли экспертные оценки с такой важнейшей способностью как интеллектуальный уровень сотрудников, зачисленных в резерв на выдвижение. С этой целью проводилось их тестирование с использованием краткого отборочного теста (КОТ), который используется при психодиагностических обследованиях в ЦПД уголовно-исполнительной системы.

Результаты представлены на Рис.2. Среднее значение уровня интеллекта равно 31 баллу, стандартное отклонение 7,6 балла.

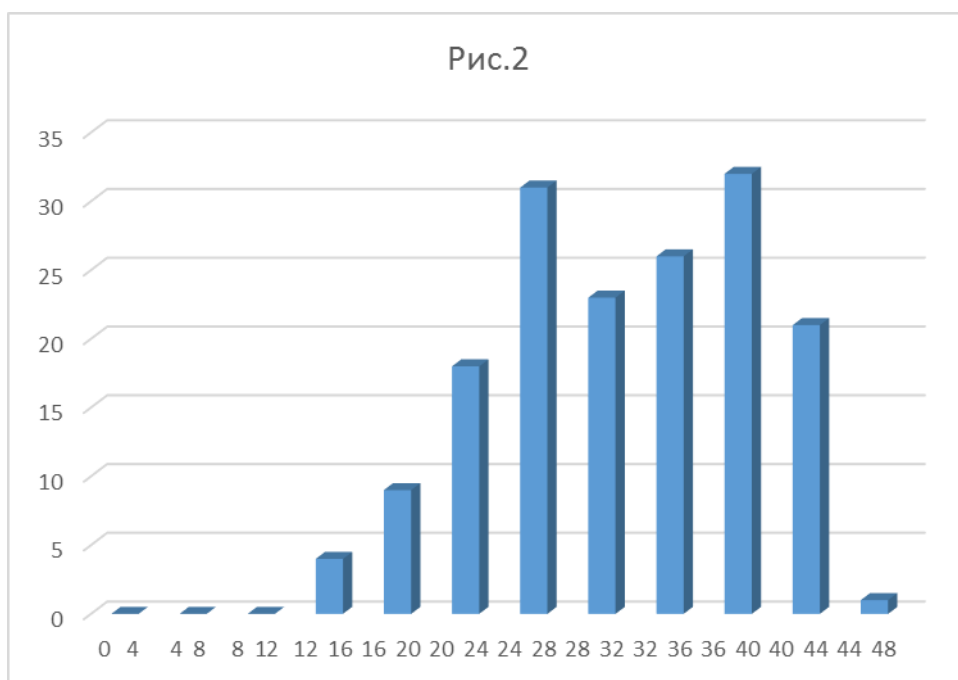

Рис. 2. Интеллектуальный уровень сотрудников резерва

По горизонтальной оси расположена шкала интеллекта; по вертикальной – частота попадания в определенный интервал.

Используя значения среднего и стандартного отклонения, были выделены диапазоны низкого уровня (12 - 23 балла); среднего уровня (24 – 35) и высокого уровня интеллекта (36 – 48 баллов). Поскольку распределение экспертных оценок и распределение результатов интеллектуального теста значительно отличались от нормального распределения, то для обнаружения статистической связи использовался непараметрический критерий хи-квадрат. В табл. 1 представлена матрица сопряженности этих параметров.

Таблица 1.

Сопряженность интеллекта и экспертных оценок ПВК сотрудников УИС, зачисленных в резерв на управленческую должность

Оценка эксперта Оценка интеллекта	высокая 12-15 (б).	средняя 16-19 (б)	низкая свыше 20 (б)	сумма по строке
высокий 36-48	31/24	14/17	11/15	56
средний 24-35	36/40	32/28	26/25	94
низкий 12-23	3/6	4/4	6/3	13
сумма по столбцу	70	50	43	163 чел

В числителе представлено экспериментальное число сотрудников, в знаменателе - теоретическое число сотрудников, распределенных по случайному закону. Достоверность различий определялась следующей процедурой [1]:

$$\text{Хи-квадрат} = (31-24)^2 / 24 + (14-17)^2 / 17 + (11-15)^2 / 15 + (36-40)^2 / 40 + (32-28)^2 / 28 + (26-25)^2 / 25 + (3-6)^2 / 6 + (4-4)^2 / 4 + (6-3)^2 / 3 = 9,35.$$

Непараметрический критерий статистической достоверности (хи-квадрат), находится на 0,05 уровне значимости, т.е. такова вероятность нулевой гипотезы – отсутствие связи между интеллектом и экспертной оценкой, которая не подтвердилась.

Можно утверждать, что при выдвижении на управленческую должность интеллектуальный уровень является одним из факторов, принимаемых начальниками во внимание при принятии решения о зачислении в резерв. Если анализировать таблицу по диагонали, то 42% обследованных сотрудников обнаруживают полное соответствие между интеллектом и экспертной оценкой. Однако можно заметить, что около 20% сотрудников с высоким уровнем интеллекта получили низкую оценку развития ПВК и примерно столько же сотрудников резерва с низким интеллектуальным уровнем высоко оценивались начальниками. Можно утверждать, что определенный уровень интеллекта является необходимым, но явно недостаточным фактором профессиональной успешности на управленческой должности.

Значимую роль в управленческой деятельности играют психологические особенности личности. Сотрудники резерва были обследованы с помощью стандартизированного многофакторного метода исследования личности (СМИЛ), являющегося русскоязычным вариантом ММРІ. Этот опросник является базовой методикой при обследовании кандидатов

на службу в правоохранительные органы России и в силовые структуры многих зарубежных государств [16,17].

Рассмотрим нормальные профили сотрудников резерва, которые находятся в диапазоне 30-70Т-баллов. Многие исследователи при массовых исследованиях для классификации используют двоичный код профиля, т.е. оценивают только две самые высокие шкалы. Это позволяет на основании двухточечного кодирования профиля выделять определенные типы личности. Поскольку особый интерес представляют восемь клинических шкал профиля - Hs, D, Hy, Pd, Pa, Pt, Sc, Ma (исключены Mf и Si), то можно подсчитать, сколько вариантов сочетаний возможны из 8 по 2. Как известно, сочетаниями из n элементов по m называются их соединения, которые различаются друг от друга только самими элементами и подсчитываются по формуле: $C = n! / m! (n - m)!$, где ! – факториал, т.е. произведение ряда натуральных чисел от 1 до n или m . Из 28 всевозможных сочетаний двухточечных профилей 10 сочетаний шкал не встречаются среди обследуемых сотрудников совсем, некоторые коды - в единичных случаях, и только 7 двухточечных кодов встречаются достаточно часто среди сотрудников, зачисленных в резерв на вышестоящую должность. Частотное распределение представлено в табл.2.

Таблица 2.

Частотное распределение двухточечных кодов СМЛ

Коды СМЛ	“49”	“48”	“4”	“98”	“91”	“9”	“20”
Частота встречаемости	25 чел	10 чел.	9 чел.	9 чел.	9 чел	8чел.	8 чел.

Наиболее распространенным среди сотрудников резерва является профиль с умеренно высокими шкалами 4 (Pd) и 9 (Ma) в диапазоне 30-70 Т-баллов.

Интерпретация профиля в значительной степени зависит от высоты шкал. В нормальном диапазоне при интерпретации профиля следует избегать психиатрических терминов при описании личностных качеств, связанных с названиями шкал (Hs-ипохондрия, D-депрессия, Hy-истерия, Pd-психопатия, Sc-шизофрения, Ma-гипомания). В СМЛ сохранены эти индексы, но даны другие названия шкал: сверхконтроля (Hs), пессимистичности (D), эмоциональной лабильности (Hy), импульсивности (Pd), ригидности (Pa), тревожности (Pt), индивидуалистичности (Sc) [17].

В диапазоне 70Т баллов, можно уже говорить об определенной акцентуации, т.е. резкой заостренности каких-то качеств личности [7]. В профиле, где шкалы выше 75Т-баллов, прогнозируются определенные психопатические отклонения, и в этом случае уже не удастся избежать клинических терминов.

Опишем качества личности типичные для сотрудников, имеющих наиболее распространенный код 49 в нормальном диапазоне Т-баллов (30-70Т) [2, 16, 17].

Лица с паттерном 49 или 94 <70 Т-баллов - это живые, разговорчивые, быстрые и откровенные люди. Для них характерна активная личностная позиция, уверенность в своих возможностях, быстрота принятия решений, высокая поисковая активность, преобладание мотивации достижений. Они отличаются склонностью к риску, высоким уровнем

притязаний, раскованностью, непосредственностью в проявлении чувств. Лица с подобным профилем экстравертированы и испытывают постоянное влечение к переживаниям и к внешней возбуждающей ситуации. При наличии высокого интеллекта данный профиль выявляет интуитивный, эвристический стиль мышления. В стрессовой ситуации проявляется действенный, стенический тип поведения, решительность и мужество

Они могут активно реализовывать собственную карьеру и активно влиять на других людей. Однако эти способности зависят от того насколько зрелым и независимым от сиюминутного настроения является целеполагание и направленность личности. При достаточно высоком интеллекте такие люди способны добиться большего, чем другие психологические типы, но только если это психологически зрелая личность и знающий специалист с лидерскими способностями.

При значительном повышении шкал 4 и 9 профиля СМЛ (более 70Т) и сниженном интеллекте эти лица отличаются гиперактивностью, импульсивностью, низким самоконтролем, безответственностью и ненадежностью. Они крайне экстравертированы, амбициозны, раздражительны, склонны к насилию, могут испытывать напряжение и тревогу. У них могут возникать семейные трудности и алкогольные проблемы, но, как правило, отсутствуют невротические расстройства. Можно говорить об эмоционально неустойчивых личностях - незрелых, враждебных, бунтующих, с низкой моралью и плохо социализированных. В некоторых ситуациях они проявляют поверхностное дружелюбие, обходительность и даже способность нравиться другим людям своей живостью. Но чаще всего, они эгоцентричны, надменны, враждебны, легко становятся раздражительными и агрессивными. Злоупотребление алкоголем может привести к психотическим эпизодам, возможны импульсивные суицидальные попытки, когда вдруг осознается собственная неспособность найти культурные и эмоциональные связи с окружающими людьми из-за своей искаленной эмоциональности.

В заключение необходимо отметить, что профиль личности с кодом 49, в нормальном диапазоне (30 - 70Т), является типичным для сотрудников различных служб в органах внутренних дел, МЧС и в других силовых ведомствах. Можно с большой вероятностью говорить о профессионально важных личностных качествах и у сотрудников уголовно-исполнительной системы, свидетельствующие лишь о потенциальных способностях к управленческой деятельности. Подобные качества личности сотрудника позволяют непосредственным начальникам выдвигать этих лиц на вышестоящие управленческие должности, другими словами подбирать себе, так называемую, управленческую команду. По какому пути пойдет профессиональное развитие сотрудника зависит также от его интеллектуального уровня, психологической зрелости и системы ценностей.

Исследование показало, что при зачислении в резерв на управленческую должность руководителей исправительных учреждений необходим подбор сотрудников с уровнем интеллекта не менее 16 баллов (по краткому отборочному тесту).

Наиболее распространенный в силовых структурах тип сотрудников с доминированием 4 (импульсивность) и 9 (оптимистичность) шкал профиля СМЛ ("49"), который свидетельствует об активной личностной позиции, уверенности в своих возможностях, быстроте принятия решений, высокой поисковой активности, преобладании мотивации достижений. Эти сотрудники отличаются склонностью к риску, высоким уровнем притязаний, раскованностью, непосредственностью в проявлении чувств. При

наличии высокого интеллекта и данного профиля выявляется интуитивный, эвристический стиль мышления. В стрессовой ситуации проявляется действенный, стенический тип поведения, решительность и мужество.

Литература

1. Антон Г. Анализ таблиц сопряженности. М.: Финансы и статистика. 1982. 143 с.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности в клинической медицине и психогигиене. М.: Медицина, 1976. 186 с.
3. Бовин Б.Г., Калашников М.О., Беспалова Е.В. Методические рекомендации по психологическому изучению и отбору кандидатов в оперативные службы в ОВД. М.: ЛМП МВД России, 1995. 126 с.
4. Калашников М.О. Критерии психологического отбора в оперативные службы ОВД. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1996. – 22 с.
5. Киселева Е.А. Профессиографический анализ деятельности дежурных частей милиции и критерии пригодности к службе. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 22 с.
6. Лалу Ф. Открывая организации будущего / перев. с англ. М.: Изд. ООО «Манн, Иванов и Фебер», 2016. 256 с.
7. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: изд-во “Феникс”, 1997. 544 с.
8. Об утверждении Инструкции о формировании резерва руководящих кадров Федеральной службы исполнения наказаний и работе с ним: приказ Минюста России от 5 августа 2005 г. № 127.
9. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М., 1997. 364 с.
10. Павлова С.А. Обновления программного обеспечения для проведения тестирования сотрудников ФСИН России, претендующих на руководящие должности ФСИН России: база данных. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 96 с.
11. Портнягина Н.Ю. Психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение в органах внутренних дел: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06. М., 2007. 22 с.
12. Психологическая работа с сотрудниками УИС, состоящими в резерве кадров на выдвижение на руководящую должность: методическое пособие / С.В. Кулакова, М.Г. Дебольский, Е.М. Федорова, И.А. Чурилова, Л.А. Нилова, А.В. Новиков; ФКУ НИИ

ФСИН России. М., 2016. 256 с.

13. Психологическое сопровождение сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение на должности заместителей начальников учреждений УИС: описание передового опыта. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013. 122 с.
14. Работа с кадрами в уголовно-исполнительной системе Минюста России: методические рекомендации. М.: ГУИН МЮ РФ, 2003. 126 с.
15. Раков А.М. Психология профессиональной пригодности к службе в УИС России: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. 22 с.
16. Руководство по ММПИ. Часть 3. Клиническое применение Перевод с английского языка книги У.Г. Далстрема и Дж. Ш. Уэлша "An MMPI Handbook. A Gulde to Use in Clinical Practice and Research. Minneapolis, The University of Minnesota, 1960, pp.. 244 – 559.
17. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М.: ИПП-ИСП, 2000. 512 с.
18. Собчик Л.Н., Лобанова Т.Н. Психодиагностические критерии руководящих кадров // Психологический журнал. 1989. № 1. С. 47-55.
19. Социально-психологический климат в служебных коллективах: методическое пособие / под общ. ред. д. пс. н. М.И. Марьина, д. тех. н. Е.А. Мешалкина. М.: ЦОКП МВД России, 2001. 86 с.
20. Тавтилова Н.Н. Психодинамика личностного роста сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 22 с.
21. Теняев В.В. Обновления программного обеспечения для проведения тестирования сотрудников ФСИН России, претендующих на руководящие должности ФСИН России: комплект компьютерных программ. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 125 с.
22. Управление персоналом / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2002. 560 с.
23. Чурилова И.А. Обобщенный психологический портрет современного руководителя территориального органа ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2008. № 2. С. 171–173.
24. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002. 326 с.
25. Щербаков Г.В., Молоствов А.В. Психологическое обеспечение формирования кадрового резерва в территориальных органах ФСИН России на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 8 (11). С. 5–8.
26. Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография /под

науч. ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова. М., 2015. 514 с.

Professionally important qualities of the head of the middle level in the penitentiary system of Russia

Bovin B.G., PhD (psychology), Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (bovinbg@yandex.ru)

Iriskhanov AA, adjunct of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, head of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Chechen Republic

---

The article presents the results of an empirical study conducted on a representative sample of the penitentiary system staff. The subject of the study were deputy heads of correctional institutions and heads of departments in various areas of work in the Federal Penitentiary Service of Russia for the North Caucasus Federal District, enlisted in the reserve for higher managerial positions. The purpose of the study is to determine the professionally important qualities (PIQ) of middle managers and to identify potential abilities for managerial activities at a higher position. According to expert estimates, given by immediate supervisors to candidates for the reserve for nomination, the general level of development of the TAC was determined. The psychodiagnostic examination of candidates enrolled in the reserve for nomination, using the methods used in the centers of psychodiagnostics (CPD) of the territorial bodies of the penitentiary system during admission to the service, made it possible to identify potential abilities for responsible higher-level administrative work and psychological contraindications to the employment of a higher middle management.

Key words: professionally important qualities, reserve for nomination, law enforcement agencies, criminal executive system, expert evaluation, intellectual abilities, personal qualities, potential abilities, personality profiles, 2-point MMPI questionnaires, prognostic criteria for success, psychological contraindications.

References

1. Apton G. Analiz tablits sopryazhennosti [Analysis of conjugacy tables]. Moscow : Finansy i statistika, 1982. 143 p. (In Russ.).
2. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Rozhanets R.V. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti v klinicheskoy meditsine i psikhogigiyene [The methodology of the multilateral

-
- study of the personality in clinical medicine and psychohygiene]. Moscow: Meditsina, 1976.186 p.
3. Bovin B.G., Kalashnikov M.O., Bepalova Ye.V. Metodicheskiye rekomendatsii po psikhologicheskomu izucheniyu i otboru kandidatov v operativnyye sluzhby v OVD [Methodical recommendations for the psychological study and selection of candidates for operational services in the DIA]. Moscow: LMP MVD Rossii, 1995. 126 p.
  4. Kalashnikov M.O. Kriterii psikhologicheskogo otbora v operativnyye sluzhby OVD [Criteria of psychological selection in operational services of DIA]. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Diss. ... cand. Psychol. Sciences]. Moscow, 1996. 22 p.
  5. Kiseleva Ye.A. Professiograficheskiy analiz deyatel'nosti dezhurnykh chastey militsii i kriterii prigodnosti k sluzhbe [A professional analysis of the activities of duty police units and the criteria for fitness for service]. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Diss. ... cand. Psychol. Sciences]. Moscow, 1998. 22 p.
  6. Laloux F. Otkryvaya organizatsii budushchego [Rediscovering Organizations] Moscow: Izd. OOO «Mann, Ivanov i Feber», 2016. 256 p. (In Russ.).
  7. Leongard K. Aktsentuirovannyye lichnosti [Accentuated persons]. Rostov-on-Don: Izd-vo "Feniks", 1997. 544 p. (In Russ.).
  8. Ob utverzhdenii Instruksii o formirovanii rezerva rukovodyashchikh kadrov Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy i rabote s nim: prikaz Minyusta Rossii ot 5 avgusta 2005 g. № 127 [On approval of the Instruction on the formation of a reserve of leading cadres of the Federal Service for the Execution of Sentences and work with it: Order No. 127 of the Ministry of Justice of Russia of August 5, 2005].
  9. Bovin B.G. [i dr.] Osnovnyye vidy deyatel'nosti i psikhologicheskaya prigodnost' k sluzhbe v sisteme organov vnutrennikh del [The main activities and psychological fitness for service in the system of internal affairs bodies]. In Bovin B.G.(eds.). Moscow, 1997.
  10. Pavlova S.A. Obnovleniya programmnoy obespecheniya dlya provedeniya testirovaniya sotrudnikov FSIN Rossii, pretenduyushchikh na rukovodyashchiye dolzhnosti FSIN Rossii: baza dannykh [Updates of the software for testing the staff of the Federal Penitentiary Service of Russia, applying for the leading posts of the FPS of Russia: database]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2014. 96 p.
  11. Portnyagina N.Yu. Psikhologicheskoye obespecheniye raboty s rezervom kadrov na vydvizheniye v organakh vnutrennikh del [Psychological support of work with the reserve of personnel for promotion in the internal affairs bodies]. Diss. ... kand. psychol. Nauk [Diss. ... cand. Psychol. Sciences]. Moscow, 2007. 22 p.
  12. Kulakova S.V. [i dr.] Psikhologicheskaya rabota s sotrudnikami UIS, sostoyashchimi v rezerve kadrov na vydvizheniye na rukovodyashchuyu dolzhnost': metodicheskoye posobiye [Psychological work with the staff of DEP, consisting in the reserve of personnel for promotion to the leadership position: a methodical manual] In Kulakova S.V. (eds). FKU NII FSIN Rossii. Moscow: 2016. 256 p.

13. Psikhologicheskoye soprovozhdeniye sotrudnikov, sostoyashchikh v rezerve kadrov na vydvizheniye na dolzhnosti zamestiteley nachal'nikov uchrezhdeniy UIS: opisaniye peredovogo opyta [Psychological support of staff members in the personnel reserve for promotion to the posts of deputy chiefs of DEP institutions: description of best practices]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2013. 122 p.
14. Rabota s kadrami v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme Minyusta Rossii: metodicheskiye rekomendatsii [Work with personnel in the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia: methodological recommendations]. Moscow: GUIN MYU RF, 2003. 126 p.
15. Rakov A.M. Psikhologiya professional'noy prigodnosti k sluzhbe v UIS Rossii [Psychology of professional fitness for service in the penal system of Russia]. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Diss. ... cand. Psychol. Sciences]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2008. 22 p.
16. Rukovodstvo po MMPI. Chast' 3. Klinicheskoye primeneniye Perevod s angliyskogo yazyka knigi U.G. Dalstroma i Dzh. SH. Uelsha "An MMPI Handbook. A Gulde to Use in Clinical Practice and Research. Minneapolis, The University of Minnesota, 1960, pp 244 – 559. [Guide to MMPI. Part 3. Clinical application. Translation from the English language of the book. Dalstrom and JS Welsh, An MMPI Handbook, A Gulde to Use in Clinical Practice and Research, Minneapolis, The University of Minnesota, 1960, pp. 244-559.].
17. Sobchik L.N. Vvedeniye v psikhologiyu individual'nosti [Introduction to the psychology of individuality]. Moscow: IPP-ISP, 2000. 512 p.
18. Sobchik L.N., Lobanova T.N. Psikhodiagnosticheskiye kriterii rukovodyashchikh kadrov [Psychodiagnostic criteria of leading cadres] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. 1989. № 1. P. 47-55.
19. Mar'in M.I. [i dr.] Sotsial'no-psikhologicheskii klimat v sluzhebnykh kollektivakh: metodicheskoye posobiye [Socio-psychological climate in service collectives: a methodical handbook]. In Mar'in (eds.). Moscow: TSOKP MVD Rossii, 2001. 86 p.
20. Tavtilova N.N. Psikhodinamika lichnostnogo rosta sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy, sostoyashchikh v rezerve kadrov na vydvizheniye [Psychodynamics of personal growth of the staff of the penal system consisting in the reserve of cadres for the leading position]. Diss. ... kand. psikhol. nauk [Diss. ... cand. Psychol. Sciences]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2014. 22 p.
21. Tenyayev V.V. Obnovleniya programmogo obespecheniya dlya provedeniya testirovaniya sotrudnikov FSIN Rossii, pretenduyushchikh na rukovodyashchiye dolzhnosti FSIN Rossii: komplekt komp'yuternykh programm [Updates of the software for testing the staff of the FPS of Russia, applying for the leading posts of the Federal Penitentiary Service of Russia: a set of computer programs]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2014. 125 p.
22. Bazarov T.Yu. [i dr.] Upravleniye personalom [Personnel Management]. In Bazarov T.Yu. (eds.). Moscow : YuNITI, 2002. 560 p.
23. Churilova I.A. Obobshchennyy psikhologicheskii portret sovremennogo rukovoditelya territorial'nogo organa FSIN Rossii [Generalized psychological portrait of the modern head

of the territorial organ of the FPS of Russia] *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye* [Man : crime and punishment]. 2008. № 2. P. 171–173.

24. Schein E. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organisational culture and leadership]. Saint-Petersburg, 2002. 326 p. (In Russ.).
25. Shcherbakov G.V., Molostvov A.V. *Psikhologicheskoye obespecheniye formirovaniya kadrovogo rezerva v territorial'nykh organakh FSIN Rossii na sovremennom etape razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Psychological support of the formation of the personnel reserve in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage of the development of the penal-executive system]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Statement of the penal system]. 2011. № 8 (11). P. 5–8.
26. Bovin B.G. [i dr.] *Ekstremal'naya psikhologiya v osobykh usloviyakh deyatel'nosti: monografiya* [Extreme psychology in special conditions of activity: monograph] In Bovin B.G. (eds). Moscow, 2015. 514 p.

Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера

Вартанян Г. А., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (g.a.vartanyan@gmail.com)

Горбатов С. В., кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, Санкт-Петербургский государственный университет (s.gorbatov@bk.ru)

Исследования агрессивного поведения подростков и сексуальной агрессии в частности в последнее время являются особенно актуальными и значимыми в современном обществе. Подтверждением этому служат данные криминологической статистики, по которой показатель несовершеннолетней преступности в Российской Федерации в последние годы сохраняется практически в одних и тех же пределах. Всестороннее изучение личности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера (личностных особенностей, особенностей полового самосознания и детско-родительских отношений) на основе сравнительно-сопоставительного анализа с группой подростков, осужденных за преступление корыстно-насильственного типа, и группой школьников, формирующихся в социально благоприятной среде, позволило выявить их некоторые отличительные особенности. Полученные результаты позволяют предположить возможное взаимовлияние личностных особенностей и особенностей полового самосознания с особенностями детско-родительских отношений в группе несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, сексуальная агрессия, копинг-поведение, личность преступника, детско-родительские отношения.

Для цитаты:

Вартанян Г.А., Горбатов С.В. Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 106-122. doi:

10.17759/psylaw.207070209

For citation:

Vartanyan G.A., Gorbatov S.V. Personality characteristics and parent-child relationships juveniles who commit violent crimes of a sexual nature. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 2. pp.106-122. doi: 10.17759/psylaw.2017070209

Широкий научный и практический интерес в последние десятилетия проявляется в отношении насильственного и агрессивного поведения, что отмечается большинством специалистов. В частности, на это указывает в своей статье «Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения» профессор С.Н. Ениколопов [12]. Отдельное место отводится формам агрессивного поведения подростков, особый аспект которого представляет криминальная агрессия, лежащая в основе насильственного преступного посягательства на личность. В юридической психологии ее анализу посвящен ряд исследований. Так, А.Р. Ратиновым разработаны методологические основы криминальной агрессии [16]. По его мнению, агрессивность является свойством личности, при этом следует различать понятия агрессивности и агрессии. Агрессивность, по мнению А.Р. Ратинова, связана со структурой мотивационной сферы и спецификой системы ценностей личности, это личностная позиция, которая заключается в наличии деструктивных тенденций в области межличностных отношений, в готовности и предпочтении использовать насильственные средства для реализации своих целей. Агрессия же понимается как проявление агрессивности в деструктивных действиях, целью которых является нанесение вреда тому или иному лицу.

В целом, современные научные исследования и достижения в области изучения криминальной агрессии, на наш взгляд, можно условно разделить на несколько подгрупп. Первую подгруппу составят исследования проблем агрессивного поведения вообще и криминальной агрессии в частности, отраженные в работах А.М. Антоняна, В.В. Гульдана, М.И. Еникеева, С.Н. Ениколопова, Л.П. Колчиной, М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, А.Р. Ратинова, Н.А. Ратиновой, А.А. Реана, Е.В. Романина, С.Е. Рощина, Т.Г. Румянцевой, Ф.С. Сафуанова и др. Вторую подгруппу исследований занимают вопросы формирования и проявления сексуальной агрессии, отраженные в работах Г.Е. Введенского, П.Н. Ермакова, И.С. Кона, О.Ю. Михайловой, З. Старовича, Б.В. Шостаковича. Третья подгруппа включает работы, посвященные изучению механизмов и факторов совершения преступлений сексуального характера, изучению личностных особенностей преступников (Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин, Т.Б. Дмитриева, М.И. Могачев, Б.В. Шостакович и др.). Объектом всех исследований, как правило, выступают взрослые преступники, а характерологические и поведенческие особенности несовершеннолетних в них практически не рассматриваются. Исключение составляют работы Е.Г. Дозорцевой, Н.В. Дворянчикова, С.С. Носова. В других работах, посвященных подростковой преступности, чаще всего рассматриваются особенности делинквентного поведения несовершеннолетних (М.А. Алемаскин, С.А. Беличева, А.И. Долгова, П.Н. Ермаков, Г.И. Забрянский, А.А. Кокуев, В.В. Королев, И.А. Кудрявцев, А.Е. Личко, Г.М. Миньковский, О.А. Потапенко, А.А. Реан, Д.И. Фельдштейн, А.М. Яковлев и др.), изучаются особенности и факторы групповых сексуальных преступлений, методы профилактики, разрабатываются программы коррекции личности преступников

(Ю.М. Антонян, Л.М. Балабанова, О.Ю. Михайлова, А.А. Ткаченко, Л.П. Конышева, В.Ф. Пирожков, Ч. Чапув).

На наш взгляд, изучение характерологических и поведенческих особенностей несовершеннолетних преступников, в том числе с сексуальной агрессией, которая находит свое отражение в преступлениях сексуального характера, особенно актуально и значимо в современном обществе. Подтверждением тому служат данные криминологической статистики, согласно которой показатель несовершеннолетней преступности в Российской Федерации в последние годы сохраняется практически в одних и тех же пределах и составляет 5,0 % от всех правонарушений, т.е. это каждое 20-е преступление. Так, за насильственные преступления сексуального характера по официальным статистическим данным в 2015 году в Российской Федерации отбывали наказание 62 несовершеннолетних [18].

Каковы же причины возникновения у несовершеннолетних сексуальной агрессии? Теоретический анализ литературы показал, что потребность в сексуальной агрессии зачастую может возникать в связи с желанием отомстить окружающим за пережитое прежде насилие. Не является новым факт, что определенное количество лиц, в том числе подростков, совершающих сексуальные преступления, сами в прошлом были жертвами сексуального насилия. Некоторые исследователи отмечают, что среди подростков с сексуальной агрессией и совершающих насильственные преступления преобладают представители эпилептоидного, шизоидного и неустойчивого типов акцентуаций характера [5; 6; 7]. В частности, В.Л. Васильев указывает на распространенность среди юных насильников различных типов акцентуаций, агрессивных тенденций и выраженную несбалансированность нервных процессов [7].

Ю.М. Антонян и А.А. Ткаченко отмечают, что подростков с сексуальной агрессией характеризуют грубость, жестокость, циничность, потребительское отношение к окружающим, отсутствие чувства стыда, крайний примитивизм во взглядах на взаимоотношение полов и отсутствие субъективных преград на пути к достижению полового удовлетворения, что часто расценивается как элемент «ультрасовременности» [3].

По мнению ряда исследователей, для многих подростков с сексуальной агрессией характерны признаки преждевременного полового созревания, сексуальной напряженности и повышенной агрессивности [13]. В частности, существенное криминогенное значение подростковой гиперсексуальности отмечает Л. Старович.

С 2013 по 2016 гг. нами также было проведено исследование, построенное на изучении личностных особенностей, особенностей полового самосознания и детско-родительских отношений несовершеннолетних осужденных на основе сравнительно-сопоставительного анализа различных групп подростков. В процессе исследования мы использовали следующий комплекс взаимодополняющих методик:

1. Для изучения личностных особенностей:
  - 1.1 «Патохарактерологический диагностический опросник» А.Е. Личко, Н.Я. Иванова – для изучения типа акцентуации характера подростков и склонности к психопатии.

- 1.2 Проективная методика «Hand-test» («Тест руки») Э. Вагнера – для прогнозирования явного агрессивного поведения.
- 1.3 «Способы совладающего поведения» R. Lazarus и S. Folkman (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004) – для изучения копинг-поведения.
2. Проективная методика «ФПО» (фигура-поза-одежда) Д.К. Саламовой – для изучения полового самосознания и индивидуальных представлений о полоролевых нормах подростков, степени их усвоенности, структуры полоролевой идентичности, индивидуальных полоролевых предпочтений, а также особенностей сексуальных предпочтений.
3. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» («Подростки о родителях») Е. Шафера (в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной) – для изучения установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте. Методика позволяет описать отношения с родителем по наиболее общим проявлениям: доброжелательность, враждебность, автономия, директивность и непоследовательность родителя.

В исследовании приняли участие 54 подростка мужского пола в возрасте 16-17 лет.

Основную группу составили 36 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (Ижевская ВК УФСИН России по Республике Удмуртия, Белореченская ВК УФСИН России по Краснодарскому краю, Колпинская ВК УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Можайская ВК УФСИН России по Московской области, Омская ВК УФСИН России по Омской области), в том числе 18 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), средний срок лишения свободы которых составляет 4 года 10 месяцев, и 18 несовершеннолетних, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (ст. 105, 111, 158, 161, 162, 166 УК РФ), средний срок лишения свободы – 5 лет 2 месяца.

В группу сравнения вошли 18 несовершеннолетних школьников г. Омска, воспитывающихся в социально благополучных семьях.

Изучая типы акцентуаций характера и склонность к психопатии, мы выявили, что 33 % подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, свойственен эпилептоидный тип акцентуации характера, еще у 33 % тип акцентуации не определен и по 6 % подростков характеризуют гипертимный, циклоидный, шизоидный и смешанный (промежуточный) шизоидно-истероидный, шизоидно-эпилептоидный, а также смешанный (амальгамный) гипертимно-истероидный типы акцентуаций характера.

При помощи специальных дополнительных шкал методики, используемых при решении отдельных вопросов медико-психологической диагностики, мы установили, что 29 % несовершеннолетних осужденных свойственна низкая конформность. Высокая конформность, напротив, характерна лишь для 6 % осужденных. Склонность к диссимуляции также характерна 6 % несовершеннолетних осужденных. Выраженная и очень сильная реакция эмансипации в самооценке подростков характерна для 22 % и 12 %

соответственно. Склонность к делинквентности и психологическая склонность к алкоголизации свойственна 18 % и 22 % несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера. Черты маскулинности преобладают в системе отношений у 70 % подростков, феминности – 12 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений характерно для 18 %. Риск социальной дезадаптации (включая высокий риск) характерен 22 % осужденным. Вероятность формирования психопатии выявлена у 41 % осужденных подростков. При этом следует учитывать, что по мнению авторов методики А.Е. Личко и Н.Я. Иванова, отсутствие признаков, свидетельствующих о вероятности формирования психопатии, не может свидетельствовать против клинического диагноза психопатии, поскольку в 30 % случаев эти признаки могут отсутствовать. В то же время, наличие указанных признаков не может быть прямым указанием в отношении психопатии и должно лишь расцениваться как один из доводов в пользу диагноза, а не как решающий диагностический фактор. Подростки, у которых выявлена вероятность формирования психопатии, нуждаются в более тщательном психологическом обследовании ввиду повышенного риска в отношении психопатического развития [14].

Риск депрессии диагностирован у 18 % осужденных; выраженный риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами – у 12 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток выявлена у 47 % подростков, демонстративных – у 24 %. 18 % осужденным свойственна амбивалентность, т.е. двойственное отношение к чему-либо, в особенности двойственность переживания, которая выражается в том, что один и тот же объект вызывает у подростков одновременно два противоположных чувства. Дискордантность характера – феномен, когда при диагностике определенного типа акцентуации характера одновременно оказывается достаточно высоким показатель такого типа, который с ним не совместим, – выявлена у 30 % осужденных. Так, выявлены смешанный (промежуточный) шизоидно-истероидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по циклоидному типу, смешанный (промежуточный) шизоидно-эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по лабильному типу, эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу, смешанный (амальгамный) гипертимно-истероидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по эпилептоидному типу.

У несовершеннолетних, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа, так же, как и у несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, преобладает эпилептоидный тип акцентуации характера (29 %), у 59 % тип акцентуации характера не определен и по 6 % характеризуются астено-невротическим и сенситивным типами акцентуаций характера.

Низкая конформность свойственна 94 % осужденных. Склонность к делинквентности и психологическая склонность к алкоголизации характерны для 6 % и 39 % несовершеннолетних осужденных соответственно. Черты маскулинности преобладают в системе отношений 72 % подростков, феминности – у 11 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений выявлено у 6 %, не определено преобладание у 11 %. Высокий риск социальной дезадаптации характерен 6 % осужденным. Вероятность формирования психопатии выявлена у 30 % осужденных подростков, риск депрессии – у 60 %. Выраженный риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими

веществами выявлен у 6 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток диагностирована у 60 % подростков, демонстративных – у 12 %.

Несовершеннолетним школьникам, формирующимся в социально благоприятных условиях, в большинстве случаев также свойственен эпилептоидный тип акцентуации характера (в 30 %), у 17 % школьников выявлен лабильный тип акцентуации, оставшимся подросткам свойственны сенситивный, психастенический, шизоидный, смешанные (промежуточный) шизоидно-эпилептоидный и шизоидно-психастенический, истероидный, гипертимный, неустойчивый и циклоидный типы (по 6 % соответственно). У 6 % подростков тип акцентуации характера не определен.

Используя специальные дополнительные шкалы методики, мы выявили, что 12 % школьников свойственна низкая конформность, 17 % – высокая. Склонность к диссимуляции характерна 12 % подростков. Выраженная, сильная и очень сильная реакция эмансипации в самооценке подростков выявлены у 18 % и по 6 % соответственно. Склонность к делинквентности характерна для 18 % школьников. Психологическая склонность к алкоголизации выявлена у 24 % подростков, причем у 11 % из них данный показатель характеризует не склонность к алкоголю, а стремление подростков выставить напоказ свою пристрастность к спиртному. Преобладание в системе отношений черт маскулинности характерно для 78 % подростков, феминности – для 17 %, наличие и маскулинных, и феминных черт в системе отношений – для 6 %. Риск социальной дезадаптации (включая высокий риск) характерен 56 % несовершеннолетних школьников. Вероятность формирования психопатии выявлена у 34 % подростков. Возможность органической природы формирования психопатии и акцентуации характера диагностирована у 17 % школьников. Как отмечают А.Е. Личко и Н.Я. Иванов, высокий показатель возможной органической природы формирования психопатии и акцентуации характера часто встречается при эпилептоидном типе акцентуации характера [14]. Риск депрессии диагностирован у 12 % школьников; выраженный и очень высокий риск злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами – у 44 %; вероятность совершения истинных суицидальных попыток выявлена у 39 % подростков, демонстративных – у 44 %. Также, используя специальные дополнительные шкалы методики, мы выявили, что 28 % школьников свойственна амбивалентность. Дискордантность характера выявлена у 44 % подростков – это эпилептоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу; сенситивному типу; лабильному типу; гипертимному типу; сенситивный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по циклоидному типу; неустойчивому типу; шизоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по гипертимному и циклоидному типам; циклоидный тип акцентуации характера с признаками дискордантности по психастеническому типу.

Подводя итог, следует отметить, что мы можем судить о некоторых существенных различиях в исследуемых группах. В частности, несмотря на то, что примерно у трети из каждой группы выявлен эпилептоидный тип акцентуации характера, оставшиеся две трети существенно отличаются. Так, у большинства осужденных подростков тип акцентуации характера не определен и не сформирован в отличие от школьников, формирующихся в социально благоприятной среде. Кроме того, у школьников достаточно широко представлен лабильный тип, не выявленный у осужденных вообще. Также выявлены различия по показателям, полученным при помощи специальных дополнительных шкал методики. Так, низкая конформность более свойственна (практически в 100 %) осужденным корыстно-

насильственного типа, в то время как высокая, напротив, более свойственна школьникам, формирующимся в социально благоприятной среде. Показатели социальной дезадаптации, а также риска злоупотребления наркотиками и другими одурманивающими веществами также более характерны школьникам. Риск совершения истинных суицидальных попыток наиболее характерен осужденным корыстно-насильственного типа, в то время как риск совершения демонстративных – школьникам. На наш взгляд, выявленные более высокие показатели социальной дезадаптации у школьников отражают не реальное положение дел, а характеризует условия, в которых в данный период времени находятся испытуемые подростки – «закрытые» у осужденных и «открытые» у школьников.

Используя методику «Hand-test» Э. Вагнера, мы выявили, что агрессивность в структуре личности свойственна всем трем группам подростков: 83 % несовершеннолетним, осужденным за насильственные преступления сексуального характера, 56 % несовершеннолетним корыстно-насильственного типа и 78 % школьникам, формирующимся в социально благоприятной среде. Мы предполагаем, что полученные данные могут свидетельствовать не об агрессивности как свойстве личности, а могут быть обусловлены психологическими особенностями возрастного периода.

Следующим этапом нашего исследования стало изучение копинг-поведения подростков.

Ситуации, субъективно переживаемые как трудные и нарушающие привычный ход жизни, возникают в жизни каждого человека. Справиться с трудной жизненной ситуацией и позволяет копинг-поведение – целенаправленное социальное поведение, являющееся важным для социальной адаптации человека и позволяющее как можно лучше его адаптировать к требованиям возникающей ситуации. Характер и способы функционирования личности в различных условиях социальной среды позволяют непосредственно сфокусировать внимание на проблеме регуляции поведения и его нарушениях [9]. Изучение копинг-поведения несовершеннолетних преступников представляется особенно актуальным и практически значимым, поскольку активное формирование копинг-стратегий происходит именно в подростковом возрасте, являющимся наиболее чувствительным к влиянию неблагоприятных факторов различного характера.

Так, при помощи методики «Способы совладающего поведения» R. Lazarus и S. Folkman мы выявили, что в стрессовых и фрустрирующих ситуациях элементами сознательного социального поведения, с помощью которых 39 % несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, справляются с жизненными трудностями, как правило, является стратегия дистанцирования. Данная стратегия предполагает снижение субъективной значимости возникающих трудностей и степени эмоциональной вовлеченности в них при использовании обесценивания, переключения внимания, отстранения, юмора и т.д. Положительными сторонами стратегии выступают возможность снижения субъективной значимости трудноразрешимых ситуаций и предотвращения интенсивных эмоциональных реакций на фрустрацию. В то же время при использовании данной стратегии высока вероятность обесценивания собственных переживаний, недооценка значимости и возможностей действительного преодоления трудных ситуаций. Кроме того, 44 % осужденных в ситуациях фрустрации в наименьшей степени используют стратегию планирования решения проблемы, предполагающую

целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработку стратегии разрешения трудностей, планирование собственных действий.

Несовершеннолетние осужденные корыстно-насильственного типа в стрессовых и фрустрирующих ситуациях, как правило, используют стратегии положительной переоценки и дистанцирования (по 17 %). Это означает, что помимо попыток снизить субъективную значимость возникающих трудностей, осужденные подростки стремятся положительно переосмыслить, рассмотреть возникающие трудности как стимул для личностного роста. Тем не менее, несмотря на очевидные положительные стороны стратегии, вероятность недооценки осужденными возможностей действительного разрешения трудных ситуаций может не способствовать их разрешению. Наименее используемыми стратегиями при преодолении стрессоров несовершеннолетними, осужденными за преступления корыстно-насильственного типа, являются стратегия самоконтроля и принятия ответственности (по 39 %). В стрессовых ситуациях данная группа подростков не стремится к самообладанию, контролю и сдерживанию эмоций и поведения, а также выбору стратегии поведения. Несовершеннолетние осужденные не стремятся к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, они не готовы анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках.

В отличие от групп осужденных подростков, несовершеннолетние школьники, формирующиеся в социально благоприятной среде, справляются с жизненными трудностями, используя, как правило, адаптивные стратегии планирования решения проблемы и положительной переоценки (по 17 %). Целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработка стратегии разрешения трудностей, планирование собственных действий способствуют конструктивному разрешению трудностей. В то же время вероятность чрезмерной рациональности, недостаточной эмоциональности, интуитивности и спонтанности в поведении могут оказывать негативное влияние при разрешении трудностей. Кроме того, школьники стремятся положительно переосмыслить, рассмотреть возникающие трудности как стимул для личностного роста. Наименее используемой стратегией при преодолении стрессоров несовершеннолетними школьниками является стратегия самоконтроля (39 %).

Таким образом, нам удалось выявить определенные различия в копинг-поведении групп подростков. Основное заключается в том, что несовершеннолетние осужденные, как правило, используют неадаптивные копинг-стратегии в отличие от школьников. Результаты исследования копинг-поведения несовершеннолетних позволяют предполагать, что существует определенная зависимость между способностью к социализации личности и условиями ее воспитания.

Социализация и регуляция поведения неразрывно связаны и с психической адаптацией личности, в структуре которой особенно актуальным представляется изучение места психологического пола, поскольку пол является фундаментальной характеристикой, а его специфические особенности проявляются на всех уровнях функционирования каждого индивида. Половое самосознание является важным индикатором психологического здоровья, а искажения одного из его компонентов могут приводить к проблемам психического и соматического благополучия, защитных механизмов, супружеских отношений, проблемам нарушения полоролевого поведения, а также криминального поведения и половых отклонений [10].

В связи с этим для нас важно было изучить особенности полового самосознания несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, и сравнить данные показатели с показателями других групп испытуемых. При помощи методики «ФПО» Д.К. Саламовой нам удалось выявить следующие особенности: формирование полового самосознания (полоролевая идентичность, психосексуальная ориентация, сексуальное предпочтение) всех трех групп подростков соответствует возрастным особенностям. Особенности восприятия мужских и женских признаков при выраженности разных атрибутов пола у 100 % осужденных подростков не нарушены, в то время как по 6 % школьников, формирующихся в социально-благоприятной среде, испытывают сложности при восприятии мужских и женских признаков соответственно.

Все подростки четко дифференцируют мужские и женские признаки при опоре на формальные признаки пола (одежда) и признаки, объективно отражающие половые различия (поза, фигура). Сложности дифференциации при опоре на позу и фигуру, как признаки, объективно отражающие половые различия, обнаруживаются лишь у некоторых испытуемых: при восприятии мужских признаков у 6 % несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, 12 % несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа; отдельно при опоре на фигуру – у 12 % школьников, позу – у 6 % школьников, а также на одежду, как формальный признак, также у 6 % школьников. При восприятии женских признаков сложности в дифференциации при опоре на фигуру и позу выявлены у 12 % несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, 6% несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа и 17 % школьников при опоре только на фигуру, а также у 6 % при опоре на одежду.

При выявлении сформированности у испытуемых подростков Я-концепции получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп Я-концепция не сформирована (50 %, 94 % и 56 %), при этом наибольший показатель несформированности отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (94 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: у 17 % в равной степени выражены мужские, женские и недифференцированные по полу признаки, еще у 17 % – мужские и недифференцированные и по 6 % осужденных обнаруживают выраженность недифференцированных по полу признаков; выраженность мужских и женских признаков; а также равную степень мужских и женских признаков. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней мужских признаков свойственно 28 % несовершеннолетних осужденных, женских – 6 %. Для оставшихся 17 % осужденных подростков характерна несформированность Я-концепции, однако, мы можем сделать вывод о преобладании в ней в большей степени мужских признаков.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: у 72 % в равной степени в Я-концепции выражены мужские, женские и недифференцированные по полу признаки, по 6 % обнаруживают выраженность недифференцированных признаков; женских и недифференцированных; женских и мужских и низкий показатель всех трех. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней женских признаков свойственна 6 % несовершеннолетних осужденных.

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: не сформирована Я-концепция, но в наибольшей степени в ней выражены мужские признаки у 55 % школьников. Сформированность Я-концепции и преобладание в ней мужских признаков характерна 27 % школьников; преобладание недифференцированных; женских и мужских; женских, мужских и недифференцированных по полу признаков в Я-концепции свойственна оставшимся подросткам (по 6 % соответственно).

При выявлении сформированности у испытуемых подростков полоролевых предпочтений получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп полоролевые предпочтения не сформированы (56 %, 100 % и 50 %), при этом наибольший показатель несформированности отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (100 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: у 22 % полоролевые предпочтения характеризуются направленностью на мужской пол и у еще 22 % – на женский.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: полоролевые предпочтения не выражены и в равной (средней) степени направлены на мужской, женский и недифференцированный по полу объекты у 78 % и на женский и недифференцированный у 6 %. У оставшихся осужденных полоролевые предпочтения характеризуются направленностью в равной (низкой) степени на мужской, женский и недифференцированный по полу объекты; женский и недифференцированный объекты, а также недифференцированный (по 6 % соответственно).

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: не выражены и в равной (средней) степени направлены на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 22 %; не выражены, но в большей степени направлены на мужской пол – у 28 %. У остальных подростков полоролевые предпочтения сформированы: у 28 % они направлены мужской пол; у 12 % – на женский; на недифференцированный, а также на мужской и женский в равной степени – по 6 % соответственно.

При изучении восприятия объекта сексуального предпочтения получены следующие результаты: у большинства подростков всех трех групп восприятие объекта сексуального предпочтения не сформировано (67 %, 100 % и 95 %), наибольший показатель несформированности также отмечается у осужденных за преступления корыстно-насильственного типа (100 %). Внутри групп показатели распределились следующим образом:

1) у подростков, осужденных за насильственные преступления сексуального характера: восприятие объекта сексуального предпочтения направлено на мужской пол у 17 %, еще у 17 % – в равной степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект.

2) у подростков, осужденных за преступления корыстно-насильственного типа: в равной степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 72 % осужденных; также на все три объекта в равной (низкой) степени – у 17 %

осужденных; и по 6 % осужденных – в низкой степени на мужской и недифференцированный по полу объект.

3) у школьников, формирующихся в социально благоприятной среде: в равной (средней) степени направлено на мужской, женский и недифференцированный по полу объект у 28 % подростков; также на все три объекта в равной (низкой) степени – у 67 % подростков. Восприятие объекта сексуального предпочтения сформировано лишь у 6% подростков и направлено на мужской пол.

Подводя итог, мы можем отметить, что несовершеннолетним, осужденным за насильственные преступления сексуального характера, свойственны следующие особенности полового самосознания: нарушение формирования полового самосознания, проявляющееся в несформированности Я-концепции, несформированности сексуального предпочтения, его направленности на мужской пол. Важно отметить, что нарушения половой идентичности в онтогенезе выступают одним из условий формирования аномального сексуального влечения, при котором могут быть структурные и содержательные искажения полоролевой идентичности – фемининность полоролевой идентичности, идентификация с женскими полоролевыми стереотипами, недостаточная эмоциональная усвоенность мужской половой роли, недифференцированность паттернов полоролевого поведения по маскулинности и т.д. [4]. Кроме того, психосексуальная ориентация и сексуальные предпочтения прочно устанавливаются именно в подростковом возрасте, поэтому выявленные тенденции могут свидетельствовать о трудностях усвоения мужской половой роли и выступать одним из возможных факторов противоправного сексуального поведения.

Выше мы уже отмечали, что предполагаем определенную зависимость между условиями воспитания и особенностями характерологических и личностных особенностей несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера.

Поэтому следующим этапом нашего исследования было изучение установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их подростки.

Прежде всего, стоит отметить, что не имеют матери 6 % осужденных за насильственные преступления сексуального характера и 6 % школьников, формирующихся в социально благоприятной среде; отца – 33 % несовершеннолетних, осужденных за преступления сексуального характера, 6 % осужденных корыстно-насильственного типа и 18 % несовершеннолетних школьников. Кроме того, 6 % осужденных за преступления сексуального характера воспитываются в полной семье, но при разговоре о родителях демонстрируют напряженность, нежелание о них говорить, поэтому опросники не заполнялись.

Позитивный интерес со стороны матери к себе отмечают 56 % осужденных подростков. В таком случае психологическое принятие матери осужденные видят в относительно критическом подходе к себе, испытывая необходимость в ее помощи и поддержке, в большинстве случаев принимая ее мнение и соглашаясь с ней. Они стремятся к сверхопеке сильного и самостоятельного взрослого. 44 % подростков отмечают со стороны матери высокую заинтересованность и тотальный контроль.

Для 44 % несовершеннолетних осужденных проводимая отцами линия воспитания является непоследовательной, что проявляется в непредсказуемости, невозможности предвидеть, как отец отреагирует на ту или иную ситуацию – подвергнет суровому наказанию за мелкие проступки или наоборот, легкому за что-нибудь существенное. 33 % подростков чувствуют со стороны отца преимущественное отвержение.

Также позитивный интерес со стороны матери отмечают 61 % осужденных корыстно-насильственного типа. Еще 61 % отмечают директивность со стороны матери к себе, которую они видят в навязывании им чувства вины по отношению к ней, поскольку она берет на себя ответственность за все их действия. Матерью как бы утверждается изначальная зависимость ее статуса и оценки окружающих от соответствия подростков эталону ребенка. По мнению осужденных, мать стремится любым способом исключить их неправильное поведение, чтобы «не ударить в грязь лицом». Враждебность со стороны матери чувствуют еще 61 % несовершеннолетних осужденных, которая, по их мнению, характеризуется агрессивностью и чрезмерной строгостью матери в межличностных отношениях. Подросткам кажется, что мать ориентирована на себя, а их она воспринимает как соперника. Так, эмоциональная холодность к подростку зачастую может маскироваться и выдаваться за сдержанность, скромность, следование этикету, в то же время может наблюдаться выраженная подозрительность, склонность к чрезмерной критике в адрес сына, несмотря на то, что постоянно (в основном, вербально) демонстрируется ответственность за судьбу сына. Также 61 % несовершеннолетних осужденных за преступления корыстно-насильственного типа, отмечают высокую заинтересованность и тотальный контроль со стороны матери.

Со стороны отца 61 % несовершеннолетних осужденных отмечают позитивный интерес, который рассматривается ими как отсутствие грубой силы, стремления к нераздельной власти в общении. В таком случае психологическое принятие сына отцом основано на доверии. Сыновья и отцы в таких отношениях стремятся находить истину в споре, прислушиваясь к различным аргументам. 56 % осужденных подростков отмечают директивность со стороны отцов, которая, по их мнению, проявляется в форме тенденции отца к лидерству, завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях и доминантном стиле общения. Власть отца над сыном выражается в управлении и своевременной коррекции поведения ребенка, исключая амбициозную деспотичность. В таких отношениях отцы очень четко дают понять ребенку, что ради его благополучия жертвуют некоторой имеющейся у них частичкой власти; что они стремятся решать все мирно. И 44 % несовершеннолетних осужденных отмечают со стороны отца высокую заинтересованность и тотальный контроль.

Со стороны матери 39 % школьников, формирующихся в социально благоприятной среде, отмечают позитивный интерес и проявление теплых чувств и принятие. Со стороны отцов по 28 % школьников чувствуют позитивный интерес и непоследовательность проводимой линии воспитания, об особенностях которых также упоминалось выше. 39 % школьников отмечают проявление теплых чувств и принятие со стороны отца.

Подводя итог, мы можем проследить, что условия воспитания несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления сексуального характера, отличаются от условий воспитания несовершеннолетних осужденных корыстно-насильственного типа и школьников, формирующихся в социально благоприятной среде. В частности, мы можем отметить, что стиль воспитания родителей не согласован между собой, а взаимоотношения

с матерью носят скорее зависимый характер, в то время как со стороны отца осужденные подростки чувствуют преимущественное отвержение, а также непоследовательность применяемых ими воспитательных мер.

Таким образом, всестороннее изучение личности несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, на основе сравнительно-сопоставительного анализа с различными группами подростков позволило выявить некоторые особенности изучаемой группы, среди которых: эпилептоидный тип акцентуации характера, дискордантность характера; агрессивность в структуре личности; использование неадаптивных копинг-стратегий; нарушение формирования полового самосознания (несформированность Я-концепции, несформированность сексуального предпочтения, его направленность на мужской пол); не согласованный стиль воспитания родителей между собой, зависимый характер взаимоотношений с матерью, преимущественное отвержение и непоследовательность применяемых отцом воспитательных мер.

Полученные данные могут использоваться в дальнейшей работе для изучения взаимовлияния личностных особенностей и особенностей полового самосознания с особенностями детско-родительских отношений. Результаты исследования позволят решить прогностические, профилактические и коррекционные задачи и определить различные механизмы криминального поведения несовершеннолетних преступников.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Сексуальная преступность // *Насильственная преступность в России*. РАН. ИНИОН и др. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 2001. С. 34–56.
2. *Антонян Ю.М.* Об истоках формирования личности преступника // *Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных*. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1990. С. 123–314.
3. *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А.* Сексуальные преступления: Научно-популярное исследование. М.: Амальтея, 1993. 320 с.
4. *Белопасова Е.В., Дворянчиков Н.В.* Психосексуальное развитие и полоролевая идентификация у несовершеннолетних, совершивших сексуальные правонарушения // *Сексология и сексопатология*. 2005. № 2. Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии.
5. *Вартанян Г.А.* Психологические особенности несовершеннолетних осужденных за преступления сексуального характера // *Молодёжь третьего тысячелетия: XXXV региональная научно-практическая студенческая конференция: тез. докл.* (г. Омск, 20 апреля 2011 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 440 с.
6. *Вартанян Г.А., Горбатов С.В.* Особенности личности подростков, осужденных за преступления на сексуальной почве // *Психология XXI века: пути интеграции в международное научное и образовательное пространство: Материалы международной научной конференции молодых ученых: сборник статей* (г. Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2014 г.). СПб.: Скифия-Принт, 2014.

7. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. С.П.: «Питер», 2000. 391 с.
8. *Верещагин В.А.* Особенности личности и поведения лиц, совершающих изнасилования // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1990. С. 22–32.
9. *Горбатов С.В., Шукайло В.В.* Особенности совладающего поведения несовершеннолетних преступников // Психология XXI века: Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Психология XXI века» (г. Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2005 г.) / Под ред. В.Б. Чеснокова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005.
10. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 210 с.
11. *Дмитриева Т.Б., Могачев М.И., Шостакович Б.В.* Личность серийных насильников // Механизмы человеческой агрессии. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 2000. С. 37–55.
12. *Ениколопов С.Н.* Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
13. *Жмуров Д.В.* Сексуальная агрессия несовершеннолетних. Иркутск: Современность в творчестве вузовской молодежи: сборник научных трудов молодых ученых. 2006. № 8. С. 56–67.
14. *Иванов Н.Я., Личко А.Е.* Патохарактерологический диагностический опросник для подростков. Методическое пособие. Серия: Выпуск 10. 2–е изд. М.: «Фолиум», 1995. 64 с.
15. *Павлов А.Р.* Многоэпизодные сексуальные убийства // Современная преступность: новые исследования. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. М., 1993. С. 80–90.
16. *Рапинов А.Р.* К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С. 67–86.
17. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. С. 236–242.
18. Состояние преступности – январь-декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734> (дата обращения: 30.09.2016).

Personality characteristics and parent-child relationships juveniles who commit violent crimes of a sexual nature

Vartanyan G.A., PhD-student, Psychology department, Saint-Petersburg State University (g.a.vartanyan@gmail.com)

Gorbatov S.V., PhD in Psychology, Associate Professor, Department of health psychology, and deviant behavior, St. Petersburg State University (s.gorbatov@bk.ru)

Studies of aggressive behavior of teenagers and sexual aggression in particular in the last time are particularly relevant and valuable in modern society. This is confirmed by the data of criminological statistics, according to which the rate of minor crime in the Russian Federation in recent years has virtually the same range. A comprehensive study of the person of a minor convicted of violent crimes of a sexual nature (personal characteristics, characteristics of sexual identity and parent-child relationship) on the basis of comparative analysis with a group of teenagers convicted of the crime of mercenary-violent type, and a group of students emerging in socially favourable environment, enabled them to identify some distinctive features. The obtained results allow to suggest a possible mutual influence of personal characteristics and characteristics of sexual identity with the peculiarities of child-parent relationships in a group of juveniles convicted for violent crimes of a sexual nature.

Key words: juvenile offenders, sexual aggression, coping behavior, personality of the offender, parent-child relationships.

References

1. Antonyan Yu.M. Seksual'naya prestupnost'. Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii. RAN. INION i dr. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v Rossii i za rubezhom. [Topical issues of combating crime in Russia and abroad]. Moscow, 2001. Pp. 34–56.
2. Antonyan Yu.M. Ob istokakh formirovaniya lichnosti prestupnika. Lichnost' prestupnika i voprosy ispravleniya i perevospitaniya osuzhdennykh. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Personality of the criminal and issues of correction and re-education of convicts]. Moscow, 1990. Pp. 123–314.
3. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A. Seksual'nye prestupleniya: Nauchno-populyarnoe issledovanie [Sexual crimes]. Moscow, Amal'teya, 1993. 320 p.
4. Belopasova Ye.V., Dvoryanchikov N.V. Psikhoseksual'noye razvitiye i polorolevaya identifikatsiya u nesovershennoletnikh, sovershivshikh seksual'nyye pravonarusheniya // Seksologiya i seksopatologiya. 2005. № 2. Sbornik tezisov uchastnikov

mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii po yuridicheskoy psikhologii.

5. Vartanyan G.A. Psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh za prestupleniya seksual'nogo kharaktera. Molodezh' tret'ego tysyacheletiya: XXXV regional'naya nauchno-prakticheskaya studencheskaya konferentsiya: tez. dokl. (g. Omsk, 20 aprelya 2011 g.) [The youth of the third millennium: XXXV regional scientific-practical student conference: abstracts]. Omsk: Publ. Om. gos. un-ta, 2011. 440 p.
6. Vartanyan G.A., Gorbatov S.V. Osobennosti lichnosti podrostkov, osuzhdennykh za prestupleniya na seksual'noi pochve. Psikhologiya XXI veka: puti integratsii v mezhdunarodnoe nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: sbornik statei (g. Sankt-Peterburg, 17–19 aprelya 2014 g.) [Psychology of the XXI century: ways of integration into the international scientific and educational space: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists: anatracta]. SPb.: Skifiya-Print, 2014.
7. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. S.P.: «Piter», 2000. 391 p.
8. Vereshchagin V.A. Osobennosti lichnosti i povedeniya lits, sovershayushchikh iznasilovaniya. Lichnost' prestupnika i voprosy ispravleniya i perezovspitaniya osuzhdennykh. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Personality of the criminal and issues of correction and re-education of convicts]. Moscow, 1990. Pp. 22–32.
9. Gorbatov S.V., Shukailo V.V. Osobennosti sovladayushchego povedeniya nesovershennoletnikh prestupnikov. Psikhologiya XXI veka: Materialy Mezhdunarodnoi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov «Psikhologiya XXI veka». Pod red. V.B. Chesnokova (g. Sankt-Peterburg, 22–24 aprelya 2014 g.) [Psychology of the XXI Century: Proceedings of the International Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students and Post-Graduate Students «Psychology of the 21st Century»]. SPb.: Publ. S.-Peterburgskogo universiteta, 2005.
10. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: Uchebnoe posobie. [Sexual self-awareness and methods of its diagnosis]. Moscow: FLINTA, Nauka, 2011. 210 p.
11. Dmitrieva T.B., Mogachev M.I., Shostakovich B.V. Lichnost' seriinykh nasil'nikov. Mekhanizmy chelovecheskoi agressii. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Mechanisms of human aggression]. Moscow, 2000. Pp. 37–55.
12. Enikolopov S.N. Aktual'nye problemy issledovaniya agressivnogo povedeniya. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2010. № 2. Pp. 37–47.
13. Zhmurov D.V. Seksual'naya agressiya nesovershennoletnikh. Irkutsk: Sovremennost' v tvorchestve vuzovskoi molodezhi: sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh [Modernity in creativity of university youth]. 2006. № 8. Pp. 56–67.
14. Ivanov N.Ya., Lichko A.E. Patokharakterologicheskii diagnosticheskii oprosnik dlya podrostkov. Metodicheskoe posobie. Seriya: Vypusk 10. 2–e izd. [Patho-character diagnostic questionnaire for adolescents]. Moscow: «Folium», 1995. 64 p.

15. Pavlov A.R. Mnogoevizodnye seksual'nye ubiistva. *Sovremennaya prestupnost': novye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov VNII MVD [Modern crime: new research]*. Moscow, 1993. Pp. 80–90.
16. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika // *Aktual'nyye problemy ugolovnogo prava i kriminologii*. M., 1981. Pp. 67–86.
17. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. *Sudebnaya seksologiya [Forensic sexology]*. Moscow: Meditsina, 2001. Pp. 236–242.
18. *Sostoyanie prestupnosti –yanvar'-dekabr' 2015 goda. [Elektronnyi resurs] [Crime status January-December 2015]*. Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://mvd.rf/folder/101762/item/7087734> (accessed 30.09.2016).

Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет; ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (oshevsky@serbsky.ru)

В статье рассмотрены клинико-психологические аспекты включения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность. В исторической перспективе прослежено, как менялись взгляды на роль психических расстройств в генезе таких правонарушений. Показано, что террористическую и экстремистскую деятельность необходимо рассматривать как сложный многофакторный феномен, в котором ведущую роль играют социально-психологические составляющие. Отмечено, что психопатологический процесс может выступать как предпосылка для включения подростков в радикальные группы. Проанализированы психоаналитические, социологические, когнитивные подходы, теории социального научения и концепция диффузной эго-идентичности, в которых сделаны попытки объяснить механизмы террористической и экстремистской деятельности у несовершеннолетних. Поставлена проблема недостаточной изученности влияния интернета и социальных сетей на формирование готовности к вступлению в подростков в радикальные организации.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, терроризм, экстремизм.

Для цитаты:

Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 2. С. 123-132. doi: 10.17759/psylaw.2017070210

For citation:

Oshevsky D.S. Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.123-132. doi: 10.17759/psylaw.2017070210

По данным статистики МВД РФ, в период с 2011 по 2016 г. г. количество преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, увеличилось более чем в 2 раза (с 622 до 1450 случаев), деликтов террористической направленности почти в 3,5 раза (с 623 до 2227 случаев). С одной стороны, такая негативная статистика обусловлена тем, что эти общественно опасные действия стали лучше регистрироваться и адекватно квалифицироваться (ч.2 п. «л» ст. 105; ч. 2 п. «е»111; ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ). С другой отмечается явный рост подобного рода правонарушений. Учитывая особую социальную значимость таких деяний, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» рекомендовано подходить к расследованию с особой тщательностью и выяснять обстоятельства, способствовавшие их совершению. Оно обязательно должно включать в себя подробное изучение особенностей развития личности обвиняемых по этим преступлениям. Отмечается, что нередко подобные деликты совершаются лицами с психическими расстройствами. Кроме того, указывается, что экстремизм и терроризм проникает в молодежную среду. Поэтому определение клинико-психологических факторов вовлечения в подобную деятельность несовершеннолетних является актуальной задачей.

Практика комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних в ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России показывает, что за последнее время существенно изменился характер криминальной агрессии на национальной и религиозной почве [5]. Подростки нередко составляют достаточно устойчивые, хорошо организованные группы, осуществляющие свою координацию с помощью закрытых сообществ в социальных сетях интернета. В них входят внешне благополучные несовершеннолетние, которые положительно характеризуются по месту учебы. Даже близкие не замечают изменений в их поведении. Вполне естественно, что после привлечения к уголовной ответственности за тяжелое правонарушение возникает вопрос о психическом здоровье подростка. Между тем, подобное поведение может быть обусловлено целым рядом причин и требуют дифференцированной оценки, в которой учитывались бы психопатологические и социально-психологические факторы, такие как индивидуальные свойства подростка, характер его психического развития, особенности поведения в группе и т.п.

Анализ литературы показывает, что лица с психическими расстройствами часто используются вербовщиками экстремистских, террористических организаций и различных неокультов, реализующих противоправные деяния [3;5;9;10;25-27].

В исторической перспективе можно проследить изменение взглядов на связь между экстремизмом, терроризмом и психопатологией. В 60-80 годы XX в. террористы, учитывая их «крайнюю жестокость, склонность к насилию и обесцениванию человеческой жизни» [30], независимо от их мотивов, рассматривались как психически больные люди. Однако такой подход не учитывал социальных и психологических составляющих, причин формирования мотивационных и смысловых структур, подталкивающих человека к террористической деятельности. Позже было показано [17;21;24], что террористы не являются гомогенной группой с общими механизмами формирования и реализации агрессивных побуждений. Предпринимались попытки типологизировать террористов в зависимости от нозологии и форм психического расстройства [27]. Так, указывалось на связь между шизофренией, посттравматическим стрессовым расстройством, личностной патологией, в частности, «нарциссизмом», и вхождением в радикальные группы [25;26].

Изучались корреляции между «террористическим поведением» и рядом нейродинамических и нейропсихологических показателей [21]. В результате проведенных исследований стало очевидно, что психопатологические факторы оказывают опосредующее влияние на формирование идей, связанных с террористической и экстремистской деятельностью. При этом основную роль играют социальные и психологические факторы [8;22;23]. Аналогичным образом на примере адептов религиозных неокультов исследователями было показано, что психическое расстройство может выступать как предпосылка для включения в деятельность этих организаций. В последующем происходит трансформация личности с формированием жесткой системы деструктивных убеждений, нередко достигающих уровня бредовых, сверхценных концепций, которые подпитываются не столько психопатологическими, сколько социально-психологическими факторами [3]. На материале подростков, обвиняемых в экстремизме, выявлено, что они склонны к группированию, а усвоенные ими идеи достаточно устойчивы и труднокорректируемы [1;2;4;5]. Сходные данные можно встретить и в зарубежных исследованиях [9;10;21;22;26].

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения то, что террористическую и экстремистскую деятельность необходимо рассматривать как сложный многофакторный феномен, в котором ведущую роль играют социальные и психологические составляющие.

Одна из первых попыток психологического объяснения механизмов вхождения в террористическую деятельность была предпринята в рамках психодинамического подхода [6]. С точки зрения авторов, в процессе неправильного воспитания, эмоциональной депривации и жестокого обращения формируется специфическая нарциссическая личность. Длительное переживание в детстве своей неполноценности и уязвимости по механизму гиперкомпенсации приводит к идеям собственной исключительности. В основе мировоззрения и Я-концепции таких людей лежит так называемая «нарциссическая ярость». Это когнитивно-аффективное образование жестко детерминирует поведение в системе координат «бегство-нападение». По мнению J.W. Crayton, посредством террористического акта это позволяет ослабить негативное представление о себе [12]. Следует подчеркнуть, что при всей спорности подобных взглядов они находят отражение даже в современной судебно-экспертной практике. Так, проведен анализ двух судебно-психиатрических экспертиз в отношении норвежского террориста Брейвика. Первая экспертная комиссия признала его «невменяемым» с диагнозом «Параноидная шизофрения», тем самым подчеркнув ведущую роль психопатологического фактора. В рамках принятой судом второй экспертизы, несмотря на то, что у Брейвика выявили «Тяжелое нарциссическое расстройство», он был признан «вменяемым». Основной причиной «патологического самовозвеличивания», приведшего его к терроризму, эксперты второй экспертизы посчитали негативный семейный контекст (гиперопека наряду с эмоциональной холодностью и жестокостью матери при отсутствии отца), в котором он воспитывался [20].

С привлечением концепции социального научения предпринимались попытки объяснить причины террористических атак в Палестине и действие террористической организации «Черный сентябрь» [17]. В дальнейшем в рамках когнитивного подхода было показано, что социальная информация, содержащая экстремистские и террористические идеи, усваивается лучше у определенной категории лиц – детей и подростков из низших социальных слоев общества, испытывавших на себе физическое и эмоциональное насилие и отвергаемых просоциальными сверстниками [31].

На формирование подростковой субкультуры агрессивной направленности, в том числе экстремистской, оказывают влияние экономические, политические, макросоциальные факторы. Особая роль среди них отводится средствам массовой информации (СМИ) [7;14]. Следует отметить, что большинство исследований относительно влияния СМИ на подростков проводилось еще до развития интернета. Однако в них выявлен ряд закономерностей. Так, в работе R.M. Liebert, R.W. Poulos, G.S. Marmor обнаружено, что дети легко усваивают демонстрируемые в кинофильмах и рекламе деструктивные действия и проявляют подобное поведение, когда обстоятельства явно указывают на их допустимость [18]. L.R. Huesmann, L.D. Eron показали, что существует сензитивный период (8-12 лет), в который дети и подростки наиболее восприимчивы к насилию в СМИ [19]. Авторы полагают, что величина восприятия и переработки подобной информации пропорциональна времени ее получения. Вместе с тем, в ряде работ [14] отмечено, что усвоение деструктивных форм поведения, транслируемых в СМИ, и их реализация происходит только у части подростков. Важная роль в этом процессе отводится характеру социального окружения. В лонгитюдных исследованиях D. Farrington [16] обнаружено, что риск агрессии и насилия возрастает в случае принадлежности ребенка к слоям с низким социальным статусом, где наблюдается расхождение между декларируемыми социальными стандартами и законными способами достижения имеющихся потребностей. Не исключено, что информация, содержащая сцены насилия и жестокости, приводит к формированию агрессивных паттернов поведения только у тех подростков, которые испытывали на себе жестокое обращение родственников, холодное отношение с их стороны, были отвергаемы сверстниками [8].

Подтверждение описанным закономерностям можно найти в обширном обзоре С. Crossett и J. Spitaletta [13]. Авторы на основании метаанализа литературы объясняют механизмы вхождения в террористические группы «подростков-джихадистов». Указывается, что вербовщики обращают особое внимание на несовершеннолетних из неполных многодетных семей с низким уровнем достатка. Их снабжают экстремистской литературой и демонстрируют видеоролики уже совершенных террористических актов. В сопутствующих комментариях террористы-смертники героизируются и выступают примером для подражания.

По мнению ряда исследователей [7;11;] подростки, предрасположенные к агрессии, при предъявлении проблемных ситуаций на экране склонны давать враждебные ответы. Авторы связывают это с нарушениями селективности восприятия социальной информации, которые начинают формироваться уже в раннем детстве. В процессе восприятия и переработки информации важные ее части упускаются, при этом происходит привнесение отрицательных переживаний даже в нейтральный материал, что приводит к формированию угрожающего образа мира в целом и усилению агрессивных тенденций.

В объяснении механизмов вхождения в экстремистские сообщества заслуживает внимания концепция диффузной (спутанной) эго-идентичности [15], поскольку она корреспондирует с рядом эмпирических данных, полученных в группах, обвиняемых в экстремизме и терроризме [1;2;4;9;10;29]. Нормальная эго-идентичность является интегрирующим психологическим образованием, которое обеспечивает стабильное, непрерывное ощущение собственной целостности, устойчивость самооценки, уверенность в себе и своем месте в социуме. С некоторыми допущениями это понятие соответствует тому, что в отечественной психологии обозначается как самосознание. Эго-идентичность наиболее интенсивно развивается в возрастном интервале 11-20 лет. Неблагоприятные

варианты протекания подросткового кризиса характеризуются так называемой «диффузной идентичностью» – сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, неясностью жизненной перспективы и т.п. Острые неразрешимые конфликты, чрезвычайные ситуации, смысловые кризисы во взрослом возрасте также могут негативно влиять на эго-идентичность. Дезинтеграция личности может возникать и при психических заболеваниях, в основном в рамках расстройств шизофренического спектра и неспецифической подростковой симптоматики с выраженными чертами незрелости, ведомости и зависимости от референтной для несовершеннолетнего группы. Независимо от того, психопатологическую или психологическую природу имеет диффузная идентичность, она требует своей компенсации. У потенциальных экстремистов и террористов это происходит за счет идентификации себя с референтной группой (реальной или организованной в виртуальном пространстве). Такое сообщество воспринимается не только как единственный источник эмоциональной поддержки, но и дает простые, понятные псевдорациональные объяснения общей картины мира. Крайне поляризованный, категоричный «черно-белый» взгляд на окружающую действительность приводит к неверной ее интерпретации [28]. Примитивные идеи вербовщиков при этом воспринимаются целостно в виде интроектов и не подвергаются критическому анализу. Исследования, проведенные на несовершеннолетних обвиняемых в агрессивных правонарушениях на национальной почве, демонстрируют сходные результаты. Оценки таких подростков, как правило, категоричны и полярны, смысловая сфера отличается конфликтностью и недифференцированностью смыслов. Подобная структура смысловых конструкторов и негативных установок, по-видимому, связана с неблагоприятным семейным контекстом, в котором воспитывается ребенок. Отцы таких несовершеннолетних либо вообще не поддерживают с ними отношений, или отличаются эмоциональной холодностью [4]. Вследствие этого, не формируется адекватного представления о своей психосоциальной роли. Мужской образ у них отличается недифференцированностью. Гипермаскулинные модели поведения реализуются за счет вхождения в деструктивные группы. Это, возможно, позволяет компенсировать диффузность своей идентичности [1;2;5].

Следует подчеркнуть, что развитие высоких технологий и средств общения в социальных сетях, по-видимому, существенно модифицируют процесс коммуникации. На необходимость учета специфичности внешнего воздействия указывается еще в классических работах по викарному научению агрессивным моделям поведения в период активного развития телевидения [7]. К сожалению, исследований влияния интернета на процесс вхождения несовершеннолетних в радикальные группы практически нет. Их проведение будет не только способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования противоправного поведения подростков, но и позволит наметить пути профилактики правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Литература

1. Гурина О.Д. Исследование смысловых конструкторов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 70–81. doi:10.17759/psyedu.2014060308 (дата обращения: 10.05.2017).
2. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование

-
- PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (дата обращения: 10.05.2017).
3. Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н. Проблема религиозных культовых новообразований («сект») в психолого-психиатрическом аспекте: Аналитический обзор. М.: ГНЦССП им. В.П. Сербского МЗ РФ, 2000. 100 с.
  4. Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30–34.
  5. Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Голуб С.В., Фастовцов Г.А. Психолого-психиатрические аспекты экспертной квалификации шизотипического расстройства у несовершеннолетнего обвиняемого в террористической деятельности // Практика судебно- психиатрической экспертизы. Сб. № 52. Под. Ред. Г.А. Фастовцова. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2014 С. 256- 270.
  6. Akhtar S. The Psychodynamic dimension of terrorism // Psychiatric Annals. 1999. №29 (6). P. 350-355.
  7. Bandura A. Aggression: a social learning analysis. New York: Prentice Hall, 1973. 266 p.
  8. Bartol C.R. Criminal Behavior: A Psychological Approach. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010. 672 p.
  9. Borum R. Psychological vulnerabilities and propensities for involvement in violent extremism // Behavioral Sciences and the Law. 2014. № 32(3). P. 286-305.
  10. Borum R. Assessing risk for terrorism involvement // Journal Threat Assessment and Management. 2015. № 2. P. 63-87.
  11. Crick N.R., Dodge K.A. A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment. // Psychopathological Bulletin. 1994. № 2. P. 74-101.
  12. Crayton J.W. Terrorism and Psychology of the Self // Perspectives on Terrorism. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources. 1983. P. 33-41.
  13. Crossett C., Spitaletta J. Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group. 2010. 110 p.
  14. Elliott D.S., Menard S. Delinquent friends and delinquent behavior: Temporal and developmental patterns //Delinquency and crime: current theories. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 28-67.
  15. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
  16. Farrington D. Multiple Risk Factors for Multiple Problem. //Multi-problem violent

- youth. Cracow, 2002. P.23-35.
17. *Kent O., Wieg T.* Terrorist and victim: psychiatric and physiological approaches // *Terrorism: an international journal*. 1985. №8 (1). P. 1-32.
  18. *Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S.* Developmental psychology. Ed. E. Cliffs New York: Prentice Hal. 1977. 102 p.
  19. *Huesmann L.R. Eron L.D.* Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior. // *Aggressive behavior*. 1984. № 10. P. 243-251.
  20. *Melle I.* The Breivik case and what psychiatrists can learn from it // *World Psychiatry*. 2013. № 12. P.16-21.
  21. *Meloy J.R., Yakeley J.* The violent true believer as a “lone wolf” – psychoanalytic perspectives on terrorism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. № 32. P.347- 365.
  22. *Monahan J.* The individual risk assessment of terrorism. // *Psychology, Public Policy & the Law*. 2012. №18. P. 167-205.
  23. *Monahan J.* The individual risk assessment of terrorism: recent developments // *The handbook of the criminology of terrorism*. Eds. LaFree G. Freilich J. New York: John Wiley and Son, 2016. 243 p.
  24. *Post J.M.* Terrorist psychological: terrorist behavior as a product of psychological forces // *Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. New York: Cambridge University press, 1990. P.25-40.
  25. *Peay J.* Mentally disordered offenders, mental health and crime // *The Oxford handbook of criminology*. Oxford, UK: Oxford University Press 2002. P.746-791.
  26. *Research on terrorism: trends, achievements and failures*. Ed. A. Silke. London: Frank Cass. 2004. 235 p.
  27. *Taylor M.* The terrorist. London: Brassey’s, 1988. 249 p.
  28. *Terrorism: Reflections on issues, concepts, and directions*. Eds. Moghaddam F.M., Marsella A. *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions* Washington: DC: American Psychological Association, 2003. 302 p.
  29. *Weatherston D., Moran J.* Terrorism and mental illness: Is there a relationship? // *Offender Ther Comp Criminol* December. 2003. № 47. P. 698-713.
  30. *West L.J.* Cults, liberty, and mind control // *The rationalization of terrorism*. New York: University Publications of America, 1982. P. 101-107.
  31. *Wood W., Wong F.Y., Cachere J. G.* Effects of media violence on viewers aggression in unconstrained social interaction. // *Psychological Bulletin*. 1991. № 109. P. 371-383.

Clinical and psychological aspects of adolescent involvement in extremist and terrorist activities

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (oshevsky@serbsky.ru)

The article deals with the clinical and psychological aspects of including minors in terrorist and extremist activities. In the historical perspective, it was traced how the views on the role of mental disorders in the genesis of such crimes changed. It is shown that terrorist and extremist activity must be viewed as a complex multi-factor phenomenon, in which socio-psychological components play a leading role. It is noted that the psychopathological process can act as a prerequisite for inclusion in such radical groups. Psychoanalytic, sociological, cognitive approaches, theories of social learning and the concept of diffuse ego-identity making attempts to explain the mechanisms of terrorist and extremist activity in minors are analyzed. The problem of insufficient study of the influence of the Internet and social networks on the formation of readiness for admission to adolescents in radical organizations is posed.

Key words: adolescent offenders, terrorism, extremism.

References

1. Gurina O.D. Issledovanie smyslovykh konstruktov, otrazhaiushchikh otnoshenie k natsional'nostiam i natsionalizmu u podrostkov-pravonarushitelei [The study of semantic constructs reflecting the attitude towards nationalities and nationalism in juvenile offenders] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014. Vol. 6. no. 3. pp. 70–81. doi:10.17759/psyedu.2014060308 (Accessed 10.05.2017). (in Russ., abstr. In Engl.)
2. Dozortseva E.G., Malantseva O.D. Ksenofobija i molodezhnyi ekstremizm: istoki i vzaimosviasi [Xenophobia and youth extremism: origins and interrelations] *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2012. no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (Accessed 10.05.2017). (in Russ., abstr. In Engl.)
3. Kondrat'ev F.V., Oskolkova S.N. Problema religioznyh kul'tovyh novoobrazovanij («sekt») v psihologo-psihiatricheskom aspekte [The problem of religious religious neoplasms ("sects") in the psycho-psychiatric aspect]: Analiticheskij obzor. Moscow: Publ. GNC SiSP im. V.P.Serbskogo MZ RF, 2000. 100 p.

4. Oshevskij D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyanija na natsional'noi pochve [Negative social attitudes and semantic constructs in adolescents who have committed violent criminal acts on national ground]. *Yuridicheskaja psikhologija [Juridical psychology]*, 2012. no. 3, pp. 30–34. (in Russ., abstr. In Engl.)
5. Oshevskij D.S., Badmaeva V.D., Golub S.V., Fastovcov G.A. Psihologo-psihiatricheskie aspekty ehkspertnoj kvalifikacii shizotipicheskogo rasstrojstva u nesovershennoletnego obvinyaemogo v terroristicheskoj deyatelnosti [Psychological and psychiatric aspects of the expert qualification of a schizotypal disorder in a juvenile accused in terrorist activity]// *Praktika sudebno- psihiatricheskoy ehkspertizy*. no. 52. In. Fastovcov G.A. (ed.) M.: Publ. FGBU «GNCSSP im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2014 pp. 256- 270.
6. Akhtar S. The Psychodynamic dimension of terrorism // *Psychiatric Annals*. 1999. no. 29 (6). pp. 350-355.
7. Bandura A. *Aggression: a social learning analysis*. New York: Prentice Hall, 1973. 266 p.
8. Bartol C.R. *Criminal Behavior: A Psychological Approach*. 9 th ed. New York: Prentice Hall, 2010. 672 p.
9. Borum R. Psychological vulnerabilities and propensities for involvement in violent extremism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. no. 32(3). pp. 286-305.
10. Borum R. Assessing risk for terrorism involvement // *Journal Threat Assessment and Management*. 2015. no. 2. pp. 63-87.
11. Crick N.R., Dodge K.A. A review and reformulation of social information processing mechanisms in children`s social adjustment. // *Psychopathological Bulletin*. 1994. no. 2. pp. 74-101.
12. Crayton J.W. *Terrorism and Psychology of the Self // Perspectives on Terrorism*. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources. 1983. pp. 33-41.
13. Crossett C., Spitaletta J. *Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts*. The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group. 2010. 110 p.
14. Elliott D.S., Menard S. *Delinquent friends and delinquent behavior: Temporal and developmental patterns //Delinquency and crime: current theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. pp 28-67.
15. Erikson E.H. *Identity, youth and crisis*. New York: W. W. Norton Company, 1968. 336 p.
16. Farrington D. Multiple Risk Factors for Multiple Problem. //Multi-problem violent youth. Cracow, 2002. pp.23-35.
17. Kent O., Wieg T. Terrorist and victim: psychiatric and physiological approaches // *Terrorism: an international journal*. 1985. no. 8 (1). pp. 1-32.

18. Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S. *Developmental psychology*. Ed. E. Cliffs New York: Prentice Hal. 1977. 102 p.
19. Huesmann L.R. Eron L.D. Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior. // *Aggressive behavior*. 1984. no. 10. pp. 243-251.
20. Melle I. The Breivik case and what psychiatrists can learn from it // *World Psychiatry*. 2013. no. 12. pp.16-21.
21. Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a “lone wolf” – psychoanalytic perspectives on terrorism // *Behavioral Sciences and the Law*. 2014. no. 32. pp. 347-365.
22. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism. // *Psychology, Public Policy & the Law*. 2012. no. 18. pp. 167-205.
23. Monahan J. The individual risk assessment of terrorism: recent developments // *The handbook of the criminology of terrorism*. Eds. LaFree G. Freilich J. New York: John Wiley and Son, 2016. 243 p.
24. Post J.M. Terrorist psychological: terrorist behavior as a product of psychological forces // *Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. New York: Cambridge University press, 1990. pp.25-40.
25. Peay J. Mentally disordered offenders, mental health and crime // *The Oxford handbook of criminology*. Oxford, UK: Oxford University Press 2002. pp.746-791.
26. *Research on terrorism: trends, achievements and failures*. Ed. A. Silke. London: Frank Cass. 2004. 235 p.
27. Taylor M. *The terrorist*. London: Brassey’s, 1988. 249 p.
28. *Terrorism: Reflections on issues, concepts, and directions*. Eds. Moghaddam F.M., Marsella A. *Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions* Washington: DC: American Psychological Association, 2003. 302 p.
29. Weatherston D., Moran J. Terrorism and mental illness: Is there a relationship? // *Offender Ther Comp Criminol* December. 2003. no. 47. pp. 698-713.
30. West L.J. *Cults, liberty, and mind control //The rationalization of terrorism*. New York: University Publications of America, 1982. pp. 101-107.
31. Wood W., Wong F.Y., Cachere J. G. Effects of media violence on viewers aggression in unconstrained social interaction. // *Psychological Bulletin*. 1991. no. 109. pp. 371-383.

К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ

Исаева И.В., медицинский психолог, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (isaeva_ira_88@list.ru)

Макушкин Е.В., доктор медицинских наук, заместитель генерального директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (eVm14@list.ru)

Хан В.Ч., судебно-психиатрический эксперт, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Горинов В.В., доктор медицинских наук, профессор, руководитель Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (victor-gorinov@yandex.ru)

В статье обозначена проблематика повторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз после первичной квалификации состояния обвиняемого в момент правонарушения как состояния аффекта. Отмечены особенности работы специалистов при производстве данных экспертиз, обозначены трудности, с которыми сталкиваются психиатры и психологи, причины возможного несогласия с выводами предыдущих экспертов, необходимость учета их заключения при аргументации своего решения. Для иллюстрации затронутых проблем предоставлен подробный разбор случая повторной экспертизы, которая не подтверждает выводы первичной о квалификации состояния обвиняемого как кумулятивного аффекта. На основе проведённого анализа предложены дополнения к стандартной схеме проведения психологического исследования с оценкой картины эмоционального состояния по материалам дела и данным направленной беседы, учётom дополнительной

информации в материалах уголовного дела и особенностей предъявления подэкспертным самоотчета о своем состоянии.

Ключевые слова: аффект, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, эмоциональное состояние, экспертная оценка.

Для цитаты:

Исаева И.В., Макушкин Е.В., Хан В.Ч., Горинов В.В. К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 2. С. 133-144. doi: 10.17759/psylaw.207070211

For citation:

Isaeva I.V., Makushkin E.V., Khan V. Ch., Gorinov V.V. Towards discrepancy in the conclusions of the evaluation of emotional states (affects) in the practice of further comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.133-144. doi: 10.17759/psylaw.2017070211

В практике судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) обвиняемых в убийстве или нанесении телесных повреждений как ранее, так и в настоящее время, несмотря на наличие четкой методологической базы и системы критериев экспертной оценки аффекта [4; 5], нередко встречаются случаи, когда у подэкспертных в рамках КСППЭ диагностируется состояние аффекта, вызывающее у судебно-следственных органов сомнения в его обоснованности и затем не подтверждающееся при проведении повторной экспертизы [6]. При этом в выводах повторной КСППЭ возможны объяснения состояния обвиняемого как врачами психиатрами, описывающими психопатологические механизмы (временное психотическое состояние, психопатическая реакция и т.д.), так и психологами в ходе психологического анализа ситуации [2]. В первую очередь состояние подэкспертного оценивается психиатром, так как уточненная медицинская документация может содержать сведения о наличии у него какого-либо психического расстройства, как хронического, так и временного. В ходе анализа материалов уголовного дела психиатры также, исключив временное психотическое расстройство, рассматривают состояние обвиняемого как сообразное или не сообразное феноменологии аффекта. По этой причине обсуждение материалов дела с врачом, а в последующем – результатов направленной беседы и эксперимента, является необходимым в экспертной работе психолога на любом этапе производства КСППЭ [1].

Изучение обоснования и выводов специалистов, квалифицировавших аффект и исключивших состояние аффекта впоследствии, показывает, что эксперты-психологи в обоих случаях опираются на единые критерии оценок юридически релевантных эмоциональных состояний, представления о трехфазной динамике протекания аффекта и феноменах, характерных для него. Однако это не является залогом тождественных друг другу выводов у разных экспертов в силу широкого диапазона возможной интерпретации и показаний свидетелей, и самоописания подэкспертного.

В основе решения о квалификации аффекта лежит ретроспективный психологический анализ поведения и эмоционального состояния подэкспертного в момент совершения инкриминируемого ему деяния. Базируется данный анализ, в первую очередь, на материалах уголовного дела, в частности – на показаниях очевидцев и потерпевших (если они имеются), самого обвиняемого [1; 3]. Однако в материалах уголовного дела имеются преимущественно формализованные данные, и акцент делается на фактической стороне события, сами же переживания обвиняемого представлены обычно скупо или вовсе не затрагиваются. Поэтому в процессе беседы о событиях правонарушения психолог часто получает дополнительные сведения, которые не знает, как интерпретировать – игнорировать их или же отдавать им приоритет. Неточное следование принципу совмещения объективной (материалы дела) и субъективной (данные беседы) составляющих при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы может привести к случаям гипо- и гипердиагностики аффекта.

Конкретный пример повторной комплексной экспертизы иллюстрирует вышесказанное.

Из материалов уголовного дела и медицинской документации известно следующее. Н. родился единственным ребенком в семье. Наследственность психопатологически не отягощена. Отец его был неоднократно судим. Ранее развитие протекало без особенностей. После смерти матери попал в детский дом, с трудом справлялся со школьной программой, интереса к учебе не проявлял, постоянно пропускал занятия, нарушал дисциплину. В связи с нарушениями поведения был госпитализирован в психиатрическую больницу, где проходил лечение, был выставлен диагноз: «Патохарактерологическое развитие личности неустойчивого типа». После окончания 8 класса подэкспертный поступил в техническое училище по специальности столяр-плотник. Параллельно обучался в 9 классе школы рабочей молодежи. Занимался спортом. С мест учебы в целом характеризуется спокойным, уравновешенным, пользующимся авторитетом соучеников, общительным. В 2000 г. подэкспертный привлекался к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ. В ходе следствия проходил амбулаторную КСППЭ в областной психиатрической больнице. Комиссия пришла к заключению, что он не обнаруживал признаков хронического психического расстройства, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В том же году в отношении подэкспертного было возбуждено уголовное дело по ст. 111 ч. 4 УК РФ. По данному делу была проведена амбулаторная КСППЭ в той же больнице, где он вновь был признан психически здоровым. В 2006 г. был освобожден, проживал с отцом. От соседей поступало заявление о нарушении тишины в ночное время, привлекался к административной ответственности по ст. 8.4 КоАП. В круг общения входили лица ранее судимые. В дальнейшем он неоднократно привлекался к административной ответственности. С 2007 г. он работал в ОАО «Опытно-технологический завод» грузчиком, водителем-экспедитором. В коллективе показал себя с положительной стороны, был ответственным, трудолюбивым, честным, вежливым, оценивался как человек с высокими моральными принципами. Всегда вовремя приходил на работу, спиртное не употреблял. В 2008 г. женился, родилась дочь. В 2012 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ, проходил по данному делу экспертизу в областной психиатрической больнице. Экспертная комиссия пришла к заключению, что Н. обнаруживал отдельные черты эмоционально-волевой неустойчивости, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Был осужден. В 2015 г. он второй раз женился. С места жительства

характеризовался с положительной стороны, был вежлив и внимателен с соседями. Согласно характеристике из ОМВД России по району от 27.07.2016 г., Н. по месту регистрации характеризовался отрицательно.

Как следует из материалов уголовного дела, примерно с лета 2015 г. между Н. и соседями И. и К. стали возникать конфликты по поводу содержания Н. собак крупной породы рядом с территорией домовладения И. и К. Зимой того же года Н. стал предъявлять К. и И. претензии, что они якобы отравили его собак, написал заявление в полицию, где также указал, что они подбросили записку, в которой содержались угрозы в его адрес. Потерпевшие отрицали свою причастность к произошедшему с собаками. В середине июля 2016 г. утром Н., зайдя на территорию домовладения соседей, нанес К. два удара ножом, а затем И. – множественные удары ножом в область грудной клетки, живота, шеи, верхних конечностей и поясничную область, от которых тот скончался на месте. Далее Н. уехал с места происшествия, совершив наезд на свидетеля Ю.

Потерпевшая К. показала, что в день произошедшего к ним пришел Н., поинтересовался, все ли у них нормально, сообщил, что у него умерла собака. При этом в поведении подэкспертного ничего странного потерпевшая не заметила, он говорил уверенно, решительно, четко и спокойно, признаков агрессии не проявлял. Когда калитка открылась, Н. сразу же прошел на территорию домовладения, подошел к ней, достал нож и нанес удар в область живота. Когда И. и К. побежали в дом, Н. нанес потерпевшей удар в область спины. Она выбежала на улицу, а Н. побежал за И. Выйдя на улицу, К. обернулась и увидела, что подэкспертный выбежал с территории домовладения и направился к своему автомобилю, сел и резко поехал вперед, совершив наезд на свидетеля Ю., который препятствовал его отъезду. После этого он уехал в неизвестном направлении. Она дополнила, что все указанные ей события произошли в короткий промежуток времени, не более 3-5 минут. На вопросы следователя потерпевшая сообщила, что вместе с И. пытались убежать от него и скрыться в доме. Они не угрожали ему, в руках каких-либо предметов, в том числе ножа, оружия не было. На конфликт подэкспертного они не провоцировали.

Свидетель С. добавила, что в день произошедшего около девяти утра, когда она вместе с Ш. проезжала мимо домовладения К. и И., калитка распахнулась и на улицу выбежала потерпевшая, которая кричала, звала на помощь. Следом выбежал Н., руки которого были в крови. Он побежал к своему дому. Ш. направил мотоблок в сторону Н. и остановился за автомобилем, перекрыв выезд. Н. быстро сел в машину, вывернул руль и начал движение вперед. В это время к нему бежал сосед по имени Ю., который хотел вытащить подэкспертного из машины. Но тот наехал на него и провез на капоте, потом резко затормозил, и Ю. упал на землю перед машиной. Н. попытался его объехать, но у него не получилось. Он проехал ему по ногам, резко прибавил газ и скрылся с места происшествия.

Во время допроса в качестве подозреваемого на вопросы следователя Н. пояснил, что желал давать показания, но не мог по состоянию здоровья ввиду причинения ему телесных повреждений сотрудниками полиции при задержании, а также из-за нарушений его процессуальных прав и обязанностей. В дальнейшем от дачи ответов отказывался в связи с тем, что его позиция не согласована с защитником. Во время ознакомления с постановлением о назначении ему амбулаторной КСППЭ Н. заявил, что перед производством экспертизы желает дать показания об обстоятельствах произошедшего и

просил предоставить ему время для консультации с защитником. В следующих своих показаниях он вину признавал частично. Сообщал, что с соседями возникали конфликты по разным бытовым причинам, характеризовал их с отрицательной стороны, как конфликтных людей. Указывал, что согласовал с И. строительство вольера. Рассказывал о неоднократных случаях отравления собак и найденной им записке с угрозами. В день произошедшего, по показаниям подэкспертного, супруга ему сообщила, что одна из собак мертва и лежит в вольере, от чего он сильно занервничал и решил съездить домой, чтобы убедиться в этом. По приезде он прошел к вольеру, где убедился в смерти собаки. Он очень сильно разволновался, застучало в висках, поднялся жар, затряслись руки и потекли слезы. В доме он умылся, но не успокоился. Тогда решил сходить к соседям, чтобы выяснить, с какой целью они отравили его собаку. Во дворе между ним и И. произошел словесный конфликт, в ходе которого они все отрицали. И. сказал, что сейчас застрелит Н. из ружья и побежал в сторону дома. Н. побежал следом за ним, при этом в какой-то момент достал из барсетки нож. Не помнил нанесение ударов К. Ближе ко входу в дом он догнал И. и нанес ему около 3-4 ударов в область тела. После этого развернулся и направился к своему автомобилю, который был припаркован рядом с калиткой его дома. При этом он находился в возбужденном состоянии, аналогичном описанному им ранее. Сообщал, что по дороге к автомобилю не видел К. и не слышал каких-либо криков о помощи. Он сразу запустил двигатель и поехал по направлению движения. Не помнил, чтобы ему кто-то в этом препятствовал, поскольку находился в расстроенных чувствах. Он доехал до дорожного знака с Ч., оставил автомобиль и побежал через лес. Внутренне состояние не изменилось. Он бежал до тех пор, пока не закончились силы. Затем он упал и стал вспоминать происходящие события, после чего встал и пошел на автомобильную дорогу, где на попутном транспорте доехал до одного из сел области. На уточняющие вопросы следователя о механизме нанесения ударов потерпевшим, о том, в какой одежде он находился, куда он положил нож, ссылаясь на забывчивость.

В ходе следствия Н. первично была проведена амбулаторная КСППЭ. О конфликтной ситуации с соседями он рассказывал аналогично своим показаниям, добавляя, что это был для него с супругой стресс. О ситуации правонарушения Н. сообщал, что в ответ на угрозу соседа внутри у него все перевернулось, он испытал обиду, после чего видел перед собой только соседей. Дальнейшее, по его словам, помнит «как в тумане», не помнит, как наносил удары К. Вспомнил, что наносил три удара ножом И., но как это делал и в какие части тела, сказать затруднялся. Голова при этом была пустая, мыслей не было. Потом захотелось оттуда уйти, сел в свою машину и уехал. Вокруг никого не видел. Сколько проехал, сказать затруднялся. Выйдя из машины, побежал и бежал, пока не почувствовал усталость.

При психологическом анализе психолог выявил: как следует из материалов уголовного дела, в том числе показаний свидетелей, между подэкспертным и потерпевшими существовали длительные конфликтные отношения, которые носили психотравмирующий характер для подэкспертного. В период времени, непосредственно предшествующий агрессивным действиям, возникла очередная психотравмирующая ситуация. В данное время поведение подэкспертного было совладающим. Однако наличие последующего конфликта с потерпевшими привело к аффективному взрыву в виде агрессивных действий. Психолог отмечает наличие у подэкспертного субъективной внезапности возникновения аффективного взрыва. Обоснование заключается в том, что сознание у него в этот момент было заполнено эмоционально насыщенными переживаниями обиды, отличалось фиксацией на аффектогенном объекте (потерпевших); суженность сознания проявлялась в

резком ограничении поля восприятия. В данный период, по мнению психолога, у подэкспертного нарушилась способность к осмыслению и оценке ситуации, ухудшилось качество контроля за своими действиями и прогноз возможных последствий, что проявилось в его агрессивных действиях с характерными множественными ударами, произведенными в быстрой последовательности за короткий промежуток времени. Экспертом-психологом отмечена характерная неполнота и фрагментарность восприятия с элементами искаженного восприятия. Последующее поведение было квалифицировано как недостаточно целенаправленное, характеризовавшееся явлениями психического и физического истощения. Таким образом, психолог пришел к заключению, что в исследуемый период времени Н. находился в состоянии физиологического аффекта с типичным трехфазным течением с предшествовавшей фазой кумуляции (накопления) эмоционального напряжения, фазой аффективного взрыва с аффективно суженным сознанием, изменением восприятия (его фрагментарностью), характерными множественными стереотипными ударами, произведенными в быстрой последовательности за короткий промежуток времени и последующим состоянием астении (истощения).

Согласно постановлению о назначении повторной, стационарной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы, у следствия возникли сомнения в обоснованности заключения эксперта-психолога, «поскольку смерть собаки и неприязненные отношения в быту с соседями не могли создать длительную психотравмирующую ситуацию, которая могла послужить внезапному аффективному взрыву» у последнего. У следствия есть основания полагать, что Н. совершил указанные преступления, осознавая общественную опасность своих действий и предвидя возможность наступления последствий в виде смерти И. и К., и желал их наступления, поскольку совершал последовательные и осознанные действия, выразившиеся в том, что он перед причинением телесных повреждений К. и И. заранее приготовил орудие преступления – нож, и нанес им удары К. Причинив телесные повреждения К., стал преследовать И. и, настигнув его, нанес потерпевшему множественные удары ножом в различные области тела. Доведя свой преступный умысел до конца, Н. скрылся с места происшествия, совершив наезд автомобилем наезд на свидетеля, который этому препятствовал. Сразу после этого Н. избавился от орудия преступления.

При настоящем обследовании подэкспертный охотно вступал в контакт, на вопросы отвечал избирательно. В беседе часто сам переходил на обсуждение темы взаимоотношений с потерпевшими, при этом проявлялись аффективные реакции, он становился раздражительным, периодически использовал нецензурную лексику. В отделении был упорядочен, общался с другими подэкспертными, выборочно занимал себя просмотром телевизионных передач, режим не нарушал. Мышление оценивалось ближе к конкретному, без структурных нарушений. Эмоциональные реакции были неустойчивые. Высказывания носили внешнеобвиняющий характер. Интеллектуально-мнестические способности были сохранены. Острой продуктивной психопатологической симптоматики не выявлялось. Критика была сохранена. При экспериментально-психологическом исследовании (ЭПИ) выявлялись следующие индивидуально-психологические особенности (ИПО): эгоцентричность личностной позиции, приоритет собственных потребностей и интересов, претенциозность, высокие самолюбие и самооценка, стремление к доминированию, нетерпимость к противодействию, давлению со стороны, эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, раздражительность при достаточном самоконтроле поведения. Отмечалось

сочетание указанных ИПО с высокой чувствительностью в отношении собственной личности, к ситуациям и обстоятельствам, уязвляющим его самолюбие, со склонностью к фиксации на негативных сторонах происходящего, обидчивостью, внешнеобвиняющей позицией в проблемных и конфликтных ситуациях, убежденностью в правильности своих взглядов и позиции, требовательностью к другим, их соответствию имеющейся у подэкспертного системе представлений и ожиданий, нетерпимостью обратного.

В беседе с психологом Н. рассказал, что отношения с потерпевшими изначально не были конфликтными, однако стали таковыми, когда подэкспертный установил вольер для животных. Упоминает случай, когда обе его собаки были отравлены, и он был вынужден обратиться за ветеринарной помощью, при этом он сделал вывод, что в этом виноваты потерпевшие. Однако после произошедшего решил вольер никуда не переносить, имел право размещать его в любом месте: «Где хотим, там и размещаем». С декабря 2015 г. по июль 2016 г., по словам подэкспертного, его переживания стали менее выраженными: «Улеглось немного. И я уже забыл переживания». В день произошедшего подэкспертный от жены узнал, что одна из их собак «лежит мертвая в вольере», в ответ на что он испытал волнение, жалость к собаке, решил поехать домой, чтобы проверить ее состояние. К приезду убедился, что собака мертва, дальнейшее свое состояние описывает как жалость к собаке, при этом подчеркивает, что не мог успокоиться, специально пошел в дом, чтобы умыться, настойчиво и неоднократно акцентирует внимание собеседника на том, что у него застучало в висках и затряслись руки. Далее пошел к соседям, чтобы узнать, за что они убили собаку. Сообщает, что соседи не признавали своей вины, после чего начался словесный конфликт. Подробности данного разговора подэкспертный описать затрудняется, ссылаясь на забывчивость, которое объясняет своим взволнованным состоянием. Передает, что потерпевший сказал: «Я тебя сейчас завалю» и побежал к дому. Обследуемый не поясняет, зачем он побежал следом за соседом, а также не передает, какие испытывал в тот момент переживания. Сообщает, что не помнит, чтобы наносил удары соседке: «Она меня не интересовала. Передо мной стоял И.»; рассказывает, как догнал потерпевшего и нанес ему три-четыре удара, после чего развернулся, пошел к машине и уехал, бросил машину, побежал через поле, пока не почувствовал усталость.

Психологический анализ материалов уголовного дела и данные направленной беседы с подэкспертным показали, что в период времени, предшествующий инкриминируемым подэкспертному деяниям, между ним и потерпевшими сложились конфликтные отношения. Несмотря на формирование комплекса негативных переживаний по отношению к потерпевшим, кумуляции эмоционального напряжения в ситуации не происходило. В случаях же возобновления конфликтов возникающее эмоциональное напряжение находило разрядку, в том числе в форме вербальной агрессии. Возникшее в момент обнаружения смерти собаки эмоциональное возбуждение сопровождалось соответствующими переживаниям вегетативными проявлениями, однако оно не достигало степени, приводящей к дисрегуляции поведения. Отсутствовали субъективно внезапные изменения психической деятельности со специфической феноменологией изменений сознания, восприятия и регуляции деятельности. Н. был достаточно включен в ситуацию конфликта, способен к оценке ее внешних параметров, отмечались переключения его внимания. Действия Н. в момент нанесения ножевых ранений потерпевшим не были стереотипными, сопровождалась активными перемещениями по дому и домовладению (на что указывает факт нанесения ударов нескольким потерпевшим, в разные части тела). Ссылки Н. на забывчивость отдельных моментов, предшествующих агрессивным действиям, в процессе

их нанесения и после, не являются достаточным основанием для квалификации состояния аффекта, а учитываются в совокупности с иными феноменологическими критериями. После совершения агрессивных действий не отмечалось явлений постаффективной астении. Напротив, исходя из самоописания Н. в его показаниях, после нанесения ножевых ранений потерпевшим он находился «в возбужденном состоянии»; согласно данным направленной психологической беседы, усталость он почувствовал, только когда «побежал через поле», уже уехав с места правонарушения. Действия его были целенаправленными, в них не отмечалась дезорганизация, он осмыслил произошедшее и действовал в соответствии с обстановкой, оценивал поведение окружающих.

Комиссия пришла к заключению, что Н. хроническим психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики, лишавшими бы его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, не страдал и не страдает таковыми в настоящее время. У него имеются акцентуированные личностные черты в виде отдельных проявлений эмоциональной неустойчивости, раздражительности, обидчивости, эгоцентризма, застревания на отрицательно-окрашенных переживаниях. В период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, Н. не обнаруживал признаков какого-либо временного психического расстройства. Проведенный психологический анализ позволил сделать вывод о том, что в момент совершения правонарушения Н. не находился в состоянии аффекта, а также каком-либо другом экспертно значимом эмоциональном состоянии. Отмечаемое у него в момент совершения инкриминируемых деяний состояние эмоционального возбуждения не приводило к дисрегуляции деятельности и не оказывало существенного влияния на его поведение.

На примере проанализированного выше случая можно выделить ряд проблемных зон экспертной работы, от которых зависит итоговый вывод об эмоциональном состоянии обвиняемого в исследуемый период времени.

Без учета всех имеющихся в деле показаний оценка поведения обвиняемого в момент правонарушения окажется односторонней и будет сопровождаться недоучетом важных свидетельств о сохранности или, напротив, ограниченности способности подэкспертного к оценке, прогнозу, регуляции своей деятельности. Желание достичь такой цели как выяснение и квалификация эмоциональных переживаний субъекта наиболее простым и прямым путем, то есть путем только направленной беседы, может привести к формированию необъективного мнения в отношении показаний участников уголовного дела и фактов, приведённых в нем. Также стоит отметить, что, несмотря на наличие устойчивого алгоритма экспертного обследования и системы критериев оценки юридически релевантных эмоциональных состояний, их постоянное уточнение и систематизацию, эксперты порой склоняются к их субъективной трактовке, особенно в случае выявления реального конфликта и эмоционального возбуждения у подэкспертного. Игнорирование методологического принципа проведения психологического ретроспективного анализа с первостепенной опорой на материалы уголовного дела чревато риском неверного толкования феноменологии эмоционального состояния обвиняемого в экспертно значимый период времени, что, в свою очередь, ведет к ошибочному экспертному выводу и необходимости повторной экспертизы.

На основании описанных нюансов повторных КСППЭ эмоциональных состояний видится целесообразным дополнить разработанный алгоритм психологического исследования следующими шагами.

1. На этапе уяснения фабулы дела стоит особое внимание уделить пополнившим материалы уголовного дела уже после предыдущей экспертизы показаниям, допросам, в том числе и в ходе судебных заседаний, в которых содержится информация о поведении потерпевшего и обвиняемого, а также состоянии последнего в исследуемый промежуток времени. Часто данная информация собирается по рекомендации учреждения, производившего первичную КСППЭ, а следовательно – является значимой для полного понимания картины происшедшего в момент правонарушения.

2. Также вероятно появление новых сведений, характеризующих подэкспертного, что в ходе психологического анализа его индивидуально-психологических особенностей по материалам уголовного дела может повлиять на целостную диагностику личности обследуемого в целом.

3. В ходе психологического ретроспективного анализа динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела картина динамики эмоционального состояния строится целостно, с учетом вновь и недавно приобщенных материалов. Установленную картину целесообразно сравнить с описанной психологами-экспертами в рамках первичной экспертизы психологическим анализом.

4. При выявлении индивидуально-психологических особенностей подэкспертного путем ЭПИ, напротив, не стоит опираться на заключение других экспертов, а интерпретировать данные методик и направленной беседы максимально объективно и независимо.

5. На этапах сопоставления данных, полученных при исследовании материалов уголовного дела с данными беседы, наблюдения и результатов ЭПИ, а также анализа взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией не стоит забывать о такой особенности повторных экспертиз как научение подэкспертного и формирование устойчивых защитных тенденций. Нельзя отрицать факт того, что влияние определения состояния аффекта на вероятность квалификации привилегированного состава преступления является в большинстве случаев желательным для субъекта преступления. Это, в свою очередь, влияет на характер предъявляемой им информации. В данном случае стоит говорить не только о целенаправленном предъявлении искажённого отчета о своих переживаниях, но и о подсознательной переработке опыта. Это обстоятельство осложняет процедуру экспертного исследования, затрудняет работу психиатров и психологов, приводит к возможным случаям, когда картины психического и эмоционального состояния подэкспертного в материалах уголовного дела, на первичной и на повторной экспертизе существенно разнятся между собой. Вследствие этого возникает необходимость привлекать к повторной экспертизе опытных специалистов, имеющих опыт многократного участия в подобных экспертизах. Особое внимание в процессе беседы с подэкспертным может быть обращено на индивидуалистичность передаваемых переживаний и ощущений, их нешаблонность.

6. Поскольку наличие в деле двух экспертных заключений, содержащих взаимоисключающие выводы, является поводом для назначения еще одной экспертизы, в обосновании своего решения стоит дать обязательную квалификацию всем переживаниям и действиям подэкспертного, которые оценивались предыдущими экспертами как проявления, характерные для состояния аффекта.

Получив взаимоисключающие результаты двух независимых экспертиз, суд вправе воспользоваться заключением экспертов, чьи выводы наиболее полно, последовательно и аргументированно представлены, либо назначить производство еще одной повторной КСПЭ.

Литература

1. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1999.
2. Морозова М.В., Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С., Ткаченко А.А. К вопросу дифференциации и экспертной оценки эмоциональных состояний // *Российский психиатрический журнал*. 2014. № 5. С. 38–46.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: Учебник для академического бакалавриата. М., 2014.
4. Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г., Печерникова Т.П., Шишков С.Н., Сулимовская Е.И. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей. Москва, 2004.
5. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации. М., 2016.
6. Аффект: Практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия / Авторы-составители: Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. М., 2013.

Towards discrepancy in the conclusions of the evaluation of emotional states (affects) in the practice of further comprehensive forensic psychological and psychiatric examination

Isaeva I. V., medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (isaeva_ira_88@list.ru)

Makushkin E. V., Doctor, Professor, Deputy General Director on scientific work, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (eVm14@list.ru)

Khan V.Ch., forensic psychiatric expert, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Gorinov V. V., Doctor, Professor, Head of Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (victor-gorinov@yandex.ru)

The article represents problems of secondary comprehensive forensic psychological and psychiatric examination after initial assessment of the accused being in the state of affect during the act of offence. Features of expert work in conducting these examinations, the difficulties faced by psychiatrists and psychologists, reasons for possible disagreement with the conclusions of the previous experts, the need to take into account their conclusions in the argumentation of their decision were noted.

To illustrate the problems mentioned, a case study of secondary examination, which does not confirms the conclusions of the primary examination in regard to the qualification of the accused's emotional state as cumulative affect, is provided.

On the basis of the analysis some additions were suggested to the standard scheme of psychological research with an assessment of the picture of the emotional state according to the materials of the criminal case and the clinical interview, accounting additional information in materials of criminal case and specifics of accused's self-description presentation.

Key words: affect, expert assessment, comprehensive forensic psychological and psychiatric

---

examination, emotional state.

References

1. Kudryavtsev I.A. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination]. Moscow, 1999.
2. Morozova M.V., Savina O.F., Safuanov F.S., Tkachenko A.A. K voprosu differentsiatsii i ekspertnoi otsenki emotsional'nykh sostoyanii [Towards differentiation and expert assessment of emotional states]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of psychiatry]*. 2014. № 5. Pp. 38-46.
3. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Forensic psychological examination: Training aids for academic baccalaureate]. Moscow, 2014.
4. Safuanov F.S., Dozortseva E.G., Pechernikova T.P., Shishkov S.N., Sulimovskaya E.I. Sudebno-psikhologicheskie ekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinyaemogo: Posobie dlya vrachei [Forensic psychological expert criteria for diagnostics affect of accused: A manual for medical]. Moscow, 2004.
5. Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Isaeva I.V. Kriterii sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenki yuridicheski relevantnykh emotsional'nykh sostoyanii u obvinyaemykh: Metodicheskie rekomendatsii [Criteria of Forensic psychological expert assessment of legally relevant of emotional states of accused: Guidelines]. Moscow, 2004.
6. Affekt: Praktika sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy. Khrestomatiya [Affect: Practice forensic psychological and psychiatric examination. Chrestomathy]. Safuanov F.S., Makushkin E.V. Moscow, 2013.